

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1980(IV) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 12

РЕДАКЦИЯ:

Проф. В.И. Алексеев (США), проф. А.Е. Климов (США), проф. Р.В. Плетнев (Канада), Г.А. Хомяков (Г.Андреев, главный редактор, США).

Члены редакционного совещания: прот. А.Трубников (Франция), свящ. А. Лебедев(США), дьякон Н. Семенов (Франция), Е.А. Вагин (Италия), проф. Ю.Л. Джапаридзе (США), К.И. Киселева (США). А.И. Михайловский (ФРГ), проф. Н.П. Полторацкий (США), сгящ. В. Потапов (США), Г.А.Рар (ФРГ). Т.А. Родзянко (США), Н.Г.Семенова (Франция), А.Н.Федоров (Франция).

Писать по делам журнала по адресу издательства. Рукописи посылать по адресу:

**G.Homjakow, 39 Drake Drive,
Bayville, New Jersey 08721, U.S.A.**

Рукописи просьба присылать напечатанные на машинке на одной стороне листа и через два интервала. Непринятые рукописи не возвращаются. Статьи, помещенные в журнале, не обязательно выражают мнения и взгляды редакции, считающей, что тема Возрождения России должна обсуждаться возможно более свободно и широко.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Комиссия по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей.

Адрес издательства:

Rev. A.KISELEV

**1000th Anniversary Committee, 322 West 108th Street,
New York, N.Y. 10025, U.S.A. Tel.: (212) 663-9093**

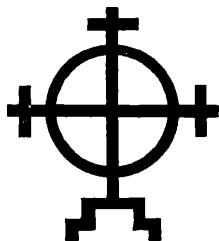
Обложка работы художника А.В. Русака

Крест из церкви свв. Апостолов Петра и Павла в Кожевниках (Новгород) 1406 год.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1980(IV) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 12

THE RUSSIAN RENASCENCE

Printed in U.S.A.
New York, N.Y.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

АВСТРАЛИЯ:

Сидней —

Mr. M.Serebriakov, Lot 2, Old Kent Road, Kentlyn N.S.W., Australia 2560.

Мельбурн —

Mr. A.Souprounovich, 11 Cheel Street, Dakleigh, Australia 3166.

Аделаида —

1) Mr. S.Komarovs, 4 Devon Street, Mile End, S.Australia 5031.

2) Mr. N.Lobatchevsky, 58 Elizabeth Street, Croydon, S.Australia 5008.

ГЕРМАНИЯ:

Herrn M.Artzimovitsch, Promenade 26, 6380 Bad Homfurg, W.Germany.

КАНАДА:

Mrs. N.Ivanchenko, 4 Indian Valley Crescent, Toronto, Ont., Canada M6R 1Y6.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ:

Нью-Йорк —

1000th Anniversary Committee, 322 W. 108th Street, New York, N.Y. 10025, U.S.A.

Сан-Франциско —

Holy Virgin Community, 6254 Geary Blvd., San Francisco, Cal. 94121.

ФРАНЦИЯ:

Париж —

Melle N.Semenoff, 1 rue Delaporte, 94700 Maisons-Alfort, France.

Copyright by the Preparatory Committee for the One Thousandth Anniversary of the Baptism of Russia, 322 West 108 St., New York, N.Y. 10025, USA.

« РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Задачи Журнала

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его крещения (988-1988).

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историософской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Всё, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения, — литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и всё, что с ними связано и из них вытекает, входит в круг интереса журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять в канун тысячелетия крещения наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Издание субсидируется следующими русскими церковными и общественными организациями:

Австралийская и Н.З. епархия — Академическая группа в США — Американско-русское просветительное Общество «Родина» — Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей — Братство Св. Креста в Австралии — Восточно-Американская и Ньюйоркская епархия — Владимирское Братство в Германии — Гарнизон №297 им. ген. Турчинова — Западно-Американская и Санфранцисская епархия — Женский Комитет помощи в Австралии — Кадетское Объединение — Комитет объединенных русских организаций в Лос-Анжелесе — Комитет защиты гонимых прав. христиан — Комитет подготовки к 1000-летию Крещения Руси, Калифорния, США — Конгресс русских американцев, США — Национальная организация «Витязь» во Франции — Национальная организация русских разведчиков (НОРР) — Национальная организация русских скаутов (НОРС) — Новая Шамордино-женская обитель в Австралии — Организация русских юных разведчиков (ОРЮР) — ОРЮР в Австралии — Общество «Отрада» в США — Общественное объединение, Монреаль, Канада — Общество Галлиполийцев в Лос-Анжелесе — Общество Друзей скита на военном кладбище в Мармелоне, Франция — Общество «Икона» в Париже — Православное братство всех святых земли Русской, Калифорния, США — «Православное Дело» — Русский очаг в Аргентине — Русский имперский Союз-Орден в США — Русский Центр в Сан Франциско — Русско-Американское Общество в Детройте — Российское национальное объединение в Германии — Св. Троицкий монастырь в Джорданвиле, США — Северо-Американское отделение Русского Общевоинского Союза — Союз русских инженеров в США — Союз дворян в Париже — Союз ревнителей памяти императора Николая II — Союз офицеров русского экспедиционного корпуса во Франции — Св. Серафимовский Фонд в США — Сестричество Санфранцисского Кафедрального Собора — Тройственный Союз Казаков Дона, Кубани и Терека — Фонд Блаженной Ксении Петербургской в США — Фонд Царя-Мученика — Церковь Покрова Б.М. в Наяке, США.

Этот список будет пополняться по мере выражения другими русскими организациями желания в нем участвовать.

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

ИМЕТЬ МУЖЕСТВО ВИДЕТЬ

Полемика в журнале «Форэн Аффэрс»

Уровень политической полемики заставляет выслушивать весьма плоские, а притом дружные обвинения — например, что я идеализирую прошлое России, не знаю историю собственной страны, а уж тем более не понимаю Америку и всё современное человечество, ибо мало разговариваю на бензоколонках. Я предупреждал против злостных искажений русской истории,— мне приписали это как исчерпывающую систему взглядов. Историей русской революции я занимаюсь более 40 лет, сейчас оканчиваю восьмитомное повествование, которое начнёт выходить по-русски через 2 года, по-английски, может быть, через 5. В объёмном художественном анализе открываются куда более коренные пороки и ошибки многовекового русского развития, чем могут мне представить мои горячие оппоненты по газетной поверхности или привременной страсти. Конечно, художнику не место в политической полемике, она огрубляет аргументы,— но больно слышать легковесные безответственные суждения, произносимые с научным видом, а между тем поражаться беззащитности и ненаходчивости современного Запада перед мировой ситуацией — прежде всего в составе идей и уровне их исполнителей. При таком течении трудно найти покой отложить высказывание ещё на 5 лет.

I

Жизнеспособность всякой системы хорошо характеризуется её приемчивостью к критике. Я всегда был уверен, что американская система жаждет критики и даже любит её. Уверенность поколебалась после моей гарвардской речи, когда в потоках гнева прессы отчётливо прозвучало: «не рассуждай, замолчи и даже убирайся прочь!» Никак не ожидал встретить такую тональность и на страницах «Форэн Аффэрс» (г. Тривс). Я не «читаю нотации», я передаю коммунистический опыт. Мне-то лично проще всего замолчать и предоставить заботу о будущем Америки исключительно единомышленникам мистера Тривса. Когда они испытают всё на себе,— у нас будет полное понимание. Но боязнь критики и свежих мыслей — роковая черта обречённых систем.

Статья Тёрстона — как будто специально написана показательной иллюстрацией к моей статье: как легко западного человека дурачить в СССР. Юмористично звучит его ссылка на «личный 10-месячный опыт» наблюдаемого иностранца в советской столице, в отработанных условиях советской «показухи»,— опыт, который он отважно противопоставляет полувековому коренному опыту жителя в запретных глубинах страны. Вот и результат: его открытие о «советском патриотизме» и «гордости материальным прогрессом» (металлургии? военной промышленности?), когда нечего есть,— оскорбительно звучит цитатой из «Правды» или «Женьминьжибао». Спор о локальных и искажаемых Тёрсоном юридических деталях прежних русских десятилетий никак не вмещается на страницы «Форэн

Аффэрс» и в эту дискуссию. Но поразишься, с какой опрометчивостью он заключает о «социалистических симпатиях» России на основе «выборов» в Учредительное Собрание — уже после большевистского переворота, когда не социалистические партии реально были жёстко ограничены. Он механически переносит американское понятие «выборы» в крестьянскую Россию 1917 года, не понимавшую даже этого процесса «выборы», не готовую ни к какому сознательному голосованию. (В 1945 американцы спрашивали советских: «так если вы недовольны Сталиным, отчего вы его не переизберёте?»)

Более неловко чувствуешь себя, когда такой советолог, как профессор Далин, внушает нам, что живое полувековое наблюдение за скрытыми глубинами советских пространств не столь важно, как вникнуть в мотивы тех, кто направляет советскую политику, — а для этого, очевидно, нужны только встречи с ними в Москве и анализ «Правды». Но сам же Далин в другом месте соглашается, что деятели СССР скрывают свои мотивы. Результаты таких бесед мы и видим на сплошных многолетних промахах Запада. Видел ли профессор Далин своими глазами предмет своего изучения — пространства этой порабощённой страны и жителей провинции и деревни? По каким данным он так уверенно судит о неоскудении русской деревни и подъёме уровня советской жизни? Его суждения о Луне были бы точней, ибо доклады астронавтов надёжней. О советской провинции, где не хватает картофеля до весны, а других продуктов вообще не знают (и это, мистер Далин, никак не «гипербола», вам только трудно это вообразить), наш оппонент серьёзно пишет, что там распространены гордость за успехи космонавтов и шахматистов. Или

вознаграждает нас расцветом «безопасной» для правительства культуры,— какой именно? Гуманитарная пропитана ложью, «точная» поставлена на службу войне,— что ж остаётся от «культуры»? (А в провинции и такой нет.)

Законное желание г.Далина узнать, откуда взялись при утаённой советской статистике цифры погибших в СССР. Но цифры профессора статистики Ивана Курганова были опубликованы в Соединённых Штатах 16 лет назад («Новое Русское Слово», 12.4.1964) на языке, доступном профессору Далину,— и странно, что он их не заметил. О новых подсчётах наших потерь Иосифом Дядькиным, сейчас арестованным, можно прочесть в «Уолл Стрит Джорнал», 23.7.1980. Порядок этих цифр — десятки миллионов — совпадает у обоих авторов. Конечно, ещё много времени пройдёт, пока мы получим уточнённые данные: советская пасть не выдаёт тайн, даже и в доверительных беседах функционеров.

Далее нам предлагают (г.Лёбль) не вдаваться в историю возникновения коммунизма в СССР, а судить лишь о сегодняшней угрозе. Но во *всех* областях знаний установлено, что всякое явление можно понять только зная историю его развития. От того, считать ли сегодня коммунизм (в том числе кубинский, вьетнамский, китайский) явлением исключительно русского происхождения или интернациональным и даже метафизическим,— определяются совершенно разные ответы на него: губительная ли капитуляция, идущая со времён Ф.Рузвельта, или попытка твёрдого стояния. Утверждение мистера Лёбля, что коммунизм так же национален по природе, как и национал-социализм, совсем не убедительно: тот никогда и не проявлял себя интернациональным, а только национальным, ввёл

понятие «высшей нации»; и не выжигал и не вырезал прежде всего жизнь «своей» нации, как это делает в каждой стране каждый коммунизм с первого шага. И именно поэтому (как никогда не делает хитрый коммунизм) нацизм открыто заявил, что идёт обратить народы СССР в своих рабов, — и на этом, как правильно пишет Лёбль, потерпел поражение. Однако Лёбль приписывает моей статье свою тенденциозную трактовку, что только украинцы и прибалты готовы были поддержать Гитлера, — я же свидетельствую, что и все захваченные русские области ожидали от этой войны себе освобождение, и Красная армия потому бежала с такой лёгкостью. Но Гитлер объявил войну именно русскому народу, не оставляя ему выхода. И именно этот совет повторно предлагают сегодняшнему Западу те, кто считает нависшую над миром опасность не коммунистической, а русской. И этот совет будет иметь тот же уничтожительный результат.

В тоталитарных государствах самой разрушительной деятельностью считается и более всего преследуется — восстановление исторической правды. Но в условиях Запада этой цели достичь нельзя, если разрешать себе высказывания недобросовестные и даже неграмотные. Тот же Лёбль: «в конце прошлого века русское правительство было союзником всех деспотических правительств». Интересно — каких именно? Справка: в конце прошлого века (с 1892) Россия имела единственного союзника — республиканскую Францию, с 1907 — Англию. «Царские мечты о мировом господстве захватили души русского народа». В XIX веке единственный «царь», который мечтал о мировом господстве, был Наполеон. Более нигде такой феномен не наблюдался, кроме необъятной Британской империи

на пяти материках. *Где* в русской литературе, искусстве и народном фольклоре Лёбль может указать жажду мирового господства? Каким другим способом он подслушал это из «душ русского народа»? «Русская культура на первом месте повсюду в Советском Союзе». Мистеру Лёблю простительно не знать, что такое русская культура, но не следует судить по газетной наслышке. Я свидетельствую, что *русская* культура разгромлена и уничтожена с ненавистью в первое же советское десятилетие.

Сегодня под псевдонимом «русской культуры» выступает антинациональная и атеистическая *советская культура* — притом на испорченном изгаженном русском языке. Интересы коммунистической Москвы — «в первую очередь русские интересы», — пишет Лёбль в споре против моей статьи, даже видимо не прочтя целых разделов её. Я именно указываю, что никакая нация под советским господством не разорена в такой степени, как русская.

Впрочем, подобные безответственности мы обнаруживаем и у более видных американских лиц. Руководитель русского цикла Принстонского университета профессор Стефан Кохен пишет («Нью Репаблик», 29.12.1979): «за период 1-й и 2-й пятилетки (то есть 1928-1937) в основном отсталое общество было преобразовано в преимущественно промышленное, получившее доступ ко многим благам современного государства всеобщего благополучия!» Фантастическое высказывания! Будь оно известно у меня на родине, его восприняли бы как глумление: это всё сказано о десятилетии всеобщего разорения, голода, хлебных карточек в мирное время, 6 миллионов голодных смертей на одной Украине, 15 миллионов уничтоженных крепких крестьян,

конца сельскохозяйственного изобилия, конца промышленности изделий массового потребления, отсутствия по всей стране одежды, обуви, тканей, домашних предметов,— с заменой на тяжёлую индустрию и показательные для иностранцев магазины в Москве. В эти годы пещерного оскудения и озверения, которые Кохен сравнивает со всеобщим благополучием,— населению моей страны казался утерянным чудом последний предвоенный 1913 год. И к изобилию того «царского» года наша страна и издали не приближалась за минувшие 70 лет.

Если такой промах может допустить руководитель всего русского обучения ведущего университета,— удивляться ли, что один из кандидатов в президенты США Э.Кеннеди, недавно выразился, что стеснения в мясе несколько не страшны советскому руководству: оно «просто» будет кормить население курами. Человек, который претендует направлять мировую политику и экономику, не знает такого простого, что в СССР куриное мясо — на вес золота, что его нигде нет, невозможно достать даже для диетического больного.

Это парение в сфере иллюзий, этот как будто нарочитый самообман — характерная черта западной прессы и многих западных политических деятелей: верить только в желаемое и словесно заклинать, чтобы осуществлялось именно оно. Так «Нью-Йорк Таймс» в июне 1945 собственным авторитетом подтверждала — для какой же цели? — что катынские убийства совершены не коммунистами, а гитлеровцами. Это, с тех пор, едва не всеобщее желание иметь дело с иллюзиями, а не с фактами, и доверчивое принятие недобросовестных сплетен о русской и советской истории — закрывают глаза Западу в нынешний грозный момент, закрывают

возможность понять истинное положение и найти пути спасения. Запад как будто *не хочет* знать истины до того момента, когда знать её будет уже поздно.

2

Статья профессора Таккера явно выражает не только его личные взгляды, но устойчивые взгляды целой среды, весьма влиятельной, даже определяющей для направления американской политики: приходят ли к власти демократы или республиканцы, тот или иной президент, — все ведущие эксперты и советчики набираются из этой среды. (И характерно, что проф. Далин присоединяется к существенным опорным пунктам статьи проф. Таккера.)

Центральная точка здесь — непонимание природы коммунизма: как концентрации непримиримого и динамического Зла (ведь слово «зло» теперь считается ненаучным, и даже неприличным, ни «зла», ни «добра» нет, а есть только плюрализм равноценных мнений); как явления интернационального и всеисторического (лишь крайний полюс социализма), а вовсе не локально русского. От этого — непонимание всего нынешнего советского феномена.

Кто вчитается внимательно в статью Таккера, — увидит, что Таккер испытывает сочувствие к «чистому» коммунизму, к ранним ленинским годам его и, конечно, никакого осуждения марксистскому учению. Ему, быть может, неловко выразить это сегодня прямыми словами, но это — во всей композиции его мышления. Для того и понадобилось ему передвинуть всё зло коммунизма на сталинские годы и от них потянуть хобот в поисках происхождения в русский XVI и XV век. За ленинскими

годами Таккер отрицает даже насильственную систему ГУЛАГа, отрицает принудительность труда в ленинских концлагерях, и даже оправдывает их тем, что в них заключались будто бы лишь «противники большевистской власти», — а не просто подряд все яркие личности, и кто не нравился большевикам по происхождению и личному поведению. (Это всё достаточно изложено в «Архипелаге ГУЛАГе», и я предлагаю профессору Таккеру решиться на то, на что не решилась советская власть: прямо опровергать «Архипелаг» по пунктам.)

Пора же, наконец, называть вещи своими именами: что октябрьский переворот Ленина и Троцкого против слабой русской демократии был бандитским. Что он был произведен с большой финансовой помощью вильгельмовской Германии. Что коммунизм первых лет был такой же грязной, коварной, жестокой, бесчеловечной системой, как потом и сталинский. Что заслуга изобретения многомиллионного насильственного ГУЛАГа принадлежала Троцкому (принудительные «трудармии»), и ему же — бессмертное изобретение первых «газовых камер» (баржи, потопляемые в море с сотнями людей), и ему же — массовые расстрелы собственных военнообязанных, не идущих воевать за большевиков. И народный геноцид на Дону — расстрел более 1 миллиона 200 тысяч гражданского казачьего населения, принадлежит тем же двум бессмертным авторам. Весь замысел: пропагандно наделить крестьян землёй и тут же отобрать её вместе с урожаем — Ленин. Объявить войну зажиточному крестьянству (ниже уровня среднего американского фермера), и с тысячными расстрелами крестьян, — Ленин. Согнать крестьян в управляемые коммуны и артели — Ленин. Подавить всякую печать, кроме коммунистической, — Ленин.

Разгромить независимое рабочее движение («съезды заводских уполномоченных») и профсоюзы — Ленин и Троцкий. Неумеренно эвфемистично называет Таккер такой строй «авторитарным», — а слово «тоталитарный» он не может выговорить в отношении к нему.

Читая полную переписку Маркса и Энгельса, опубликованную по-русски (такая возможность у проф. Таккера есть), — можно было бы изумиться крайней беспринципности и бессовестности этих заговорщиков и их яростной «ортодоксальности» («русская черта» по Таккеру), если б не иметь перед глазами более поздних множественных примеров. В их взглядах мы уже узнаём и лютый атеизм как главный стержень мировоззрения, и лютую нетерпимость и злобу ко всем остальным партийным направлениям и даже к некоторым славянским народам, взятым в целости. А вот из их известных высказываний:

«Существует лишь одно средство сократить, упростить и сконцентрировать кроважидную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство — революционный терроризм.»

(К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения (на рус. яз.), 2-е издание, т.5, стр.494.)

«Мы беспощадны и не просим никакой пощады у вас. Когда придёт наш черёд, мы не будем прикрывать терроризм лицемерными фразами». (Там же, т.6. стр.548.)

«Народная месть прорвётся с такой яростью, о которой и 1793 год не может нам дать никакого представления». (Там же, т.2 стр.515.)

«Противодействовать попыткам буржуазии внести

успокоение, вынуждать демократов привести в исполнение их теперешние террористические фразы... Не только не выступать против так называемых эксцессов, против случаев народной мести к ненавистным лицам или официальным зданиям... но и взять на себя руководство ими». (Там же, т.7, стр.263.)

«Насилие (то есть государственная власть) — это тоже экономическая сила». (Там же, т.37, стр.420.)

«Политическая свобода —... хуже, чем самое худшее рабство». (К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения, М, 1929-1935, Госиздат, т.2, стр.394.)

«Смотря в будущее, я вижу нечто такое, что будет сильно отдавать изменой отечеству; вот это для нас фатально». (Там же, т.22, стр.138.)

«В одно прекрасное утро наша партия благодаря беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти... Мы будем вынуждены проводить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, что они несвоевременны... Прежде, чем мир будет способен дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать... чудовищами, на что нам, конечно, наплевать». (Там же, т.25, стр.187.)

Маркс и Энгельс не раз повторяли, что «став у кормила власти, мы вынуждены будем разыграть 1793 год».

И Ленин никогда не скрывал своих исторических истоков и не приписывал им происхождения из русских традиций. Он и постоянно цитировал и клялся именами, и применял на деле Маркса и Энгельса (что, однако, не делает коммунизм немецким явлением). И, следуя им, открыто и многократно восхищался якобинским

террором — и массовыми казнями и массовым потоплением обречённых. Он говорил: «террор обновляет страну» и не скрывал, что следует Бабе́фу: побеждённые классы полностью уничтожить. (Но это не делает коммунизма и французским.) Именно во Французскую революцию возникла расправа по классовой принадлежности. И названия и форма «революционных трибуналов» и даже «чрезвычайных комиссий» (по-советски ЧК) заимствованы от якобинцев (не от Ивана IV из XVI века). Сходство теории и тактики большевиков и якобинцев имеет школьную наглядность для всякого, кто только пожелает перечитать те исторические материалы. (До всех подробностей: запрещение свободной печати; уничтожение фракций; «диктатура как лучшая форма свободы»; монолитное единство всего населения; слияние государственного аппарата с партийным, а партийный подчиняется диктатуре одного лица; и даже — продовольственные отряды, грабящие крестьян, разрушение церквей, переливка колоколов, отнятие церковных ценностей.)

Странно, что проф. Таккер как будто никогда ничего об этом не слышал и не задумывался над этой прямой обнажённой преемственностью. В изложении, претендующем быть научным, он применяет совершенно несерьёзный довод в доказательство «исконно-русского» происхождения большевизма: так полагал Бердяев!...

Уже, кажется, давно ни в какой науке не считается аргументом ссылка на авторитет. Осмелимся возразить, что философия Бердяева вообще есть весьма капризное творчество. В течении своей жизни он по меньшей мере два, а в чём и три раза менял свой образ мыслей почти на 180 градусов*, выступая против своих прежних взглядов как против чужих. Его книга о коммунизме в России не

есть объективное историческое исследование, не анализ исторических фактов, а претворение его индивидуальных философских переменчивых установок, законченных тем, что он вывесил на своём доме советский красный флаг. Многие общемировые процессы (как подмена религиозного творчества социальным) он искусственно приписывает одной России. Не останавливается перед тем, чтобы человеконенавистнический марксизм назвать «этическим учением», о Марксе и Ленине заявить, что они «хотели добра», — это звучит кощунственно над трупами замученных миллионов и перед рылом сегодняшнего мирового завоевателя. Бердяев признаёт, что в русской истории были «перерывы органического развития», — и тут же, сам себе противореча, всё строит на «органической традиции», по удобству — то от Московской Руси, то от исключаяющей её Петербургской.

Однако Бердяев писал в 1937 году, когда ещё не выступил весь исторический объем явления. Но как можно в 1980, при 25 коммунистических странах на 4 континентах и во всех расах, — продолжать считать, что коммунизм (и его Интернационал Террора, разветвлённый ещё в 20 странах) — определился русскими чертами?

Идея Таккера, что сталинский период коммунистического Левиафана создан заимствованием из ХУІ и ХУІІІ веков русской истории, не только ненаучна, но производит впечатление импрессионистической фантазии.

Неужели это научный аргумент: что Сталин, для того чтобы рубить головы своим врагам и наводить ужас на население, нуждался в примере Ивана Грозного? А без

* См. например — Н. Полторацкий, «Бердяев и Россия», Нью-Йорк, 1967

Грозного — он бы не догадался? Мировая история даёт мало примеров тираний? Глубокие познания, что тиран должен держать народ в страхе, Сталин мог почерпнуть из первого школьного учебника по всеобщей истории, а может быть — из истории грузинского феодализма, а ещё раньше — из собственного лукавого и злобного нутра: что-что, а именно это он от рождения понимал, ему ничего не надо было читать. Или, пишет Таккер: ГУЛАГ происходит от насильственного труда при Петре I,— оказывается, насильственный труд изобретен в России! А почему не от египетских фараонов? А ближе по векам: демократические Англия, Франция и Голландия применяли насильственный труд в своих колониях, а США — даже на собственной территории, и все — позже Петра. А уж гребцы на галерах — хрестоматийны. (К чему приводит Таккер отрывок из Кеннана-старшего — совершенно не ясно, разве: доказать, что в дореволюционной России и каторга была так же открыта иностранным наблюдателям, как и суд? Можно не поленился найти у французских романистов ещё более яркое описание каледонской каторги,— и что это доказывает относительно 5-й республики? Когда в Англии впервые вышел (1881) перевод «Записок из Мёртвого дома» Достоевского, один из ведущих журналов отмечал отсутствие строгости, которое «привело бы в ужас английского тюремщика».* Исконной русской чертой объявляются и захваты территорий,— хотя Англия имела захватов побольше, и Франция немало, значит ли это, что английский и

* The Athenaeum, №2788, 2 апреля, 1881, стр. 455. Более тяжёлые условия английских заключённых по сравнению с заключёнными русскими отмечали и другие журналы.

французский народы хищны по своей природе? И уж тем более колхозы — всемирная социалистическая идея коммуны — объясняется как проявление русского крепостного права.

Неужели это научный метод: объявить перенос приёмов управления и учреждений через 4 столетия — при отсутствии каких-либо конкретных носителей, передатчиков, партий, сословий, лиц, вперепрыг через тотальное уничтожение всех общественных институтов в 1917,— какой-то мистический перенос, очевидно, через кровавые гены? (Или, как изящнее выражается проф. Далин,— «что-то в русской почве, созданное наследственностью или средой».) И тут же рядом «не заметить» прямое наследование всего через 5-10 лет всех нужных традиций и готовых учреждений! — от Ленина и Троцкого: того же самого ЧК-ГПУ-НКВД, тех же самых «троек» вместо суда (при чём тут Александр III?), того же самого (уже в наличии) ГУЛАГа, той же самой 58-й статьи, того же самого массового террора, той же самой партии, той же самой идеологии — в пределах того же поколения и через живых носителей, успевших убивать там и здесь, и тот же самый принцип индустриализации (подавить потребности народа и съесть его тяжёлой промышленностью), выдвинутый Троцким? (Нет никакой «двусмысленности» в наследии Ленина и Троцкого, которую ищет Далин.)

Я отказываюсь приписать профессору Таккеру такую невероятную слепоту! Я вынужден увидеть в этом сознательную попытку обелить ранний коммунистический режим, будто все его дьявольские преступления и учреждения вообще не существовали, а созданы позже Сталиным, который будто бы «разрушал» большевизм,— и почерпнуты якобы из русской традиции. Какую такую

«революцию сверху» (избитый марксистский термин у Таккера) совершил Сталин? Он честно и последовательно углублял и укреплял доставшееся ему ленинское наследство в его же формах. Но даже если бы Таккеру (и многим его единомышленникам) удалось бы доказать невозможное: что ЧК, ревтрибуналы, институт заложников, ограбление народа, тотальное насильственное единство мнений, партийная идеология и диктатура взяты не у своих коммунистов и не у якобинцев, но у Ивана IV и Петра I, — то и тут бы Таккер просёкся с «русской традицией». Дело в том, что для национальных мыслителей России оба эти царя были предметом порицания, а не восторга, а народное сознание, фольклор, решительно осудили первого как злодея, второго как антихриста. Что Пётр I *разрушал* русский быт, обычаи, сознание, национальный характер, подавлял религию (и встречал народные бунты) — это лежит на поверхности, это всем известно.

Неужели это исконная русская традиция: коммунистическая подрывная деятельность во всём мире, система экономического саботажа, идеологического разложения, террора и восстаний? Горячая сегодня среднеазиатская точка даёт нам понять разницу. Да, бухарский эмират (не Афганистан) был захвачен Россией — в том XIX веке, когда и все демократические страны Европы с моральной лёгкостью позволяли себе любые завоевания. (И Англия пыталась, но не сумела, взять Афганистан.) Мне горько и стыдно, что и моя страна участвовала в общеевропейском насильственном покорении слабых народов. Но за 50 лет российского протектората в Средней Азии был мир: не подавлялась религия, быт, личная свобода — и не было движения к восстаниям. А едва захватил власть Ленин, — он с 1921 года готовил, под видом

«революционной федерации», захват Турции, Персии и Афганистана. А с 1922 в Хивинской и Бухарской областях в ответ на методы коммунистов вспыхнула мусульманская повстанческая война, как сегодня в Афганистане, и продолжалась 10 лет, и подавлена уже при Сталине безмерными расправами над населением. Вот чья «традиция» — вторжение в Афганистан.

Справка Таккера (поддержанная и Далиным), что слово «сталинизм» изобретено в 20-х годах троцкистской фракцией в борьбе со Сталиным, — мне конечно известна. Но называть сегодня «сталинизмом» осуществлённую 25-летнюю эпоху гигантского коммунистического государства — значит отвлекаясь прикрывать непримиримую античеловеческую сущность коммунизма — главную угрозу сегодняшнему миру.

Оттого, что коммунизм — явление интернациональное, значит ли, что вовсе исключаются какие-либо его национальные признаки или обстоятельства? Не совсем, ибо коммунизму приходится действовать на живой земле, в среде конкретного народа и поневоле пользоваться его языком (для своих целей калеча его). В Китае преследуют стенные плакаты, а в СССР — самиздат. Русское городское население насильственно выгоняют работать на картофельные поля, а кубинское — на сахарный тростник. В СССР уничтожали население ссылкой в тундру, а в Камбодже — в джунгли. В Югославии провели манёвр одним способом: Тито поспешно совершил массовые убийства 1945 года, — а затем притворился барашком, чтобы получать западную помощь. А Чаушеску виртуозно достиг доли внешнеполитической независимости, — но укреплением внутреннего тоталитарного духа выше 100%. По восточногерманскому коммунизму

ясно, что страна не должна объединяться, а по северокорейскому так же ясно, что должна. (Не знаю, откуда взял Далин, что по моему мнению всякий итальянец, голосующий за коммунистов, или всякий узбек, принудительно вовлечённый в партию, теряет свою национальность? У меня сказано: «люди, отдавшие себя коммунистическому *руководству*, уходят душой от своей нации и от человечества вообще», — и профессор Далин мог бы не делать этого ошибочного переноса. «В ряде случаев коммунизм служит инструментом для развития национальных движений или интересов», — уверяет Далин, и так действительно думали в Штатах относительно Северного Вьетнама. Но теперь-то, кажется, разуверились? Теперь-то всем ясно, что ни в Эстонии, ни в Польше, ни в Монголии и нигде никогда коммунизм не служил национальным интересам?) В дополнение к коммунистической пропаганде — отчего не использовать ловко ещё и национальную? — этим коммунистические правительства не брезгуют. Но значит ли это, что «коммунизм во всех странах разный»? Нет, он во всех одинаковый: везде тоталитарный, везде с подавлением личности, совести, и даже уничтожением жизни, везде с идеологическим террором и везде агрессивный: конечная цель мирового коммунизма, всех видов коммунизма — захватить всю планету, в том числе и Америку. Можно понять кремлинологическую кастовую обиду профессора Далина, что так неприятно упрощается проблема, хотелось бы видеть более тонкие градации в увлечённости вождей идеологией, — но идеология влечёт их помимо личных убеждений, — например, бессмысленно и неудержимо влечёт на мировой захват, не нужный им самим лично: как в фанатизме захватывают они Анголу, Абиссинию,

Афганистан. Плохую услугу оказывают американской политике те, кто предлагают играть на «тонких вариациях» между разными коммунизмами.

Меня пытаются опровергнуть моим личным опытом: вот как заметно развивается коммунизм: при Сталине Солженицын сидел в тюрьме, при Хрущёве — напечатали «Ивана Денисовича», а при Брежневе — выслали. Удобный бродячий сюжет, он кочует из статьи в статью, прикочевал и к Таккеру! — потому ли, что не могут найти другого за 63 года благодетельного примера, чем «Иван Денисович»? (А не появись «Иван Денисович» — ещё лучше: или вовсе не было при коммунизме лагерей, или русский народ не способен сам о них сказать.) Но пример Хрущёва — это то самое исключение, которое ещё строже подтверждает правило: изо всех коммунистических правителей он единственный был свергнут внутренними партийными силами именно за то, что он единственный иногда оступался от коммунистической догмы в сторону человечности, уж Ленин-Троцкий-Свердлов-Сталин-Молотов-Брежнев в сторону человечности никогда не делали ни шагу. Но и Хрущёв был верен марксизму в его главном сатанинском стержне: в истребительной ненависти к религии.

Тактические манёвры у коммунизма можно найти и покрупней, чем «Иван Денисович», — НЭП, обманное «восстановление» понятия родины и церкви Сталиным, «борьба за мир» во времена американской ядерной монополии, «пусть цветут сто цветов», «мирное сосуществование», даже уход из Австрии, теперь «разрядка», — но это всё показывает не изменение природы коммунизма, а его маневренную гибкость и беспощадность.

Полемизируя со мной, Таккер — да и Далин —

избежали кардинального вопроса, а жаль: коммунизм («чистый», марксистский) — зло или нет? Способен он подобреть и излечиться? Угрожает он, как удав, удушением всему остальному миру, или нет?

От этого вопроса Таккер уклонился. Зато он спешит предупредить мир о несравненно большей опасности: «остро-злокачественной форме национализма», которая «прорастает» разгромленный, обезглавленный, в порошок истёртый, при последних вздохах своей жизни русский народ.

3

Плодоносность политической теории определяется её практическими результатами. Теория о том, что коммунизм есть явление по своей природе национальное русское, что коммунизм и русский народ едины и надо воевать против них соединённо, есть не только повторение обезумелой гитлеровской тактики, которая в самой себе несёт поражение. Но она и в других отношениях питает иллюзиями вместо реальности: она заставляет видеть в нынешнем коммунистическом СССР наследника прежней России, *а значит* «нормальное» государство, которое стремится к обеспечению интересов своих и своего населения, — а потому с ним можно действовать традиционно, вступать в разумные переговоры, договоры, компромиссы, делить сферы влияния. А это совсем не так: никакое коммунистическое государство не заботится об интересах своего населения, и не зависит от его мнения, — и готово хоть полностью этим населением пожертвовать, чтобы достичь интернациональной победы. (Может быть, это виднее поблизости, на примере Кубы.)

Поэтому с коммунизмом невозможен никакой реальный компромисс, его невозможно ни задобрить, ни подкупить, ни умиротворить,— и вереницей уступок западный мир лишь ухудшает своё положение. Советская держава отнюдь не преследует своей государственной выгоды, советские народы только страдают от бесконечной мировой агрессии и растраты капиталов и людских жизней по всем материкам,— но ничто, ни даже личность правителей не может остановить свойства коммунизма расширяться.

Для коммунистических стран нетерпимо само существование на Земле других стран с преимуществами экономики или свободы, невыносим этот завидный для населения пример другой жизни,— такие страны необходимо подавить и завоевать. Коммунизма нельзя объяснить на дипломатическом, юридическом, экономическом языках.

Но самый большой успех, достигнутый коммунизмом,— даже не военный, а пропагандный: что остальной мир верит в его смягчение и в «хорошие» варианты коммунизма. Что западный мир послушно принимает даже язык коммунизма: называет тиранические режимы Восточной Европы — «народными демократиями», подрывную войну по расшатыванию Запада изнутри — «разрядкой». В первые месяцы коммунистической Камбоджи по тону из Пном-Пеня иные западные газеты попугайски называли начавшийся там геноцид — «крестьянской революцией». Да советские агенты имеют свободу даже на страницах крупнейших американских газет высмеивать, что никакой советской агрессии не существует вовсе, расслаблять американцев ложью, что коммунизм — не интернационален и никому не угрожает. Напротив, западная читающая масса уже и

поверить не может, что в Советском Союзе и в Китае — по сегодня всеобщее недоедание и нет главнейших товаров для населения, во многих снабжение по карточкам,— а считает это «пропагандой» врагов коммунизма. 35 лет идёт реальная война, вереница западных отступлений, отдано более 20 стран,— а на Западе все согласно называют эту Третью Мировую войну — «мирным сосуществованием». Меняются президенты, государственные секретари, эксперты Белого Дома и Госдепартамента, а новых идей нет, идеи всё те же: проводить всё более «тонкие различия» между разными коммунизмами, группировками и их лидерами, и балансировать на них,— то есть неуклонно сползать в пропасть ступенями уступок и капитуляций. (И ещё следующие, быть может, зреют сегодня в Государственном Департаменте.) Теперь мы слышим настойчивую «новую» идею: предупреждают бояться не того давящего катка, который прокатал уже полчеловечества и скоро прокатает вторую,— но бояться возрождения национальной России к своему излечению.

Новых идей нет. Мудрено им и вспыхнуть в самодовольной секулярности, замкнутой сама на себя.

Теория тонких различий в разных коммунизмах (или по Далину: «значительных вариаций внутри коммунизма», «вариаций, градаций и перемен», «более дифференцированного и сбалансированного понимания», «искусного подхода») в вопросах более крупных, чем продажа партии товара, мало сказать бесполезна,— она для Запада губительна. Перед лицом всеуничтожающей мировой силы, нависающей уже над самой Америкой, предлагается: верить, что коммунизм вдруг переменится к доброму и откажется от агрессии; что существуют «миролюбивые советские руководители»

(особенно — Брежнев); что есть принципиальные расхождения в Политбюро; что сменится их поколение — и всё смягчится... Надеяться, что коммунистические правительства Восточной Европы или Азии вдруг выйдут из повиновения Москве (пример Албании или Северной Кореи не слишком укрепил Запад, пример Румынии не принёс добра её народу), и для того подкупать их торговыми льготами (облегчая финансовое бремя СССР). Что расколется европейское коммунистическое движение (не слишком долго французская компартия играла в самостоятельность, и все компартии в момент оккупации готовно предоставят кадры для управления своими странами). Что вьетнамский, кубинский, ангольский, абиссинский и другие рассыпаемые по земле метастазные коммунизмы будут проводить свою национальную политику и охотно дружить с Соединёнными Штатами. Что коммунистическое движение увязнет в исламе.

В цепи этих несбыточных надежд пока не осуществилась ни одна, кроме советско-китайского раскола, на котором и строятся теперь надежды и планы Соединённых Штатов. Уж Китай — мыслится, как будто это и вовсе не коммунистическая страна, как будто там нет тоталитарного угнетения своего миллиарда людей. А Китай — как Советский Союз в 30-е годы,— остро нуждается в западной технической помощи и для того старается изобразить собой приличное государство. Но в глубинах Китая, для народа, поддерживается прежняя неприязнь к Америке и отвращение к американскому образу жизни,— и поворот против Соединённых Штатов будет для властей осуществим в одну ночь. Да даже и сегодня, твёрдый во внешних действиях, как всякий коммунизм, Китай уже потребовал снять защиту с

Тайваня, а вот и предложил американцам убраться из Южной Кореи. Придёт время, Китай взвесит: стоит ли ему сталкиваться с СССР, а не выгодней ли сговориться? (Нынешняя отмена культа Мао в Китае — уже шаг в этом направлении.) И в отношении Китая просчёт американской дипломатии всё тот же: его рассматривают как «нормальное» государство, а это только — корпус коммунистической агрессии, для которой сегодня просто ещё нет сил.

35 лет Соединённые Штаты и весь Запад идут дорогою добровольных поражений — треть столетия! это движение уже исторических масштабов, и оно не пройдёт даром. Соединённые Штаты начинали это отступление ещё при подавляющем превосходстве своих сил, а сегодня в Вашингтоне спохватились, что баланс мировых военных сил — уже против Запада, перевес весов пропустили по благодущию и самодовольству. Если не устояли тогда, — то теперь устоять труднее. Нагонять — труднее. Но самая большая слабость — не военная, а психологическая. От молодых людей-призывников и до руководителей государства все надеются на хороший исход и робеют принять самоотверженные и смелые решения, — до тех пор, пока это станет уже поздно: когда придётся биться за собственную территорию. Запад морально не готов к конфликту и борьбе, не готов дать себе отчет, как далеко, если не бесповоротно, зашла опасность. Запад всё питает надежды на ложную «разрядку» — наиболее удобную форму затяжной победоносной войны для СССР. Советские вожди и предпочитают захватывать все мировые позиции именно в форме «разрядки», терроризма и государственных переворотов, — зачем им всеобщая война, особенно атомная? (Атомная война, я

думаю, уже исключается — к счастью для человечества — из обоюдной стратегии: советские вожди становятся основательно уверены, что завоюют мир и без неё, а Запад морально не сможет применить атомное оружие первым, — да и что такое был бы западный атомный «успех»? уничтожение не столько своих действенных врагов, сколько потенциальных союзников — поработанных народов.) Под видом «разрядки» Западу ещё удаётся оттягивать прямое столкновение, но с тем, что оно произойдёт в обстановке куда более тяжёлой для Запада. Скоро Соединённые Штаты узнают горячей и свою близкую южную границу: уже и так 20 лет прямо в американский живот наставлен кубинский пистолет. Теперь Соединённые Штаты ещё немного помогут, как уже и делается, никарагуанским коммунистам и панамским революционерам, — уже палач Кастро похвалил их за это, — и Южный фронт против Соединённых Штатов будет готов. Кубинский пистолет, 20 лет беспрепятственно наставленный на Америку, каждый день демонстрирует миру и унижение американских принципов, и степень американской слабости. Сегодняшняя американская внешняя политика — утлое, робкое лавирование, угождение и задабривание возможных врагов. (Но не поможет оно ни в Зимбабве, ни в Анголе, ни в Никарагуа, и атомное снабжение Индии не отвернёт её от СССР, пустой лотерейный номер.) И даже те, кто предлагает твёрдую позицию относительно коммунизма, удерживают иллюзию, что коммунизм можно обратить к внутренним демократическим реформам. Всерьёз — никогда.

Только если признать неотвратимость мировой опасности, интернациональность коммунистической задачи от самого начала, понять, что решающего

конфликта с коммунизмом западному миру избежать не удастся и уже откладывать осталось недолго, — только в этом случае Запад способен будет перейти к открыто-принципиальной и гордой защите свободы во всём мире — от Кубы до Тибета, до Волги и до Берлина, а не сделок с угнетателями. Только вняtie в тотальную непримиримость коммунизма даёт единственную трезвую надежду на спасение человечества при стольких уже загубленных и сданных позициях. Зрение состоит в том, что в с е народы, порабощённые коммунизмом, от кубинского под вашим боком и до русского в противоположном бастионе, суть жертвы коммунизма и враги коммунизма, а потому — естественные ваши союзники. Запад так чуток к пожеланиям народов Третьего мира — и так глух к чаяниям народов коммунистических стран.

Единственная и глубокая политика Соединённых Штатов может состоять не в заигрывании с каждым переворотчиком в шатко-нейтральной стране, не в угождении каждому советскому эмиссару, который представляет не население, а свою правящую клику, не в игольчатом балансировании между мнимо соперничающими коммунистическими фракциями, — но: открыто стать на сторону всех порабощённых народов против поработившего их всемирного коммунизма. Открыть пропагандное наступление такой же силы и проницательности, как 60 лет ведут коммунисты против вас, и не трепетать, что в ответ будет браниться лживая «Правда». В моей статье я и поражался, как бездумно отбросил Запад мощную невоенную силу эфира, зажигающий эффект которой в коммунистической мгле даже не может вообразить западное сознание. Так можно установить прямой контакт с подневольными народами и

способствовать росту их самосознания и высвобождения. (Радиостанции и телестанции Запада в их сегодняшнем виде совсем не готовы к такой роли. А, например, «русская секция» радиостанции «Свобода», несмотря на многолетнюю работу, из-за своей принципиальной чужести и даже враждебности русскому национальному сознанию катастрофически утерjala контакт с русским населением и русскими интересами.) Для всего этого нужна крутая ломка традиционной межгосударственной «вежливости», но коммунисты давно её растоптали, да и в Тегеране мы видели цену ей.

Для спасения Запада из сегодняшнего положения нужно вырваться из рутинного процесса, нужны смелые решения выдающихся руководителей.

Я мог бы и не спешить со всеми этими аргументами. Уже становится ясно, что ни одна моя статья, ни десять моих статей, ни десятеро таких, как я,— не посильны перенести Западу наш кровавый выстраданный опыт и даже нарушить тот эйфорический комфорт, который царит в американской политической науке. Я мог бы не спешить,— потому что уже на пороге те события, которые сами бесповоротно откроют Западу его просчёты.

Июль 1980

Вермонт

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

А.КЛИМОВ

ОБЗОР ПОЛЕМИЧЕСКИХ ОТКЛИКОВ

**на статью А.И.Солженицына «Чем грозит Америке
плохое понимание России»**

(Критический очерк)

Статья А.И.Солженицына «Чем грозит Америке плохое понимание России», русский текст которой напечатан в «Русском возрождении» №10, была написана для американского журнала «Форэн Аффэрс», где и появилась по-английски в весеннем номере за 1980 г. Уже в следующем, летнем, номере американского журнала были напечатаны два отклика на статью Солженицына, а в осеннем номере появилось ещё четыре письма в редакцию, вместе с ответом А.И.Солженицына на критику. Русский текст этого ответа помещён в настоящем номере РВ; цель нижеследующего же очерка — резюмировать полемические отклики, вызвавшие ответ А.И.Солженицына.

* * *

Краткое письмо Сильвио Тривса — чисто эмоциональный читательский отклик. Автор чрезвычайно задет мнением Солженицына, что понимание России в США не на высоте. Как видно, уже сам факт подобной критики превращает статью Солженицына в глазах Тривса в «оскорбительную и пренебрежительную тираду против американского народа». При этом характерно, что Тривс не делает ни малейшей попытки привести какие-либо аргументы в защиту американской науки или дипломатии. Тривса это как будто даже мало интересует, и его возмущение вызвано почти целиком тем

несоблюдением уставов салонной вежливости, которое он усматривает в выступлении Солженицына: «гостям», мол, неприлично критиковать «хозяев». Отсюда и вытекают сентенции Тривса о «весьма неблагодарном посетителе», который «поносит оказавших ему гостеприимство людей» и «читает нам нотации». Никаких серьёзных замечаний письмо не содержит.

Пространный отклик Роберта Таккера является в первую очередь «ответом на критику». Дело в том, что в своей первоначальной статье А.И.Солженицын приводил историческую концепцию проф. Таккера как пример ложного и вредного понимания России. В ответ на это обвинение Таккер ещё раз излагает свою теорию сталинизма, ибо, как он считает, его взгляды не были справедливо представлены Солженицыным.

Основная идея Таккера была в сжатой форме высказана им в статье, посвящённой столетию со дня рождения Сталина («Нью-Йорк Таймс» от 21 дек. 1979 г. — именно эту статью раскритиковал А.И.Солженицын). Большевизм при Ленине, утверждает там Таккер, был «внутренне разрозненным движением», в то время как Сталин привнёс струю русского национализма (в форме «русского национал-большевизма») и тем самым «разрушил революцию». При этом, однако, Сталин был искренне убеждён, что всецело следует заветам Ленина. Со смертью Сталина, пишет Таккер, умер «последний большевик, но большевик крайнего русско-националистического толка, который возродил прошлое гибельным для большевизма образом». Пагубность этого процесса, по Таккеру, заключается в сознательной и целеустремленной попытке Сталина следовать примеру таких русских правителей, как Петр I и Иван Грозный.

Развивая эту мысль в отклике на статью Солженицына, Таккер безоговорочно приписывает наиболее отрицательные аспекты сталинской эпохи этому «возврату» Сталина к старым образцам. В частности, идею «насильственного национального развития» Сталин почерпнул от Петра, а своей «гигантской террористической чисткой советской компартии» Сталин воспроизвёл расправу, которую Иван Грозный учинил боярству. Принудительно-трудовые лагеря сталинского времени восходят к царской каторге и к принудительным работам при Петре, а сталинские колхозы суть восстановление барщины. В каждом случае Таккер преподносит свои заключения так, будто мотивировка Сталина не подлежит никакому сомнению и на неё достаточно сослаться, как на некий документальный источник. При этом проф. Таккеру обязательно нужно придать «старым образцам» определяющее значение, ибо иначе рушится вся его теория о происхождении сталинизма. Как мы узнаём, *любой* период русской истории способен дать подходящие «образцы», со строгой оговоркой, что это должно быть не позже 1917 г. («Сталин был не прочь позаимствовать кое-что и из практики более поздних царей», — пишет Таккер.) «Тройка» ОСО, например, повторяет систему административной ссылки при Александре III, а внутренний паспорт — просто возврат к порядкам, существовавшим до 1917 г. Ничего нового Таккер не видит и в иностранной политике, ибо тут Сталин открыто следовал «имперской русской традиции».

В этой картине сталинской эпохи всё худшее происходит от «восстановления политики и образа действия царского времени», а о наследии Ленина не

сказано ни слова, будто оно вообще ни при чём. На значение этого разительного пробела указывает А.И.Солженицын. Отмечу здесь только ещё одну деталь, весьма характерную для подхода Таккера к русской истории. Называя старую русскую каторгу прообразом сталинских лагерей, Таккер утверждает, что наличие насильственного труда в бывшей России является уже фактом определяющим: имелись раньше примеры, «а следовательно и прецеденты». Однако этот принцип несколько не мешает ему укорять Солженицына за его, якобы, «упрощенческую схему» в «Архипелаге ГУЛаг»: там, видите ли, преступления сталинской эпохи рассматриваются как логическое последствие «того, что существовало в зародыше уже в ленинском коммунизме». Идея явно немыслимая, по Таккеру, ибо всякий вопрос об исторических истоках им уже заранее решён, и «зародыши» позволительно искать лишь в старой России.

Изложенные выше мысли составляют идейный центр статьи Таккера. Не меньше места автор уделяет и спору с А.И.Солженицыным по поводу сущности коммунизма. Таккер считает, что коммунизм в каждом своем историческом воплощении впитывает элементы национальной культуры, образуя, таким образом, некую «амальгаму». Вот почему коммунизм русский отличается от коммунизма китайского, китайский от югославского и т.д. Этим различиям (как и изменению каждого отдельного коммунизма во времени) следует уделять пристальное внимание. На Западе, замечает Таккер, выросла целая новая наука — «сравнительное изучение коммунизма» — посвящённая этим вопросам. Однозначный же взгляд Солженицына на коммунизм напоминает Таккеру «мышление, еще недавно

преобладавшее (во вред науке) в западном изучении коммунизма».

Эти общие аргументы необходимы Таккеру, чтобы обосновать ключевой для его теории момент о «русском национал-большевизме», т.е. о той «смеси ленинского марксизма с русским национализмом», которая, по его убеждению, составляет сердцевину и суть «сталинского направления».

Из других замечаний Таккера отметим ещё утверждение, что западная историческая наука знала о существовании советского ГУЛага уже задолго до появления трудов Солженицына. Таккер прав, но вывод из этого далеко не утешителен для западной науки, ибо передать эти сведения в широкое общественное сознание она оказалась не способна; произошло это только с появлением «Архипелага ГУЛаг».

Роберт Тёрстон в своем письме резко оспаривает данную А.И.Солженицыным характеристику старой России. По мнению Тёрстона, всё было намного мрачнее и невозможно, например, говорить о строгой законности до революции. Вместо «неприкосновенной автономности» высших учебных заведений он констатирует «глубокое вмешательство» властей во внутренние дела университетов. В жизни интеллигенции, вместо свободы деятельности, он видит надзор и цензуру. А словам о невоспрещении любых взглядов и религий он противопоставляет ограничения, относящиеся к евреям. Своими примерами Тёрстон желает подчеркнуть, что эти недостатки и отклонения от идеала являлись «нормой», по которой и следует судить эпоху. Такая постановка вопроса представляется мне спорной; во всяком случае, каждая из затронутых им тем заслуживает специального исследования.

Не соглашается Тёрстон и с утверждением Солженицына, что главной причиной крушения России была «бессмысленная война с Вильгельмом». Нет, пишет Тёрстон, «русские желали конца того строя, при котором они существовали в течение столетий». Произошло глубокое отчуждение всех слоёв населения как от Николая II лично, так и от монархии вообще. Поэтому Тёрстон считает особенно показательным, что различные партии социалистического толка собрали 87 процентов голосов на выборах в Учредительное Собрание. Это доказывает,— полагает Тёрстон, что «русские, в самый свободный момент своей истории... избрали направление, неприемлемое для г.Солженицына». Об этом наивном заключении, как и дальнейших рассуждениях Тёрстона, основанных на личных наблюдениях в Советском Союзе, пишет А.И.Солженицын в своем ответе.

Бывший товарищ министра внешней торговли Чехословакии, Эйген Лёбль, ныне проживающий в Нью-Йорке, усматривает в статье Солженицына совершенно неверную постановку национального вопроса. По его мнению, существует очень значительный русский национальный элемент в советском коммунизме, и Солженицын напрасно его отрицает. Лёбль ссылается на пример нацизма, как на поучительную аналогию: хотя немецкие корни нацизма совершенно ясны, признание этого факта не зачёркивает высоких достижений немецкой культуры. Точно так же следует смотреть на Россию и Советский Союз. Можно уважать и высоко ценить духовные ценности русского народа, но при этом нельзя забывать о «реальном русском империализме», восходящем, по мнению Лёбля, непосредственно к царскому времени. «Царские мечты о мировом

господстве захватили души русского народа», — сообщает он, вероятно, опираясь здесь на какое-то смутное воспоминание о теории «Москва — третий Рим»; после революции же эти мечты не только не исчезли, а выявились с новой силой. С удивительной легкостью Лёбль отсюда извлекает вывод, что национальные интересы русских согднѣ совпадают с интересами Советского Союза. (Лёбль подкрепляет это заключение мнимой ссылкой на статью Солженицына: будто сам писатель признаёт, что в 1941 г. только украинцы и балтийцы приветствовали немцев).

Для борьбы с Советским Союзом Лёбль предлагает меры, логически вытекающие из его анализа. В первую очередь, пишет он, необходимо ясно осознать, что «большинство народов внутри Советского Союза — угнетённые нации, а не просто угнетённые индивиды». А раз это так, то ущемлённые национальные чувства нерусских народов Советского Союза можно использовать в деле расшатывания русско-советской империи. Внешняя политика США и должна быть направлена на поощрение всевозможных движений к национальному самоопределению.

Концепция Э.Лёбля, вопиющие недостатки которой отмечены в ответе А.И.Солженицына, является достаточно шаблонной вариацией на знакомую тему: отрицательные аспекты советской политики (в данном случае — политики иностранной) приписываются какой-то исконно-русской традиции, не зависящей от коммунизма.

Отклик советолога Александра Далина представляет собой длинный перечень всего того в статье Солженицына, с чем Далин не считает возможным согласиться. Начинает он с сомнений насчет названной

Солженицыным цифры жертв советского режима (60 миллионов). Показательно, однако, что, выдвигая другие цифры (от 13 до 30 миллионов), Далин именует это «человеческой ценой сталинизма», тем самым вообще исключая эпоху Ленина из подотчётного периода.

Недостоверным Далин считает также утверждение о бедственно низком уровне жизни в современном СССР. В послевоенные годы, пишет он, уровень жизни повышался «с внушительной быстротой». В области умственной и духовной жизни дело обстоит тоже не так уж плохо: режим высоко ценит «политически безопасные» виды культуры и поощряет общее образование.

Вообще образ мысли А.И.Солженицына по отношению к Советскому Союзу не удовлетворяет проф. Далина уже по чисто принципиальным соображениям. Опыт Солженицына — военная служба и Архипелаг ГУЛаг — представляется Далину как «частный» и ограниченный: «его правда — правда жертвы», что придает «апокалиптическую окраску» его взглядам и лишает Солженицына «качеств, необходимых для политического анализа».

Как и ряд других комментаторов, Далин видит у писателя «некритическую защиту старой России» и нежелание признать, что в 1917 г. «старый режим потерял почти всю поддержку во всех слоях общества». И хотя сам Далин склонен придавать «традиционным русским элементам в большевизме» меньше значения, чем это делают, по его словам, другие американские историки, он тем не менее присоединяется к Р.Таккеру, считая «наивным или нечестным» отрицать, что советская политика является «амальгамой (в разных пропорциях)

собственно коммунистических элементов с русскими национальными целями и порывами». Можно однако удивляться, что в подтверждение этих слов Далин указывает на сегодняшний «рост русского национально-го самосознания в СССР». Как видно, проф. Далин не признаёт никакой разницы между казённым советским патриотизмом и тем истинным национальным самосознанием, которое неразрывно связано с религиозными ценностями и которое поэтому обычно оказывается прямым антиподом официального культа «советской Родины». Но Далин оперирует исключительно политическими категориями, и понятия духовные не укладываются в его схему. Как и можно было ожидать, поэтому Далин полностью отвергает взгляд Солженицына на коммунизм, как на явление, враждебное всякой национальной культуре. Столь же неприемлема для Далина (и по той же причине) мысль, что русские не являются «господствующей нацией» в СССР. «По любой мерке», — возражает Далин, — «политическая и военная власть в СССР остается подавляющим образом в руках русских». (Конечно, «по любой мерке» так получается лишь при том условии, что идеологическая приверженность и сознательная деятельность человека никакого значения в учёте его национальности не имеют).

Далин вообще склонен снижать значительность идеологического момента. Советская система, по его мнению, гораздо менее монолитна и неизменна, чем это кажется Солженицыну. Он подтверждает это мнение рядом знакомых примеров о разнице между эпохами Ленина, Сталина и Хрущева, о внутренних разногласиях в Политбюро и т.д. «Вместо того, чтобы уже вперёд отвергать эти соображения, как это делает А.И.Солженицын», — пишет Далин, — нам надо глубже и

систематичнее изучать различия в ценностях и убеждениях, присущие высшим кругам в СССР».

Западу сегодня грозит не идеология, а военная мощь Советского Союза, считает Далин; идеологии он не советует уделять много сил. Доказательством того, насколько выродилась идеология коммунизма, служит советско-китайский конфликт, превратившийся из спора о тонкостях доктрины в обычное «столкновение между конкурирующими национальными державами». Формальная приверженность вождей к идеологическим принципам мало что значит на практике, и во всяком случае не говорит ничего об их истинной мотивировке. Помимо всего прочего, идеология марксизма-ленинизма просто неактуальна для великого множества проблем, ежедневно стоящих перед кремлёвскими лидерами — от собирания мусора до постройки ракет.

Это подробное развенчивание идеологии подводит нас к заключению Далина: «страстный идеологический поход», предлагаемый Солженицыным, является «дурным советом для разумной американской внешней политики». «Более того,— пишет Далин,— твёрдая вера А.И.Солженицына в эффективность военной силы в борьбе с Советским Союзом (? — А.К.) оказывает поддержку досадной склонности американской политики полагаться исключительно на голую военную мощь».

* * *

В заключение повторю, что в этом обзоре я коснулся лишь тех писем в редакцию журнала «Форэн Аффэрс», на которые А.И.Солженицын отвечает в его статье. Полемика этим, однако, не исчерпывается. В частности, «Форэн Аффэрс» поместил одно письмо с невыгодной для Тривса и Таккера оценкой их критики Солженицына.

Ричард Пайпс выступил по радио с рядом критических замечаний. И появилось большое количество газетных и журнальных откликов как на публикацию в «Форэн Аффэрс», так и на отдельные издания статьи под заглавием «Смертельная опасность». Но обзор всего этого материала — отдельная тема.

А.Климов

Подписывайтесь на самиздатовские сборники

НАДЕЖДА

Христианское Чтение

Составитель — Зоя Крахмальникова

**В каждом сборнике около 400 с. Вышло 4 сборника,
в печати — 5-й, в подготовке 6-й.**

**Цена в розницу: 24 нм. При подписке на
3 сборника непосредственно в издательстве — 50 нм,
через представителей — 60 нм.**

**Possev-Verlag
D-6230 Frankfurt/M. 80, Flurscheidweg 15**

Лев ТИМОФЕЕВ

ТЕХНОЛОГИЯ ЧЁРНОГО РЫНКА

ИЛИ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО ГОЛОДАТЬ

III

Колхозная, гармоничная система сельского хозяйства удобна правящей структуре и всемерно поддерживается ею как идеальная система эксплуатации крестьянства, — поддерживается целиком, включая институт приусадебного хозяйства...

Впрочем, уместно ли, размышляя о приусадебном хозяйстве, говорить об *эксплуатации*? Ведь здесь крестьянин работает на *себя*: сколько в огороде ни вырастит, сколько в загороде ни выкормит — все ему, никто теперь не отберет. Работай, живи, пользуйся...

И все-таки я знавал человека, который по доброй воле решил отказаться от своего огорода. Да не где-нибудь, а в самих «огуречных» Посадах, которым завидуют окрестные деревни и села. В конторе тамошнего колхоза мне показали такой документ:

В правление колхоза
«Счастливая жизнь»
от механизатора Тюкина,
Гаврилы Ивановича.

З А Я В Л Е Н И Е

Продолжение. См № 11 «Русского Возрождения».

Прошу отобрать у нашей семьи индивидуальный огород и предоставить нам с женой возможность зарабатывать в колхозе дополнительно еще три тысячи рублей, которые мы ежегодно выручаем на базаре от продажи ранних огурцов. Моя просьба вызвана тем, что вчера, возвращаясь с работы на ферме, моя жена, Тюкина Анна (1951 г. рожд.), увидела, что перед ней по дороге катятся цветные шары,— наработалась, значит. Когда жена остановилась, шары исчезли, но когда пошла дальше, шары опять покатались. Справку от фельдшера прилагаю.

В случае, если мою просьбу выполнить нельзя, я не разрешу своей жене ходить на ферму, где она работает дояркой и получает редко больше ста рублей в месяц. Пусть уж тогда одними огурцами занимается на приусадебном участке да за ребяташками смотрит...

Подпись: Тюкин

Хитрый Тюкин рассчитал безошибочно: приусадебный участок у него, конечно, не отобрали. Деньги, которые жена приносила с фермы, никакого серьезного значения в бюджете семьи не имели,— по крайней мере, старания в «огуречном деле» дадут значительно больше доходов. Что же до участия в колхозном производстве, которое, как мы знаем, одно только и дает право иметь приусадебный огород,— то Тюкин полагал, что его собственная доля в колхозных трудах достаточно велика, чтобы не жертвовать здоровьем жены,— он и сам-то и в колхозе, и дома поспевал на последнем дыхании...

Радуюсь доходам крестьянина от своего приусадебного хозяйства, подумаем: если в индустриально развитой стране здоровому человеку приходится работать на

пределе физических возможностей — иначе не прокормит семью, — не значит ли это, что *прибавочное* рабочее время растянута за естественные, природой поставленные границы? Это ли не эксплуатация сверх всякой меры?

Прибавочный труд создает прибавочный продукт, который отнимается правящей структурой и направляется на расширение производства в интересах стабильности государства, на научно-технические исследования и разработки (в тех же интересах), на содержание лиц, не занятых в сфере производства, но своей деятельностью поддерживающих существующую систему.

Если бы государство партийных чиновников отнимало у крестьян лишь прибавочный продукт, произведенный в колхозе, оставляя крестьянину необходимый — то было бы еще не беда, — оно бы поступало по законам товарного производства. Беда в том, что отнимается и прибавочный продукт, и необходимый продукт.

С самого начала сплошной коллективизации, с первых дней колхозной системы «пролетарское» государство оставило крестьянина на произвол судьбы. У крестьянина забирали все под метелку, нисколько не заботясь о том, остались ли ему хотя бы самые необходимые средства существования.

Какой садистический акт — сообщить с гордостью, как достижение (не к этому ли стремились?) на 18 съезде партии: «Средняя выдача зерна в зерновых районах (разрядка моя — Л.Т.) на один колхозный двор поднялась с 61 пуда в 1933 году до 144 пудов в 1937 году.»¹²⁾ И где! На Кубани, на Дону, в Новороссии — на богатейших землях, о которых более чем за сто лет до того еще Сисмонди было известно, что они способны не

только досыта накормить живущий на них народ, но и дать такой урожай, «что русским хлебом было бы легко снабдить все рынки, которые оставит открытыми для русских и поляков цивилизованная Европа.»¹³⁾

61 пуд на большую крестьянскую семью — голод, по двухсотграммовой тюремной пайке на человека в день. 144 пуда — едва ли возможное существование. Но то в зерновых районах. А что там, в Рязани, Смоленске, Владимире, Вологде? Об этом ни слова. Будто вымерли земли. И близко к тому было... Голод в тридцать третьем году. Голодные военные годы. Голод в сорок седьмом. Голод в сорок девятом. В остальные годы травяных лепешек не пекли, но никогда не ели досыта. И еще в 1963 году в стране были тысячи колхозов, где крестьянин получал за свой труд в течение года 6-7 пудов зерна и 10-15 рублей деньгами.¹⁴⁾

Государство отнимает продукт, произведенный крестьянином в колхозе, но делает это не напрямую, не грубо, не физическим нажимом, который мог бы вызвать нежелательное противодействие, но замаскированно, через систему закупочных цен. Создается видимость, что продукт не отнят, но куплен, а поскольку продукта произвел мало, постольку и не заработал ничего — кого же винить?

Финансируя сельскохозяйственное производство, власти принимают позу доброго дядюшки, — исключительная щедрость толкает его оплачивать хозяйство нерентабельное, себя не оправдывающее... Слушайте, слушайте! Возможно ли, чтобы люди признали нерентабельным кормить себя? Возможно ли где-нибудь еще, чтобы при нехватке мяса, молока, картофеля производство их было нерентабельным?

Весь этот голодный маскарад затеян с одной-

единственной целью: скрыть очевидный факт, что значительная часть сельскохозяйственной продукции попросту *отнимается бесплатно*, поскольку существующие цены никоим образом не соответствуют ее реальной общественной стоимости...

Впрочем, предоставим слово специалистам, которые, решая задачи конкретной экономики, волей-неволей вынуждены, если и не до конца распутывать клубок, то, по крайней мере, потянуть нитку дальше, чем обычно принято: «Расчеты, выполненные на базе учета затрат труда в отраслях материального производства и редукции труда на основе различий в общественно необходимых затратах труда на подготовку рабочей силы разной квалификации, показывают, что в сельском хозяйстве в 1969 году было произведено 29,4%, а в 1970 году — 28% национального дохода страны... Вместе с тем доля сельского хозяйства в национальном доходе, рассчитанная нами, выше, чем учтенная текущими ценами по действующей методике ЦСУ СССР. Последняя составила в 1969 году 19,5% и в 1970 г. — 21,8%¹⁵⁾

То есть, по меньшей мере, стоимости, оцениваемые в 30 миллиардов рублей, отнимаются у сельского хозяйства безвозмездно. Часть из них в демагогической обертке возвращается, но далеко не сполна и далеко не по тем адресам, какие назвали бы заинтересованные потребители товаров, испытывающие нехватку мяса, молочных продуктов, овощей, яиц. Так в течение многих лет животноводство получало столь мизерный возврат произведенных здесь стоимостей, что их едва хватало даже на простое воспроизводство. В результате и сегодня в стране катастрофическая нехватка мяса, от которой в первую очередь страдают рабочие промышленных

предприятий, пролетариат, чьи интересы якобы положены в основу государственной политики.

Но если животноводство недополучает причитающейся ему по законам товарного производства доли продукта, то недополучают ее и крестьяне, занятые в колхозном животноводстве, — система норм и расценок так устроена, что значительная часть общественно-необходимого труда остается неоплаченной.

Можно примерно подсчитать долю необходимого продукта, которая отнимается у крестьянина безвозмездно: подсчитанная разными способами, она составляет от 40 до 60% стоимости воспроизводства рабочей силы со средним уровнем квалификации. А это значит, что от 60 до 40% необходимого продукта крестьянин должен добирать в своем приусадебном хозяйстве.

Но, оказывается, и этого сказать недостаточно. «Сравнение фактического минимального уровня доходов колхозной семьи с рассчитанным минимумом материальной обеспеченности показывает, что в 1969-1970гг. минимальная оплата труда в колхозах *с учетом всех других источников* семейных доходов (разрядка моя — Л.Т.) обеспечивала воспроизводство рабочей силы на 80-85% от уровня возмещения затрат простого труда в промышленности.»¹⁶⁾ Вот и вспомним те тысячи, которые крестьянин получает, реализуя продукты приусадебного хозяйства, — где они? Их едва хватает взамен тех денег, что недоданы в колхозе, что отняты государством.

Ограбленное таким образом крестьянство, казалось бы, обречено было на деградацию и вымирание. Но инстинкт самосохранения силен. До смерти и котенка утопить не просто, а человек-то, люди, будут сопротивляться до последнего. На это, впрочем,

советская экономическая политика и рассчитана... И сопротивлялись, учились жить и с сорока, и с пятнадцати соток, и с пятнадцати метров земли. Выучились. Живут, карабкаются. До цветных шаров в глазах. Лишенные необходимого продукта в колхозе, добывают его в приусадебном хозяйстве.

Но обратим внимание еще и на то, что, ограбив крестьянина в колхозе, выжав из него соки в своем плановом, гласно-социалистическом тоннеле, власти отпускают его на поправку в систему рыночных отношений. Отпускать-то отпускают, но «на поводке», ограничив экономический маневр целым рядом запретов и «табу».

Минимальный размер земельного участка и связь его аренды с отработкой в колхозе или совхозе, строгий регламент на фураж, отсутствие рынка сельскохозяйственного инвентаря, запреты на интенсивное использование земли, строгий запрет на частные товарищества и кооперативные — все это не дает крестьянину сделаться независимым хозяином. Этот черный мешок запретов мешает рынку развернуться в полную силу, мешает производству напрямую связаться с потребительским спросом. Чёрный рынок остается *под рукой* административной власти, которая диктует жесткие условия постоянной эксплуатации крестьянина в колхозе, совхозе и в приусадебном участке.

Но в то же время власти не могут, не хотят, боятся до конца пролетаризировать крестьянина, сделать его лишь наемным рабочим. В конце шестидесятых годов в Латвии местные партийные органы, видимо, сдвинутые несколько в европейскую сторону от центрально-русских методов хозяйствования, распорядились приплачивать колхозникам за отказ от своих участков. Немного, всего

по 300-400 рублей в год, но здесь важна не сумма, а тенденция.¹⁷⁾

Вроде бы все логично: колхоз получает дополнительную землю, увеличивает свои доходы и какие-то суммы из них платит тем, кто от этой земли отказался... Но нет, не нужны властям ни эта земля, ни эти доходы, которые, впрочем, будут-не будут, еще не известно. Властям не нужен сельский пролетарий — власть партийной бюрократии не умеет распорядиться его трудом, не умеет создать такие условия труда, чтобы получая необходимый продукт в виде зарплаты, он произвел достаточное для общества количество прибавочного продукта, — она не умеет ни организовать производство товаров, ни торговать, она может только *отнять* уже произведенное. А у пролетария что отнимешь? По крайней мере, куда меньше, чем у крестьянина.

Кроме того, промышленные рабочие обладают неотъемлемыми правами, которые в приложении к крестьянству весьма проблематичны: право на труд, право на отдых, право на жильё. Права, которые гарантируются в том или ином объеме в зависимости от уровня развития производительных сил...

И еще, конечно, право на восьмичасовой рабочий день, которое хоть и нарушается сплошь и рядом, но оно все-таки провозглашено, и нужно искать оправдание, чтобы его нарушить. В деревне же таких прав просто нет и быть не может... Крестьянин во многих случаях хотел бы стать пролетарием!

«По материалам социального обследования в колхозах Нечерноземной зоны, затраты времени трудоспособного колхозника в артельном производстве составили 2600 часов, а колхозницы — 2380 против 2000 часов оптимально возможного времени в промышлен-

ности.»¹⁸⁾ Прибавим сюда примерно 1000 часов, которые затрачиваются каждым колхозником в приусадебном хозяйстве, и мы получим представление о реальных затратах рабочего времени в деревне.

Пролетария можно заставить работать и по десять, и по двенадцать, и по четырнадцать часов в сутки, как это и делают на советских промышленных предприятиях в дни ежемесячных, ежеквартальных авралов или в последние месяцы года. Но пролетарию нельзя вообще не дать зарплату, предлагая кормиться где-нибудь на стороне. Ему помногу добирать негде, и если бы власти рискнули регулярно оплачивать труд промышленных рабочих лишь на 40-60%, то поставили бы под угрозу само существование государства. Поэтому советская система трудового нормирования и заработной платы, система ценообразования и распределительная политика советского государства построены таким образом, чтобы рабочий во всех случаях получал свой прожиточный минимум, — даже тогда, когда та или иная отрасль промышленности или строительства нерентабельна

и для покрытия дефицита приходится соответствующим образом перераспределять общественный продукт.

Так это, например, происходит с жилищным строительством. Колоссальный дефицит жилья власти пытаются хоть как-то компенсировать в глазах общественного мнения низкой квартплатой, которая далеко не покрывает строительных затрат и, в том числе, затрат на оплату труда строителей. Правда, недобрали плату за жилище, недодадут и зарплату, снизив расценки, увеличив степень эксплуатации... Государство нам ничего не дает даром.

Равнодушие к сельскому работнику даже и запрягано не очень тщательно, настолько оно кажется властям естественным и непредосудительным. Ему можно заплатить сколько угодно мало, не считаясь ни с какими общественными нормами. Доберет в приусадебном хозяйстве и на чёрном рынке. И никакой угрозы для государства и партийной бюрократии от этого нет. Напротив, осуждая на словах рыночные отношения, власти на деле толкают крестьянина на рынок с продуктами приусадебного хозяйства, и именно за счет рыночного оборота удовлетворяется значительная часть общественных потребностей. А иначе где взять? Как сбалансировать потребности и возможности? Как отвести интересы общества от крутого столкновения с интересами партийной бюрократии? Без рынка плановый социализм только в теоретических работах ладно катится, но на практике — заклинивает.

Не знаю, успел ли кто-нибудь в Латвии получить те 300 рублей за отказ от земли, да и нашлись ли вообще желающие продаться таким способом в обельное холопство, но инициаторы мероприятия получили по партийному выговору — и поделом! Не руби сук, на котором сидишь, не предавай своих же интересов: без приусадебного хозяйства, без рынка так заклинит...

Крестьянин вынужден трудиться два рабочих дня ежедневно. Большую часть того, что он зарабатывает в первый день — в колхозе, в системе гласно-социалистической — у него отнимает государство и распределяет в интересах сохранения существующей системы. Крестьянину не остается ни необходимого продукта, ни права распоряжаться прибавочным...

Тогда начинается второй рабочий день — по законам чёрнорыночного товарного производства, по законам

негласного социализма,— рабочий день, во время которого крестьянин пускает в ход весь свой наличный капитал: рабочую силу — свою, оставшуюся от колхозных трдов, и своей семьи. Он сам определяет здесь уровень эксплуатации: минимум — чтобы не голодать, максимум — чтобы не падать с ног от недосыпа, работая с трех утра до десяти вечера. Сам определяет (в рамках дозволенного) характер производства в зависимости от спроса на те или иные продукты.

Как мы знаем, значительная часть продукта приусадебного хозяйства — от 20 до 90% — реализуется. Крестьянин получает тот или иной доход в зависимости от величины дифференциальной ренты. Но рента — часть прибавочной стоимости. Прибавочные стоимости создаются в прибавочное время. Сколь велико оно в приусадебном хозяйстве? Здесь крестьянин сам себе работник, сам себе и «капиталист».

Весь этот чёрнорыночный оборот настолько мал в каждом своем индивидуальном объеме,— эта рента, эта средняя прибыль на капитал, это прибавочное время так потешны кажутся серьёзным экономистам, что они не берут на себя труд разобраться в них. А может быть, специально отворачиваются, чтобы не увидеть ту очевидную истину, что социализм-то наш живет за счет чёрнорыночного «микрокапитализма».

Но и увидев, стараются сказать помягче, поглаже: мол, «время», используемое колхозниками в подсобном хозяйстве, нельзя назвать рабочим временем или вторым рабочим днем. Это внерабочее время, обусловленное необходимостью ведения подсобного хозяйства».¹⁹⁾ Внерабочее время, когда добывается половина всего совокупного дохода семьи колхозника. Какая глупость! А ведь между тем мы и питаемся продуктами, которые

произведены крестьянином «во внерабочее» время, как бы играючи...

Впрочем, в самое последнее время напористая реальность заставляет повнимательнее приглядеться к деревне и увидеть хотя бы клочки правдивой картины. «Мы разделяем мнение, что когда личное подсобное хозяйство становится основным источником доходов и оказывается ориентированным, в основном, на рынок, а работа одного из членов семьи в общественном производстве служит лишь средством получения права на ведение такого хозяйства, последнее может рассматриваться как мелкое частное хозяйство». ²⁰⁾

Признаться в существовании мелкого *частного* хозяйства в стране развитого социализма — уже немало. Такое признание не может не заставить рассмотреть сверху донизу (или снизу доверху) всю систему экономических связей. Признавшись в существовании 40 миллионов мелких частных хозяйств почти через полвека сплошной коллективизации, нужно признаться и в полной *экономической* неэффективности колхозной системы. Но тут же нужно признаться, что колхозы весьма целесообразны *политически*, поскольку сосуществуя с мелким частным хозяйством, создают идеальные условия для ограбления крестьянина при помощи *чёрного рынка*.

Но, увы, сделав свое, чуть ли не революционное для советской науки «открытие», социолог после нескольких общих суждений заявляет тут же: «Оно (то есть крестьянское хозяйство — Л.Т.) будет сокращаться само по себе добровольным путем по мере развития общественного хозяйства... Обеспечение условий для отмирания этого хозяйства как источника дополнительных доходов позволит ликвидировать наиболее

существенные элементы отставания деревни от города».

И это все? И это значит *может рассматриваться*? Да не будет приусадебное хозяйство сокращаться ни «добровольным» путем, ни каким иным. Как отмечают более сведущие специалисты, для того, чтобы колхозы и совхозы полностью удовлетворили в 2000 году растущие потребности общества в основных продуктах питания и вытеснили частные хозяйства крестьян и рабочих, производство мяса должно быть увеличено в 4,5 раза, молока — в 3 раза, яиц — в 18 раз.

Да и этого мало. Экономические аргументы здесь не решают дела — столь быстрый рост сельского хозяйства может быть и был бы возможен, если ослабить систему запретов и ограничений, наложенных на хозяйственный маневр. Но нет, — частные крестьянские хозяйства будут жить в их сегодняшнем виде до тех пор, пока правящая структура осуществляет свою политику за счет *чёрного рынка*. А может ли ее политика быть обеспечена каким-либо другим способом — весьма сомнительно, — по крайней мере, именно это и должно *рассматриваться*.

Не вина крестьянина, что он обречен вести рыночное хозяйство даже на участке размером с детскую песочницу. А мы, желая понять, в какой стране живем, отворачиваться от его судьбы не вправе. Тем более, что на этих игрушечных участках разворачиваются отнюдь не детские своей жестокостью игры взрослых.

ІУ

Ни летним вечером, ни в праздники на сельской улице не увидишь играющих в домино взрослых, — вроде тех, что стучат костяшками во всех городских дворах, на

скверах и бульварах. В деревне бездельничать стыдно. И даже эти самые доминошники, собираясь родные сельские места, чтобы помочь родителям или родственникам в огородных работах весной или на летней сенной страде или в сентябрьской копке картофеля... А уж сельского-то жителя труды не отпускают круглогодично: ведь на себя работает — если остановится, кто за него сделает? Кто возместит потери, если пропущен срок полива огурцов или окучивания картофеля? Если летом долго спал,— под снегом травы не накопишь. Если гонят стадо, за домино не сядешь — корми, пои, дои, ухаживай.

Механизатор Гаврила Иванович Тюкин по утрам, пока еще не в колхозе, или вечером, уже вернувшись, упорно добывает то, что не отдано ему при расчете колхозной кассой. С топором ли, с косой ли, с лопатой движется он по дням своим от дела к делу, от заботы к заботе. И не один, за ним — вся семья, а Нюрка, так и впереди его.

Кажется, и детям он заботливый отец — если жена болеет, сам проверит, как в школу собрались, сыты ли, нет ли прорех в одежде. И Нюрке своей любящий, ласковый муж. И родителям — старикам внимательный сын: из-за них и колхозником после армии сделался, не поехал на стройки коммунизма, пожалел одних немощных оставлять... Но при всем том ни больных стариков, ни жену до последнего дня перед родами; ни детей — никого он не может освободить от постоянного крестьянского труда. Впрочем, пусть бы и освободил, никому из них совесть не позволит отлынивать, когда вся семья в огороде или на сенокосе. А без совестливого участия всех в семье им не свести концы с концами.

Могут ли двое взрослых, работая в колхозе или

совхозе, вести приусадебное хозяйство достаточно интенсивно, чтобы прокормить семью в пять-шесть человек? Нет, не могут.

Для того, чтобы получить урожай картофеля с приусадебного участка в 30-40 соток, двое трудоспособных должны ежедневно трудиться полный рабочий день в течение двух месяцев.²¹⁾ Да уход за коровой занимает полтора-два часа ежедневно, и всякая другая живность внимания и времени требует... Но ведь и от работы в колхозе никто не освободит — особенно летом.²²⁾ Да в те же летние месяцы и сена надо на зиму добыть, и все остальные заботы остаются. Нет, двоим не хватит ни сил, ни времени. И в больших семьях те, кто зарабатывает *право* на приусадебное хозяйство — колхозники и рабочие совхозов — не главные добытчики в своем огороде.

Приусадебное хозяйство — колоссальный комбинат по эксплуатации детей, стариков, инвалидов. Двенадцать миллионов сельских жителей нигде не работают, кроме как в приусадебном хозяйстве, причем из них семь с половиной миллионов — старики и подростки.²³⁾ Да и остальные миллионы — это, главным образом, люди нетрудоспособные или ограниченной трудоспособности, домохозяйки с большими семьями. Три четверти труда, затраченного в приусадебном хозяйстве, — женский труд. Прибавим еще пятнадцать миллионов сельских ребятишек — число школьников без учащихся начальных классов — и мы получим представление о том, чьими руками создается значительная часть валовой продукции сельского хозяйства, которой в прямом и переносном смысле кормится государство развитого социализма со всем его мощным партийно-государственным и идеологическим аппаратом.²⁴⁾

Факт эксплуатации неработоспособного населения, который замалчивается экономистами и социологами, вдруг просвечивает сквозь писания юристов, которые обязаны точно определить правовую сторону взаимоотношений в сельской семье: «Семья колхозника, в отличие от обычной семьи рабочего или служащего, имеет определенные особенности, выражающиеся в том, что это не только родственный, семейно-брачный союз определенных лиц... но такое семейное объединение лиц, которое имеет еще и определенные трудовые связи данных лиц между собой, возникающие у них в силу совместного ведения ими личного подсобного хозяйства.²⁵⁾

Можно и нужно бы сказать еще точнее: семья колхозника — микро-капиталистическое предприятие, где глава семьи вынужден эксплуатировать труд своих домочадцев, чтобы получить в приусадебном хозяйстве максимум прибавочной стоимости и таким образом возместить недополученный ими в колхозе или совхозе необходимый продукт.

Ведется эта эксплуатация, как правило, совершенно варварскими методами, без какого бы то ни было облегчения труда, без механизмов, без применения современных достижений агрономии и зоотехники. Лопата, тачка, мешок, корзина — почти весь инвентарь. В лучшем случае весной за две-три бутылки водки колхозный тракторист вспашет и проборонует участок, — остальное руками.

Один велеречивый партийный болтун заявил: «Хозяйственные функции сельской семьи в советское время в корне изменились. Отпала главная забота — о средствах производства, о лошади, о сохранении плодородия...»²⁶⁾ Ну да, забота о лошади отпала — на

себе возят. Еще в тридцатые годы был выдвинут лозунг: «Лошадь — угроза социализму». Ползая по земле на карачках, по-лошадиному таская на себе грузы, сельские бабы социализму не угрожают, все верно.

Государство давным-давно закрыло глаза на то, каким способом крестьянин добывает себе пропитание, сколь тяжело надрывается при этом. Беда ли — заводы «делают лопаты на целый килограмм тяжелее положенного. Грабли тоже слишком тяжелы... Совсем не делают инструмента для подростков, пожилых людей». ²⁷⁾ Какая страшная картина: на двух сотых всех площадей пахотной земли дети, инвалиды, старики, женщины с лопатами и граблями не по силам дают продукта чуть не столько же, сколько здоровые крепкие люди во всеоружии современной техники получают с остальных девяноста восьми сотых! Какой тяжелый порок скрыт в этих газетных признаниях!

Правда, в последние годы в пригородных зонах увеличилось число приусадебных хозяйств, ведущих интенсивный откорм скота, умножились парники и теплицы. Возможность получить относительно высокую прибыль заставляет этих микрокапиталистов думать хотя бы о микромеханизации: переделывать домашние пылесосы в огородные опрыскиватели, миксеры приспособлять для сбора крыжовника, изобретать оборудование для выращивания тюльпанов зимой.

Но в массе своей приусадебное хозяйство остается традиционно рутинным. Да и не может быть иначе: на малых земельных площадях, при полном отсутствии техники, приспособленной для ведения столь мелкого хозяйства, есть лишь один способ произвести побольше продукта: увеличить количество затраченного живого труда. За счет занятых в колхозе взрослых ничего не

увеличишь — упадут. Значит, побольше работать приходится многодетным женщинам, старикам, инвалидам, детям.

Конечно, никакого разделения труда, никакой кооперации, увеличивающей его производительность, здесь нет и быть не может. Приусадебный участок — не землевладение и даже не свободная аренда. Право крестьянина на приусадебный участок предусматривает обработку земли лишь семьей самого крестьянина. Облегчить труд семьи можно только прибегнув к супруге — простой взаимопомощи двух-трех колхозных дворов по принципу: ты — мне, я — тебе. Так малосемейные копают картошку. Так в некоторых районах ведут простейшее индивидуальное строительство.

Но объединение тех же двух-трех крестьянских дворов для более рационального, более интенсивного рыночного хозяйства невозможно — строжайшее «табу»! При рациональном разделении труда, при интенсивном ведении хозяйства, ориентированного на рынок, капиталистический характер такого объединения был бы ярко выражен, и можно обойтись уже без приставки «микро». Если придавленные запретами нынешние приусадебные хозяйства успешно конкурируют с колхозами и совхозами, надо ли говорить, что даже элементарное объединение независимых крестьянских хозяйств с гектаром-двумя земли и простейшими механизмами показало бы полную экономическую бессмысленность сегодняшних колхозов. Понятно, что власти на такое не пойдут. Власть партийной бюрократии никогда не признает достаточным основанием для дальнейшей капитализации приусадебного хозяйства даже увеличение продуктов питания вдвое или втрое против сегодняшнего.

Понять политический смысл запретов несложно: сохраняя полуголодный, но гарантирующий безоговорочную власть партийной бюрократии «зрелый социализм», сохраняя чёрный рынок, они не дают развиваться открытым рыночным отношениям, при которых нужда во всякой административной власти весьма ограничена.

Вообще всякое *добровольное*, независимое от существующей администрации колхозов и совхозов объединение частных лиц в советской деревне невозможно — ни на капиталистической рыночной основе, ни на *основе коммунистической*. В стране, провозгласившей построение первой фазы коммунистического общества, *коммуны-то* как раз и запрещены. Они существовали еще при царе и в первые годы советской власти, но с началом коллективизации исчезли. Похоронил их лично Сталин: «Лишь по мере укрепления и упрочения сельскохозяйственных артелей может создаться почва для массового движения крестьян в сторону коммуны. Но это будет не скоро. Поэтому коммуна, представляющая высшую форму, может стать главным звеном колхозного движения лишь в будущем».²⁸⁾ Ему неважно было, куда отправлять свои жертвы — в прошлое или в будущее, — лишь бы в небытие, лишь бы не мешались под руками в настоящем.

Коммуны создавались людьми, религиозно преданными коммунистической идее. Такие сплоченные, убежденные коллективы могли оказывать и оказывали серьёзное сопротивление советской политике крепостного закабаления крестьянства. «В известной части коммун проявилась антигосударственная практика, выразившаяся в противопоставлении интересов коммуны интересам государства (чрезмерное увеличение потребительских

нужд коммуны, уменьшение товарности и т.д.)»²⁹) Вот оно в чем дело! Коммунары не хотели становиться рабочим скотом, несущим тягло под понукание партийной бюрократии, скотом со скотским уровнем потребностей. И тогда их перевели на Устав сельхозартели. И тогда их заставили гнать на работу своих детей и стариков...³⁰)

Впрочем, эксплуатация крестьянской семьи как единого хозяйственного организма оказалась такой удобной, что в последнее время широко применяется не только непосредственно, через главу семьи, в приусадебном хозяйстве, — но и непосредственно, в колхозном поле. Например, в Чувашии (это я видел в Чувашии, а знающие люди подсказывают, что едва ли не повсеместно) картофельные поля разбиваются на делянки и каждая крестьянская семья в зависимости от числа наличных душ должна выбрать картофель с большей или меньшей площади. Только исполнение этих барщинных работ (не освобождая от иных, само собой разумеющихся) дает право на покупку в колхозе кормов для личного скота и на бесконфликтное пользование приусадебной землей.

Количество наличных душ в семье учитывается по прямому, мистическому значению слова, поскольку важно одно: чтобы душа в теле держалась. Освобождаются лишь паралитики. По крайней мере, в чувашском колхозе «Канашский» семья слепого (он да жена) никаких льгот в этой трудовой разверстке не получила... Заметим, что колхоз этот — среди «маяков» республики. С газетных и журнальных страниц нам его подают как достижение социализма — в каждой области таких лишь пять-шесть хозяйств. Сюда журналистов *возят*. Механизаторы и доярки получают здесь больше,

чем в соседних хозяйствах. Но кто же разберется внимательно, что кроется за плакатными улыбками, чьи незамеченные труды, чьи слезы?

Председатель колхоза «Канашский» — крепкий хозяин, заслуженный агроном, кавалер орденов Ленина и Октябрьской революции, автор книги «Земля и урожай». Надо полагать, не он придумал эту систему, но с успехом пользуется ею именно он. Много ли их, таких просвещенных крепостников? Надо бы, чтобы страна знала каждого из них — может, тогда постыдятся? Да постыдятся ли? Им райком грехи отпустит...

В иных местах так убирают сахарную свеклу, кормовые культуры. И нам здесь можно заметить, что столь дикая форма отработки не может привлечь крестьян даже видимостью прямого материального интереса — это лишь форма ужесточения условий, на которых предоставляется право на приусадебное хозяйство.

При такой организации труда действуют психологические факторы, хорошо известные еще Марксу, а по его словам, и еще раньше — Фурье: «...Женщины хорошо работают только под диктатурой мужчин, но... с другой стороны женщины и дети, раз они принялись за работу, с величайшей рьяностью расходуют свои жизненные силы... между тем как взрослый работник-мужчина настолько коварен, что старается по возможности экономить свои силы».³¹⁾

В республиках Средней Азии школьниц двенадцати-четырнадцати лет (почему-то чаще я встречал именно школьниц) заставляют тяжелым кетменем — на килограмм, на два тяжелее нормы? — рыхлить землю колхозного хлопчатника. По многу часов, на солнцепеке — вместо уроков, а иногда и после уроков.

Это работа, пожалуй, даже тяжелее, чем выборка картофеля из осенней грязи, столь хорошо знакомая средне-русским школьникам.

В Гатях — среднерусской деревне, где жила и похоронена наша Акси́нья Егоровна, одна из учительниц местной восьмилетки усомнилась, надо ли включать в программу уроки сельского труда? Ей показалось, что дети и без того знают предмет очень хорошо. Она анкетами опросила школьников и анкеты отослала своему наробразовскому начальству. Все дети ответили, что на уборке урожая картофеля они работают трижды: раз — дома, два — в колхозном поле с семьей, три — в колхозном поле со школой; на сенокосе — дважды: сначала с семьей в лесхозе или в другой организации, у которой есть угодья и можно заработать копейку-другую, потом — в колхозе за «десятый процент», то есть за право получить одну десятую часть убранныго сена; кроме того, конечно, все иные работы — весной, летом, осенью на приусадебном участке, и круглогодично — уход за скотиной (последнее — не все, главным образом, девочки).

Начальство внимательно изучило анкеты, но уроки сельского труда велело начать. Не потому, что нужны, а потому, что с них, с начальства, еще начальство повыше спрашивает. А то — самое высокое начальство, одержимое исключительно гуманными соображениями, издавало приказы, запрещающие детский труд в поле. И теперь все в том же перманентном порыве гуманности заботится, как бы сельские ребятишки не обленились, не выросли бы белоручками.

Но министерские чиновники далеко и высоко, а районные партийные и хозяйственные — близко. И без детских рук им урожай не выбрать, землю не взрыхлить,

вечного корма не наготовить. Знают ли об этом чиновники министерские, издавшие гуманные приказы? Да конечно, знают! Но их чиновничье дело — издавать гуманные приказы. А дело наробразовских районных чиновников — исполнять все приказы — и из Москвы, и из райкома партии. И в результате крестьянский ребенок, трижды уже отработавший в разных местах, трижды эксплуатируемый, работает в четвертый раз *на уроке труда*. На этот раз его эксплуатирует гуманное педагогическое начальство, которое имеет свои дивиденды не в виде сданного картофеля и галочки в хозяйственном плане, но в виде галочки в плане педагогическом.

Экономическая необходимость работать в приусадебном хозяйстве существует многие годы, формируя нравственную атмосферу сельской жизни и, наконец, закрепляется в обычае, в нравственном императиве. А обычай уже, в свою очередь, требует от человека определенного действия, эксплуатирует его нравственную податливость. А в конечном счете — все то же: эксплуатируется труд.

Уже знакомая нам учительница в Гатях как-то жаловалась, что каждую весну и осень, когда начинаются огородные работы, на нее наваливаются огромные трудности: не хватает времени, не остается сил и желания сажать и копать картошку. В семье у них только двое — она и муж. Оба по двадцать пять лет работают в школе. Оба отдают школе всю душу и все время. Картофельный огород им совершенно не нужен, — они зарабатывают достаточно, чтобы покупать продукты... Но тем не менее, каждый год сажают картошку, потом ее окучивают, потом выкапывают. И делают это только потому, что *все в деревне* так делают. Попробуй она

отказаться от своего огорода, и в деревне это воспримут не иначе как чудачество, а еще хуже — как высокомерие: «Что вы, можно ли добровольно отказаться от земли!? В деревне не принято покупать картошку, если ее можно вырастить. В деревне нельзя не жить как все... даже если думаешь по-своему. Всеобщность экономическая создает нравственную всеобщность. Существующие порядки кажутся уже естественными и единственно возможными.

Но все-таки экономический императив пока более важен: большинство учителей не имеет возможности купить какие бы то ни было продукты в колхозе или у односельчан, которые, специализируясь на одной товарной культуре, остальные производят лишь для личного потребления. И вынуждены учителя вести свое хозяйство точно так же, как и крестьяне. Специалистов сельского хозяйства — агрономов, зоотехников, инженеров — продовольственная нужда задевает в меньшей мере, но все-таки и они задеты: «Так, в своеобразных условиях овцеводческих совхозов Казахстана, удаленных от крупных городов, железнодорожных станций, в районах малой плотности населения ведение личного хозяйства, особенно необходимо... При анкетном опросе 12-ти хозяйств выяснилось, что в них все семьи специалистов держат коров, овец, в некоторых, кроме того, верблюдов и кумысных кобыл.³²⁾

Обстоятельства заставляют. Обстоятельства формируют образ жизни. Образ действий. Образ мышления. Люди не рождаются рабами. Подчинение всеобщности, подчинение глухой необходимости начинается лишь в школьные годы — да и то не сразу. Пока учатся писать, у каждого свой почерк прорезывается. Но со второго класса дети начинают просить в школьной библиотеке

«что-нибудь о Ленине — потому что велели прочитать». Так начинается всеобщий почерк мышления. Он закрепляется всеобщей трудовой повинностью: с четвертого класса выходят в колхозное поле и в свой огород. Слово и дело взаимно дополняются, служа одно другому. Формируется человек... И над его-то собственным словом затоскуешь до крика...

Из домашнего задания ученика 5-б класса гатинской восьмилетней школы Галкина Григория:

«Письмо другу.

Дорогой друг мой Вася!

Я тебе опишу про свой выходной день. Встал я рано, умылся, оделся и помог маме прибрать постели. Потом стал завтракать, позавтракал, и пошли мы копать картошку. Я копал, а сестра выбирала картошку. Было холодно. Немножко замерзла сестра, да и я замерз. Покопались мы. И устали, отдохнули. И стали копать картошку. Мы разогрелись. Вдруг шумит мама: «Идите обедать!». И мы пошли. Пообедали. Пошли рыть картошку. А с обеда время летело быстро. И вот уже подошел вечер. Мы поели. И легли спать. Вот мой прошел день. Вася, опиши ты про свой день.

Твой друг Гриня».

В детстве я скандировал вместе со своими ровесниками: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Кого должны благодарить сегодняшние сельские ребяташки?

У

— Спасибо Ленину,— сказала как-то Аксинья Егорьевна, разглядывая его портрет в районной газете,— лицо-то доброе, позаботился о нас...

В другой раз я уже без удивления наблюдал, как в новом здании сельсовета она в пояс поклонилась тому же портрету:

— Царство тебе Небесное... Жизнь-то какую дал — и пенсия, и огород, и в магазине чай да сахар — помирать жалко...

Все хорошо знают, что сегодняшнюю жизнь дал нам Ленин. По его заветам живем. И все видят, что сегодняшняя жизнь крестьянина несравненно лучше той, что осталась в тридцатых, сороковых, пятидесятых. Работается трудно? Так ведь и тогда трудно работалось, а жилось хуже. Кто же помнит, как худо жили еще в начале шестидесятых, когда и в колхозе не платили, и приусадебные хозяйства прижали?

А теперь?... Мы давно уже забыли, как крестьянин *может* жить, но хорошо помним, что еще недавно он жил так, как жить нельзя, как жить *невозможно*. Из народного сознания давно утратилась память о жизни при НЭПе или, тем более, о дореволюционных временах, — правда под запретом, а ложь безразлична, — но хорошо помнится колхозная каторга в ее худшие годы. От тех мертвых точек и идет отсчет благополучия. Лишенный истории, лишенный опыта предков и знания того, как он мог жить, крестьянин оценивает нынешние дни свои, сравнивая их лишь с худшими днями своей же жизни: «Ничего, дышим!»

Мы же, горожане, оцениваем жизнь крестьянина и вовсе исходя из представлений, навязанных нам газетами, журналами и бдительно отснятыми и тщательно смонтированными телефильмами. Да еще по базарным впечатлениям: «На Черемушкинском рынке телятину по семи рублей продают! Обнаглели колхозники. Куда же они деньги девают?» И снова

вспоминается тот послевоенный мешок денег, потрясший мое детское воображение. Уж теперь-то в этом мешке и точно сто тысяч.

Кто же не замечает: жить стало легче, ослабили петлю — сегодня не продувной голод, по городам крестьяне не побираются, с голоду не пухнут и даже на одной картошке не сидят подолгу... однако, взглянемся в сегодняшнюю крестьянскую сытость, в быт крестьянина, в его траты и сбережения. Зная, каковы крестьянские труды, посмотрим, велик ли запас накопился трудами этими?

Запасают деньги — не мешок, конечно, но случись что, на первый момент хватит. Запасают зерно — хлебом-то начали торговать в деревне всего лет десять назад, а возникнут трудности, кого в первую очередь прижмут? Крестьянина. А хлеб да картошка — главная еда... Запасают шифер — когда крыша прохудится, его сразу и не найдешь... Наша Аксинья Егорьевна держала про запас бочонок соли. Зачем? Не знаю. Уж что-что, а соль-то всегда есть в продаже. Может быть, в войну насиделись без соли? Как-то неловко было спрашивать, да она и не стала бы рассказывать о своих запасах — отговорилась бы как-нибудь. Без соли нельзя. Городская семья, если и квасит капусту, если и солит огурцы, то лишь для особого удовольствия, поскольку домашнее лучше покупного. Крестьянин ничего такого купить не может. Если не сделает дома, — будет без солений, а без них и вечная картошка в горло не полезет...

Горожанин купит подушку в магазине. Крестьянин будет по пушинке собирать ее годы. И чем бережливее хозяйка, тем тяжелее ее подушки и перины... Но на все это нужно время и силы, время и силы.

Домашнее хозяйство, домашняя промышленность — неотъемлемое продолжение приусадебного хозяйства. Без этих трудов не прожить, а времени они занимают — особенно у женщин — не меньше, чем огород и скотина: в среднем по три часа в день... Где же силы берутся?³³)

Крестьянин жив постольку, поскольку ведет свое приусадебное хозяйство. Засуха — его *личная* беда, и тут хоть по былинке, а кормов скоту где-то набрать надо... Колорадский жук, завезенный нерадивыми чиновниками из Польши с импортным семенным картофелем — его *личная* беда, ползай на карачках, собирай в банку с керосином. Болезнь скотины — его *личная* беда, и если гибнет годовалый бычок, готовый на продажу, по нему в голос причитают — так, что встревожишься, не умер ли кто из близких?

От всех неожиданностей не застрахуешься, но хоть небольшой запас, а нужно бы иметь во всем.

Хуже всего крестьянину, когда сам заболел. В своем хозяйстве кому бюллетень предъявить. Колхозные гроши, конечно, получишь — и за них спасибо, до 1964 года вообще ничего не давали. Но если колхозного заработка и целиком мало, что там проценты по бюллетеню! Свое добирать и больному приходится.

Аксинья Егорьевна давно как-то жаловалась: так болела, так болела, что и *лежать больно было*, а позвали в лесхоз — косить по болоту, две копейки зарабатывать — не просто пошла, побежала. Знакомому леснику бутылку купила — спасибо, что позвал. Зимой хоть и здоровая будешь, а сена-то где возьмешь?

Пенсия по старости — двадцать рублей. На двадцать рублей и голодая не проживешь. Но зато, как милость, шестидесятилетней старухе оставляют приусадебный участок: пользуйся, старая, ломай спину, авось, еще

заработаешь. Да и стране твоя картошка необходима, без твоих трудов не обойтись. Социалистическое отечество в голодной опасности. Если нет сил самой обрабатывать землю — зови своих детей-горожан. Они возьмут отпуска или отгулы или так прогуляют, но картошка важна и им, — придут и помогут. Да и сама, конечно, не станешь сидеть сложа руки.

Если кому-то затмило, и не видит он, что крестьянин работает *два рабочих дня* ежедневно — в колхозе и в своем приусадебном участке, пусть посмотрит он на сельских стариков: им остался один рабочий день, но лишь потому, что колхозная барщина отпустила их.

Власть равнодушна к судьбе сельских стариков, и они это знают. Но сам о себе кто не подумает? В старость и в болезнь заглядывать боязно — и очень уж страшные лики оттуда смотрят. Пока можно, все хотелось бы лишнюю десятку отложить, застраховаться. Так что крестьянский мешок с деньгами очень похож на нищенскую суму, и не сто тысяч в нем, а пропитание на черный день. Для того, чтобы в такой мешок собрать самое необходимое, крестьянин должен сократить и без того скудное ежедневное потребление, урезать потребности семьи до первобытного уровня.³⁴⁾

Я понимаю, сказать «крестьянин должен сократить потребности» — неточно. На потребности волевым актом не подействуешь, и если Акси́нья Егорьевна говорила, что не знает вкуса чая, то она в нем потребности не испытывала. Но здесь нам терминологические тонкости не важны... Вкус мяса, конечно, все знают, но даже по официальной статистике на душу сельского населения приходится в день чуть более ста грамм мяса и сала. Если же учесть, что от потребления сливочного масла крестьянин дальше, чем Акси́нья

Егорьевна от чая, если учесть, говоря неловко, но лаконично, что сало — «основные жиры» в крестьянском рационе — на нем жарят картошку, с ним варят щи, и что во время четырех-пяти праздничных застолий мяса съедается немного более ста граммов, то от куска мяса для ежедневного потребления ничего не остается. Впрочем, был ли он, этот кусок?

Официальная статистика, кажется, существует с единственной целью: поглубже запрятать истину. Очень помогает в этом разделение крестьян на колхозников и рабочих совхозов, поскольку вторых можно учесть среди городских рабочих и служащих. Скажем, учитывается потребление мяса и сала на душу населения. Показано: в семьях рабочих и служащих — 51 кг., в семьях колхозников — 37 кг. Но в первую группу входят и рабочие совхозов, потребляющие не больше колхозников, и партийные крупные хозяйственные чиновники, чье продовольственное потребление ограничено лишь физиологическими возможностями. Показатель по группе снижается. Разрыв между различными группами населения не так зияет. А средняя цифра по стране остается без изменений: «Что поделаешь, у нас пока нет изобилия, всем одинаково трудно...»

Но и этого оказалось мало: в последние годы даже и колхозников перестали выделять в статистике продовольственного потребления. Есть общая цифра — в 1977 году, например, показано 57 кг. на душу населения мяса и субпродуктов, — и предполагается, что колхозник и начальник сельхозуправления едят одинаково.

Какой изощренный негодяй дал название ресторану, поставленному среди подмосковных дач крупнейших партийных чиновников: «Русская изба»? Да был ли он

когда-нибудь в русской избе? Не в барской ли усадьбе так жрут?

По нормам, разработанным Институтом питания Академии медицинских наук, для поддержания нормальной жизнедеятельности взрослый человек должен потреблять в среднем 81 килограмм мяса и сала в год. В длинном списке продуктов этого идеального рациона лишь картофель и хлеб потребляются крестьянином сверх нормы. Хотя, впрочем, и потребление советских горожан — даже учтенное по методике ЦСУ — сильно не дотягивает до нормы...

Мясо в деревне не только не едят каждый день, но и не каждую неделю появляется оно в рационе крестьянской семьи. Крестьянин и его семья *должны* обходиться без мяса, *должны* утолять голод картошкой и хлебом. *Должны*, потому что поставлены в такие условия, когда *иначе никак не могут* удовлетворить самые элементарные потребности в одежде, жилье и т.д., как только за счет точно таких же элементарных потребностей в калорийной белковой пище.

Нехватка мяса и белков особенно сказывается на развитии детей и подростков. Школьники-подростки в сельской местности на 10-20 см. ниже ростом, чем городские школьники. Исследования разницы умственного развития нигде не опубликованы, да и вряд ли проводились из страха, что реальность заведомо не соответствует пропагандистской болтовне. Однако, как косвенное свидетельство нарушения умственного развития, можно отметить тот факт, что среди сельских юношей 15-19 лет смертность от психических расстройств в 3 раза чаще, чем среди их сверстников-горожан.³⁵⁾ Это психические расстройства, доводящие до смерти. А не до смерти — сколько? Сколько даже не до

такой степени, чтобы обратиться к врачу и быть взятому на позорный (в крестьянском сознании — чуть не равный смерти) учет в психдиспансере?³⁶⁾

Содержание даже самых нормальных, настоятельных потребностей, воспитанных всей нищенской жизнью крестьянина, чрезвычайно бедно, уровень запросов низок, — самый низкий по сравнению с любыми другими слоями общества.

Скажем, городская семья потребляет 150 ведер воды ежедневно. Попробуйте на два дня прекратить подачу воды в городской дом и предложить его жильцам ведрами носить воду из соседнего. Это невозможно. Протест едва ли не примет политический характер. Между тем, каждая вторая крестьянская семья таскает воду более, чем за сто метров, а некоторые — каждая десятая семья — более, чем за полкилометра. На себе, конечно, таскают: спасибо властям, крестьянину не надо заботиться о лошади, да и угрозы зрелому социализму никакой нет.³⁷⁾

«Согласно данным сельских советов, только 17% обследованных населенных пунктов располагают водой хорошего качества, в 70% вода была удовлетворительной, а в 13% — засоленной или загрязненной».³⁸⁾ Что такое «удовлетворительная» вода из сельского колодца, знает всякий, кто хоть раз бывал в деревне — мутная взвесь, которая оставляет на дне ведра на палец грязноватого осадка. Но этой хоть дай отстояться — и пей. А «загрязненную и засоленную» не выпаришь и не профильтруешь — так и пьют. Не то, чтобы привыкли, кто к «удовлетворительной», а кто к соленой — просто в большинстве случаев иной не знали.

И никакая санитарная инспекция не в силах решить водную проблему. Санитарный врач может закрыть

колодец и оставить деревню совсем без воды. Но он не в силах заставить выкопать новые колодцы, пробурить артезианские скважины — нет средств, некому строить колодцы, да и желания нет у местных властей заниматься таким строительством.

Большинство колодцев в среднерусских деревнях построено еще в прошлом веке — и с тех пор гигиена пользования ими ничуть не улучшилась — разве лишь срубы несколько раз обновлялись. С местных властей не требуют ни снизу — крестьяне «не знают вкуса» чистой воды, ни сверху — чиновники районного масштаба, — а тем более областного или столичного, — и вовсе нет нужды беспокоиться о деревенских колодцах. Они и средства выделять не торопятся...

Везет лишь тем селам, где построены большие скотоводческие фермы. Тут обычно бурится артезианская скважина, — скотина получает воду под нос, в автопоилки — за это с руководителей спрашивают — человек берет из уличного гидранта. И ничего, что вода не приблизилась — хорошо хоть чище стала, хоть не лазают в нее каждый со своим ведром. Вот как удачно бывает, когда личные интересы совпадают с интересами общественными (с интересами колхозной скотины)...

Организация медицинской помощи в сельской местности заслуживает отдельного исследования. Но, по крайней мере, очевидно, что чем дальше от больницы, то есть чем дальше от крупного села или районного центра, тем меньше возможность получить своевременно помощь квалифицированного врача. И хотя смертность в сельской местности значительно выше, чем в городе, крестьяне обращаются к врачу в два-три раза реже, чем горожане...³⁹⁾ Однако, в мелких поселках, наиболее удаленных от больницы, людей, недовольных

медицинской помощью, как раз *меньше*, чем в крупных селах.⁴⁰⁾ Парадокс потребностей?

Когда Акси́нья Егорьевна болела так, что ей «лежать было больно», она ведь не к врачу отправилась за пятнадцать километров, да на попутной машине (если, конечно, посадит, а нет — пешком), но в противоположную сторону и тоже за пятнадцать километров, в болото, косить... Визит к врачу занимает весь день, а если не повезет, то и с ночевкой застрянешь. Когда нужны анализы или исследования — уйдет неделя. Кто из крестьян позволит себе такую «бесплатную» медицинскую помощь, особенно летом? Да она дороже обойдется, чем недельное содержание личного врача, коль такое возможно было бы.

Аксинье Егорьевне и в голову никогда не приходило, что врач может прийти на дом. Разве что ветеринарный врач — за трешницу либо за бутылку — к заболевшему парасуку. А себе-то она и девчонку-фельдшера ни разу не позвала,— в последнюю зиму, уже помирала, а все на другой конец деревни брела, в медпункт. И только за неделю до конца, когда совсем слегла, с благодарностью, хотя уже и обессиленным шепотом, встречала фельдшерицу, приходившую колоть морфий... Ей ли, Аксинье Егорьевне нашей, было жаловаться на плохую медицинскую помощь?

Да если и доберется крестьянин до районного города, до больницы, как-то еще его там встретят? Реальное состояние медицинского обслуживания — запретная тема. Но все-таки вот нечаянное свидетельство в журнале «Работница» (№5, 1977): «ПОМОЩЬ ОКАЗАНА. Л.В.Неструева из г.Алги, Актюбинской области, написала в редакцию письмо о плохих санитарных условиях в местном родильном доме и о невниматель-

ном отношении медицинского персонала к больным...

Как сообщила редакции заместитель министра здравоохранения СССР Е.Ч.Новикова, приведенные в письме факты о недостатках в организации родильного отделения больницы г.Алги в основном подтвердились. По результатам расследования жалобы приняты следующие меры: родильное отделение г.Алга, Актюбинской области, переведено в новое помещение, обеспечено горячей водой, необходимым инвентарем; установлено круглосуточное дежурство врачей — акушеров-гинекологов; усилен контроль за санитарно-эпидемиологическим режимом родильного отделения. Л.Н.Неструевой оказана высококвалифицированная медицинская помощь».

Сколько же времени принимали они — в самой передовой стране мира — роды без горячей воды, без необходимого инвентаря, а по ночам и без акушеров? Много ли таких больниц и родильных домов? Едва ли не все. По крайней мере, я сам слышал, как женщина, плача от обиды, рассказывала, как в одном из московских родильных домов ночью едва не родила ребенка в унитаз, не умея докричаться до уснувших сиделок. Так что вряд ли долго продержится в больнице г.Алги «санитарно-эпидемиологический режим» после того, как столичное внимание проскользнет мимо. Одна отчаянная пожаловалась — «на сигнал отреагировали», а многие ли знают, что можно и должно иначе — рожать, жить, умирать?...

Аксинья Егорьевна вообще никогда никому ни на что не жаловалась. Для того, чтобы пожаловаться, нужно осознать себя отдельной, особенной личностью, субъектом права. Реальное право рождает потребность, так же как и настоящая потребность вынуждает

искать права. А какие права знала за собой Аксинья Егорьевна? Никаких. Разве что право на свой приусадебный клочок земли — да и то лишь в ответ на обязанность работать в колхозе. И в старости — право на двадцать рублей пенсии. Все. Эти права незыблемы. Остальные, напротив, очень и очень зыбки. Для крестьянина весь кодекс законов заменяется сельским обычаем: «Не хуже людей живем,— и ладно».

Ровесница нашей Аксиньи Егорьевны, крестьянка подмосковного села Уборы, Клавдия Васильевна Юдакова в течение многих лет, работая в колхозе, подрабатывала уборщицей в клубе, получая за то десять рублей в месяц,— деньги, конечно, ничтожные, но когда без мужа растишь четырех девочек, каждому рублю рада. Когда же пришел срок рассчитывать пенсию, оказалось, что ставка уборщицы по меньшей мере *на тридцать рублей больше*. Значит, ежемесячно у Клавдии Васильевны воровали тридцать рублей. Председатель сельского совета воровал... Но нет, Клавдия Васильевна не пошла жаловаться, не стала искать своих денег, заработанных из последних сил. Спасибо, хоть пенсию от полной суммы начислили. А с начальством лучше не связываться, прав не будешь.

Я не стал бы рассказывать здесь эту историю, слышанную мной от самой Клавдии Васильевны,— она достаточно ординарна,— и если задаться целью, то подобных историй можно было бы насобирать не один том,— мало ли самого дикого средневекового бесправия на необъятных просторах нашей Родины? Но село Уборы — оно отнюдь не затеряно в просторах, но находится в получасе езды от столицы и между двумя самыми привилегированными санаториями страны, между «Соснами» и «Барвихой», к которым без пропуска

и подойти-то близко не пускают, чтобы не нарушил кто ненароком покой членов ЦК партии, там отдыхающих.

На том бы и закончить историю о Клавдии Васильевне, если бы не фантастический случай: в «Соснах» отдыхал как-то сам Косыгин, и, гуляя, вышел за территорию, оказался в Уборах и встретился с Клавдией Васильевной, которая как раз в те дни переживала раскрывшийся обман. Разговорились. («Я-то с нашими старухами была, а с ним еще какой-то мужчина».) Думаете, пожаловалась? Нет, и в голову не пришло. В сельском обычае скромность... О чем же говорили-то? *Он их спрашивал, отчего это у молодежи вошло в обычай бежать из села?* Он, видите ли, понять совершенно не может...

Обычай — банк крестьянских потребностей. Но банк с весьма ограниченным капиталом. Крестьянская семья может годами пить тухлую колодезную воду, и никто не пожалуется, никто не вспомнит о своих правах на элементарные бытовые услуги: *все* такую пьют. *Все* едят мясо лишь по праздникам. *Никто* не помнит, чтобы врач посетил больного. Какие же могут быть претензии? Откуда же взяться потребностям?

Современный крестьянин время от времени слушает радио, смотрит телевизор, иногда бывает в кино, читает или хотя бы просматривает ту или иную газету. Но все красивые, справедливые бытовые, нравственные и административные нормы, которые приходят к нему по этим каналам — лишь к сведению. В повседневной жизни руководствоваться ими невозможно.

Как бы сытно и разнообразно ни ели герои телеэкрана — все эти посетители «Русской избы», — зрителю-то больше, чем он обычно ест, больше, чем едят его соседи, а значит, больше и лучше, чем *все* едят, взять

негде... Как бы ни были демократичны отношения между начальством и рабочими в кинофильмах, все же понимают, что это так, игра, для времяпрепровождения, а на самом деле-то к председателю колхоза со своими нуждами не подступись,— он тебя в упор не увидит, ему некогда, его в райкоме ждут. А возвысишь голос до протеста,— он тебя размажет между ладоней: его, уверенного хозяйственника, райкомовского тиуна и ключника, дающего план, никто не тронет, разве что пожурят за неумение заткнуть рот недовольному. Сам же недовольный увидит врагом могущественного наместника государственной власти... Да нет, до вражды редко кто доходит, разве что самые отчаянные или отчаявшиеся. Такая вражда кончается в лучшем случае тем, что прижмут крестьянина так, что не вздохнет, пока не покается, а в худшем придется ему проститься с родными местами: примерно пятеро в каждой сотне взрослых мигрантов из села — бегут от гнева начальства...⁴¹⁾ В руках у председателя и право урезать приусадебную землю, и возможность обделить кормами для скота, и много, много иных способов сделать жизнь крестьянина невозможной. Впрочем, крестьянин редко выходит за рамки обычая, а спорить с начальством, искать прав, конечно, вне обычая.

Обычай не обязательно напрямую эксплуатирует свою жертву, как он эксплуатирует нашу знакомую учительницу, заставляя ее выращивать ненужный картофель. Чаще обычай сказывается в активизации или угнетении тех или иных потребностей. А уж настоятельные потребности заставляют крестьянина искать дополнительного заработка. Но где же его найти, как не в собственном приусадебном хозяйстве?

В огуречном селе Посады, где живет механизатор

Гавря Тюкин, в обычае строить большие каменные дома: видом этого села с его сверкающими оцинкованными крышами, мы уже имели возможность любоваться на страницах нашего очерка. Дома и впрямь неплохи — особенно радуют глаз приезжего неожиданные для сельской постройки огромные дачные террасы. Но такая терраса не каждой семье по карману, да и совершенно бессмысленна она, по крайней мере, десять месяцев в году. Но строят и долго еще будут строить именно так. Будут надрываться, искать исчезнувшее в последние годы из продажи цветное стекло, откажут себе в последнем, но построят свой дом *как все строят*.

Гавря Тюкин, может быть, и мечтал бы построить что-нибудь попроще, но против обычая не пойдет. И потратив десять лет жизни на строительство своими руками каменного дома под оцинкованной крышей, он из последних сил пристроит террасу, но никак не станет благоустраивать дом внутри. И переедет, по сути дела, из старой закишей избы точно в такую же — разве что более прочную.

И не только потому Тюкин не станет перечить обычаю, что побоится почувствовать себя в одиночестве холодно и неуютно, но прежде всего потому, что террасу-то он хоть и из последних сил, да все же пристроит, а ни водопровод, ни канализацию, ни центральное отопление ему пока никак не осилить. Обычай хоть и «деспот меж людей», но все же от экономической реальности не отрывается. Не только обычай диктует, как жить, но и возможности жить так или иначе — формирует обычай...

Но ведь есть же другая жизнь! Ведь есть «маяки» — читаем же мы о них в «Правде» и «Огоньке», читаем и картинки разглядываем. Ведь есть же хозяйства, где

работники получают из колхозной кассы поболее иного промышленного рабочего. Они-то хоть не так материальной нуждой зажаты?

Один журналист, демонстрирующий нам социологический подход,— мы уже знаем этого автора как умиленного наблюдателя крестьянского безлошадного счастья (см. выше),— на сей раз вдохновенно живописуя быт типичной, по его мнению, сельской семьи — семьи совхозного механизатора с ежемесячным доходом при двух работников 484 рубля,— то есть в два раза выше среднего,— с восторгом замечает: «В общем, теперь семья Александровых расходует на приобретение промтоваров втрое больше денег, чем пять-шесть лет назад...

Солидную статью расходов составило приобретение современных, «модерных» предметов, заменяющих старые, вышедшие из моды: вместо оттоманки, которую отправили в печь, привезли из Ленинграда диван-кровать и т.д.»⁴²⁾

Все правильно: для семьи, еще недавно жившей в полной нищете, для семьи, которая, по свидетельству самого автора, лишь в последние годы смогла приобрести шкаф, стол, стулья,— для такой семьи и диван-кровать роскошь. Дай Бог, Александровым спать мягко на этом диване... Но к чему восторг, коллега? Вы сами-то не на оттоманке спите? Да и стол со стульями у вас, должно быть, не первый год?

Наша Аксинья Егорьевна точнее публициста заметила прогресс в жизни деревни: «После войны, бывало, да и недавно еще,— идешь по деревне и видишь, как сосед вшей бьет — ни занавесок, ни подзоров на окнах. Теперь-то куда лучше! Кой у кого и занавески тюлевые...»

Огромному большинству крестьянских семей, доход которых вдвое, а то и вчетверо меньше, чем у Александровых, и вовсе не до модной мебели. Если мы станем измерять уровень жизни и уровень потребностей крестьянина той же меркой, какой измеряется жизнь всего общества в целом, то верхняя половина шкалы нам не понадобится. И хотя в ином крестьянском доме появился телевизор, трехстворчатый шкаф и даже диван-кровать, уровень жизни и уровень потребностей крестьянина соответствует той, по сути своей мелкотоварной, нищенской, *докапиталистической* форме хозяйствования, которая единственно возможна на приусадебном участке в условиях ограниченного рынка, в условиях административных запретов на частную инициативу в широком масштабе, в условиях крепостнических земельных отношений, столь характерных для общества «развитого, зрелого социализма».

И надо ли удивляться, что «семьи, в бюджете которых доход от личного подсобного хозяйства составляет заметную долю, не соглашаются на его сокращение даже при условии предоставления им коммунальных удобств (при переселении в казенные квартиры в многоквартирных двух-трехэтажных домах, — Л.Т.)»⁴³) Но приняв эту очевидную истину, исследователи потребностей тут же торопятся застраховаться: «Почти во всех селах имеются группы людей, предпочитающие жить в двухэтажных домах со всеми удобствами, не занимаясь уходом за скотом, огородом, не топя печи в течение большей части года».

Какая мысль за этой фразой? Разве, при всей неразвитости крестьянских потребностей, есть хоть кто-нибудь, кто *предпочитает* топить печи, когда — при прочих равных условиях жизни — есть возможность

пользоваться центральным отоплением? Разве кто-нибудь находит удовольствие копаться руками в коровьем дерьме и не *предпочел бы* отказаться от этого занятия при достаточных средствах, при возможности приобрести механизмы, заменяющие ручной труд в крестьянском хозяйстве, при возможности купить мясо и молоко?

Крестьянин может всю жизнь пить «удовлетворительную» воду, но если, хотя бы на другом конце села, есть чистый колодец — он *предпочтет* его всякому другому.

Настойчивые опросы, проводившиеся социологами, показывают, что вроде бы 95% колхозников удовлетворены своим материальным положением и работой в колхозе,⁴⁴) но это совсем не значит, что они *не предпочли бы* иной образ жизни (и иначе поставленные вопросы интервьюеров-социологов), будь у них выбор. Но выбора-то им как раз и не предоставляют...

Не «почти», а во всех селах, и не «группы людей», а всё население полностью *предпочитает* жить по-человечески. Но возможно это лишь в двух случаях: или когда крестьянин станет наёмным рабочим, сельским пролетарием в полной мере, и в виде заработной платы целиком получит причитающуюся ему часть необходимого продукта, или когда крестьянин станет фермером и сам, подчиняясь лишь законам и требованиям рынка, распорядится произведенным на ферме продуктом.

Ни первый, ни второй варианты не могут быть реализованы при нынешних социально-политических и экономических условиях. Поэтому, продолжая *предпочитать* жизнь цивилизованную, с коммунальными удобствами и прочими благами нашего века, крестьянин в то же время продолжает топить печи «в

течение большей части года» и продолжает вести приусадебное хозяйство. В противоположность ученым-социологам крестьянин соразмеряет потребности с реальной жизнью. И поэтому кормит и себя, и социологов, изучающих его предпочтения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹²⁾ И.Сталин. Вопросы ленинизма. Изд.11., ГПИ., 1952 г., стр.626.

¹³⁾ Ж.Симон де Сисмонди. Новые начала политической экономии...М., 1936., стр.269-270.

¹⁴⁾ См., например: Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. «Мысль». М., 1970 г., стр.110

¹⁵⁾ А.П.Плотников. Отношения сельского хозяйства с перерабатывающей промышленностью и торговлей. М., 1973., стр.51.

¹⁶⁾ М.И.Сидорова. Возмещение необходимых затрат и формирование фонда воспроизводства рабочей силы в колхозах. М., 1972., стр. 187.

¹⁷⁾ А.С.Стамкулов. Приусадебное землепользование. Алма-Ата, 1972.

¹⁸⁾ В.И.Староверов. Город и деревня. Политиздат. 1972. стр.80.

¹⁹⁾ Байкова и др. Свободное время и всестороннее развитие личности. М., 1955, стр.37.

²⁰⁾ В.И.Староверов. Преодоление существенных различий между городом и деревней как составная часть задачи построения социально однородного общества. Социологические исследования, 1975, №4, стр.31.

²¹⁾ По расчетам специалистов Госплана СССР, затраты труда на производство центнера картофеля в личных подсобных хозяйствах составляет сейчас 2,8 человеко-дня. «Известия» от 14 января 1977 г.

С 30-40 соток приусадебной земли получают урожай около 50

центнеров... В весьма благоприятных условиях Хмельницкой области тратится в приусадебном хозяйстве на производство одного центнера молока — 3 человеко-дня, на откорм головы крупного рогатого скота — 45,5 человеко-дня. См. В.А.Беляев. Личное подсобное хозяйство при социализме. «Экономика». М., 1970, стр. 95.

22) В Новосибирской области, которая ничем не выделяется среди других сельскохозяйственных областей страны и вполне может быть принята за среднестатистическую, «в 1972 г. по сравнению с 1967 г. средняя продолжительность рабочего дня (в колхозах и совхозах — Л.Т.) по оценкам работников, выросла зимой с 7,8 часа до 8,4, летом с 8 до 9 час... Доля работающих 8-11 час. возросла с 30 до 55%, а свыше 12 час. — вдвое... В 1972 г. нормальный рабочий день имела лишь одна треть работников, в то время как остальные две трети в той или иной мере перерабатывали». Р.В.Рывкина. К изучению основных направлений урбанизации образа жизни сельского населения. В кн. Современная сибирская деревня. Новосибирск, 1975, ч.1. стр.36.

23) В.А.Белянов. Личное подсобное хозяйство при социализме, стр.81, 93.

24) «Развитой социализм» подобного типа уходит корнями своими в далекую историю: факты языка показывают, что древний источник рабства находится в связи с семейным правом. Слово «семия» (по словарю Востокова) означает рабы, домоладцы... Термины: ...раб (робя, робенец, ребенок), холоп (в укр. хлопец — мальчик, сын) одинаково применяются как к лицам, подчиненным отеческой власти, так и к рабам». М.Ф.Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Цит. по книге акад. Б.Д.Грекова «Крестьяне на Руси», стр.132.

25) Комментарий к примерному Уставу колхоза. «Юридическая литература». М., 1972, стр.239.

26) П.Шелест. Одна сельская семья. (Штрихи к социальному

портрету сельского рабочего 70-х годов) «Советская Россия». М., 1972, стр.79.

27) «Известия», 14 января 1977г.

28) И.В.Сталин. Ответ товарищам колхозникам. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр.351.

29) БСЭ, 1-е изд., т.33. «Коммуна сельскохозяйственная».

30) Впрочем, не только в деревне и не только хозяйственное — никакое объединение людей по общему интересу — невозможно. Пример тому — многолетняя безуспешная борьба молодежи с партийными властями за «клубы по интересам» — объединения увеличивающие если не интенсивность общественного труда, то уж по крайней мере, интенсивность общественной мысли, общественной жизни... Такие клубы разрешены лишь при тщательном мелочном контроле со стороны партийных, комсомольских чиновников. Но даже при такой разработанной идейно-фискальской системе удержать клубы под непрерывным идеологическим давлением трудно: молодежь стремится к самостоятельности мышления, — и тогда клубы распускаются, а их организаторы подвергаются идеологическим, а иногда и административным репрессиям... Понятно, что удержать под контролем хозяйственные объединения было бы сложнее.

31) К.Маркс. «Капитал», т.1. Госполитиздат. 1963, стр.707.

32) И.В.Макарова. Личное подсобное хозяйство сельского населения в перспективном экономическом и социальном планировании. Целиноград.

33) «...52,9% обследованных лиц в течение недели каждый день в среднем расходовали на ведение домашнего хозяйства более 5 часов. Две трети из этого числа составляют женщины...49,4% обследованных мужчин и 47,3% женщин в течение недели каждый день трудились в подсобном хозяйстве. При этом в общем числе лиц, ежедневно затрачивающих на работы в подсобном хозяйстве от 2 до 5 часов, мужчины составляют ровно половину».

В.Т.Колокольников. Брачно-семейные отношения в среде колхозного крестьянства. «Социологические исследования» №3, 1976г., стр.84

34) «Мелкий производитель гонит на работу детей с более раннего возраста, работает большее число часов в день, живет «бережливее», урезывает свои потребности до того, что в цивилизованной стране выделяется как настоящий „варвар“...» Ленин (соч. 3-е изд. т.2, стр.468-469) здесь комментирует Каутского и Маркса. Многие из того, что Каутский сто лет назад писал о западноевропейском крестьянстве, особенно о мелких хозяйствах, применимо сегодня к крестьянству советскому, социалистическому, которое выше уровня вековой давности так и не поднялось. Точная мысль Каутского подсказала мне и название этой работы: «Крестьянское искусство голодать может вести к экономическому превосходству мелкого производства».

35) М.С.Бедный. Продолжительность жизни в городах и селах. «Статистика». М., 1976, стр.46 и 73.

36) В сознании обывателя любой пациент психиатра — не человек, но нелюдь. Его судьба может вызвать любопытство, но уж никак не жалость, не сочувствие. Именно на этом и строится политика властей, когда они заключают в психушки инакомыслящих — пусть хоть и совершенно здоровых людей.

37) Миграция сельского населения. «Мысль». М., 1970, стр.313.

38) Там же, стр.312.

39) М.С.Бедный. Продолжительность жизни в городах и селах, стр.31.

40) Миграция сельского населения, стр.298.

41) В.И.Староверов. Социально-демографические проблемы деревни. «Наука» М., 1975., стр.128.

42) П.Шелест. Одна сельская семья. стр.97, 75.

43) Миграция сельского населения. стр. 311.

⁴⁴⁾ См., например, И.Т.Левыкин. «Аграрные преобразования и изменения психологии советского крестьянства». В кн. «Проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе». Политиздат. М., 1975. т.2, стр.373. (Да уж самые славословные авторы очень уж любят вставлять в название работ и книг слово «проблемы», хотя непонятно, какие могут быть проблемы, если 95% опрошенных всегда всем довольны?).

(Продолжение следует)

Лев ТИМОФЕЕВ

«РУССКАЯ МЫСЛЬ» — «LA PENSÉE RUSSE»

Почетный директор Зинаида Шаховская.

Главный редактор Ирина Иловайская Альберти.

Самая большая русская еженедельная газета на Западе.
Выходит в Париже каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

217, rue du Faubourg St. Honoré, 75008 Paris.

Tél. 563-94-47; 563-21-83; 561-05-79

Условия подписки (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
Франция	45	85	150
Прочие страны	54	95	170

Почт. счет: **С.С.Р. 5883-44 К Paris.**

Цена отдельного номера 5 фр.

В.Н.ТРОСТНИКОВ

ТРАГЕДИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

(из книги «Мысли о России»)

Повторим еще раз: Иван Грозный был природным царем, с детства проникнутым ощущением своей царственности. Это — очень важная деталь, постоянно игнорируемая историками. Они то и дело сбиваются на приписывание Ивану образа мыслей плебея-узурпатора вроде Бориса Годунова. Кинорежиссер Эйзенштейн поставил фильм «Иван Грозный», в котором изобразил опричнину именно как инструмент ликвидации боярства, мешавшего централизации России. Фильм этот очень нравился Сталину, для которого, собственно говоря, он и был сделан: Сталин находил в этой картине оправдание своим расправам над бывшими соратниками по партии. Но такое изображение потомка Рюрика в применении к психологии сына сапожника, волею судьбы оказавшегося на головокружительной высоте, есть издевательство над русской историей. К сожалению, примерно то же делают титулованные ученые. Твердое ощущение Грозным своего помазанничества мешает им развивать свои теории, поэтому они стараются его не замечать. Но нам оно как раз даст ключ к разгадке. Чтобы понять образ действий Грозного, нужно именно стать на точку зрения человека, которому власть над Россией, данная свыше, является абсолютно непререкаемой. Ведь через все политические высказывания Ивана красной нитью проходит мысль, содержащаяся в письме к князю

Начало см. в №11 «Русского Возрождения»

Курбскому: «Самодержавства нашего начало от святого Владимира; мы родились и выросли на царстве, своим обладаем, а не чужое похитили; русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и вельможи». И этот Божий помазанник первым из русских государей увидел себя в таких условиях, когда уже ощутимым образом существовало христианское мистическое тело народа.

Чтобы предствить себе, как должен воспринять это Иван в тогдашнее время, современному человеку нужно сделать большое усилие. Мы приучены смотреть на власть, как на нечто очень приятное и желательное, поскольку она дает материальные выгоды, обеспечивает всяческие льготы, тешит самолюбие. Но нам нужно понять, что власть наследного монарха может быть для него и проклятием, крестной ношей. Природный самодержец ощущает *бремя обязанностей*, связанных с властью, т.е. то, чего не чувствует узурпатор. Но особенно сильно должен был чувствовать это свалившееся на него бремя Иван Грозный.

Царь Иван взял на себя управление страной, когда ему еще не было двадцати лет. Как уже было сказано, он с самого начала отнесся к своему царствованию очень ответственно. Это был не по годам серьезный, начитанный и умный молодой человек. Приближенные с неизменным удивлением и восхищением отмечали его рассудительность. По советам митрополита и других уважаемых людей он подобрал дельных и знающих помощников из бояр и предложил им далеко идущий план государственных преобразований. В 1550 году он созвал первый земский собор, на следующий год — большой церковный собор. В 1552 году им было завоевано Казанское ханство, потом начата ливонская

война с целью выйти к Балтийскому морю и завязать более тесные связи с Западной Европой. Могли ли у так успешно начавшего своё правление царя, на власть которого никто и не думал посягать, возникнуть настолько ужасные подозрения и страхи, чтобы заставить его поломать внутренний порядок и создать нелепое государство в государстве в виде опричнины? Разумеется, страхов в прямом смысле, т.е. подозрений в заговорах и интригах, у него быть не могло. Но у него были страхи другого рода, была невыносимая тяжесть сомнений, раздвоенность, чувство собственного бессилия. Если внимательно вслушаться в его горькие сетования на трудности и препятствия, которые ему чинят окружающие в деле его царствования, станет понятно, что все они сводятся к одному: старые методы правления перестали соответствовать тому новому, чем стала Россия. Иван жалуется на бояр, но бояре во всем ему покорны. Он отстраняет одних советников и ставит на их место других, но легче править от этого ему не становится. Он попадает в какую-то заколдованную ситуацию: все делают всё так, как он хочет, но он чувствует, что все делается не так, как надо. Злость его возрастает от того, что он не может понять ее причин, и он срывает ее на случайно попавших под руку придворных.

Его трагедия заключается в следующем. Его отец и дед еще могли править Россией по-семейному, решая важные вопросы в своем, дружеском кругу близких людей и родовитых бояр. Тогда Русь была еще союзом княжеств, добровольно подчинившихся Москве и имевших определенные общие политические и религиозные интересы, но имевших и интересы специфические. Она была тогда тем, чем изображают

наши историки любое государство — сеткой отношений. И управление таким государством с помощью добрых советчиков, имевших поместья в разных частях страны, было простым и естественным делом. Но в годы, непосредственно предшествовавшие вступлению на престол Ивана Васильевича, произошли незримые, но определившие всю дальнейшую судьбу России события. Христианский нектар, выработанный в уединении святых обителей, вернулся теперь в виде божественного меда, и этот питательный мед потек по всему русскому народу. И Россия стала Телом Христа. Не Церковь русская, а именно вся Россия. Возникло одно мирозерцание, одна душа, одно сознание. Как пишет Б.Б.Михайлов:

«В сознании этом, равно присущем царям и простолюдинам, клирикам и мирянам, была выдающаяся, чисто эсхатологическая черта — убежденность в конечном радостном слиянии всех со всеми, мира с Творцом и уже здесь, на земле, чаемом единении в прощении и любви. Это сознание было мистическим по природе, соборным по духу и проявлениям, и с тем в такой степени реальным и посюсторонним, что пронизывало собою всю народную жизнь, с какой бы стороны мы ее ни брали, в каких бы палатах и под какими сводами ни заставляли. Можно говорить поэтому о соборном мистическом теле России, как центральной интуиции народной жизни».

Иван необыкновенно остро ощущал мистическую природу этого вверенного ему судьбою Тела. Он вообще был чувствителен по своей натуре, но в данном случае чувствительность многократно возрастала, поскольку он был распорядителем этого Тела не по выбору, а по самому рождению, т.е. тоже по мистическому предопределению. И между двумя мистическими инстанциями — Россией и Иваном Грозным —

отношения не могли установиться иначе, как по законам невидимого царства духа, недоступного пониманию современных историков.

Иван чувствовал, что он должен что-то делать с той громадной целостностью, на вершине которой он оказался, как-то управлять ею. Но при старом способе управления он сам погружался в эту целостность, растворялся в ней, и получалось, что не он управляет ею, а она им. У его деда, Ивана Третьего, положение было совсем другое. Хотя он и был уже фактически русским государем, Россия была при нем еще неоднородной по своему сознанию. Сам он, как московский князь, был внешней инстанцией по отношению к своим советникам — удельным князьям; удельные же князья были внешней инстанцией по отношению к простому люду своих вотчин. Эти внутренние противопоставления русской жизни создали структуру власти, разность потенциалов, которая крутила колесо истории. Но теперь все изменилось. При сохранении внешних и имущественных различий исчезли различия в мировосприятии, глубинные чаяния людей стали одними и теми же и в избах, и в каменных палатах. Неоднородность сознаний кончилась, а с нею кончилась и возможность, оставаясь в пределах соборного тела России, создать структуру власти. Бояре, которых Иван пытался терпеливо выслушивать, оказались проникнутыми тем же сознанием, что и остальная Русь, поэтому, сами того не желая и не понимая причин этого, все говорили царю одно и то же. Их советы получались банальными и пустыми. Они советовали делать то, что и так делалось — делалось само, по внушению мистической сверхдуши. Сетка отношений сплавилась теперь в единый монокристалл, откликающийся на все

прикосновения таинственным однотонным гулом. Общась с боярами, Иван и сам подсоединялся к этому кристаллу и терял способность быть его хозяином. Это приводило его в ярость и заставляло обвинять бояр в нерадивости или своеволии, а в припадках гнева — и в измене. Но несчастные бояре не были ни изменниками, ни лентяями; они изо всех сил старались угодить царю, да не могли.

Драматизм был в том, что получившая единую христианскую душу Русь стала вдруг как бы прообразом Царства Божия, которым не нужно управлять и в котором все совершается наилучшим образом по высшим законам религии, любви и братства. Но поскольку она все же не была настоящим Божиим Царством, и ее схожесть с ним была лишь диалектическим моментом развития, управлять ею все-таки было необходимо. И к 1556 году Иван, видимо, разобрался все же в ситуации, что делает честь его уму и интуиции. Он понял, что для того, чтобы управлять монолитной душой России, нужно оказаться вне этой души. Но как мог он оказаться вне России, находясь в центре России? Только одним способом: создав внутри России особую страну, которая Россией в смысле христианского тела не являлась бы. Он и создал такую страну, переселился в нее вместе со всем своим управленческим штатом и стал оттуда править ставшей теперь для него внешней Россией. Когда-то Русь призвала для управления варягов из северных стран, теперь потомственный русский царь вынужден был искусственно сделаться варягом.

В свете этой концепции все поведение Ивана Грозного не только не теряет свою загадочность, но и становится чрезвычайно логичным. Отметим, кстати, что глубокий

смысл обретает даже само название «опричнина». «Опричь» значит «кроме», «помимо», «особым порядком». Опричнина была задумана как то, что стоит особняком от тела России, существует опричь него. Понятным становится и то пародирование монастырского уклада, которое Иван устроил в Александровской слободе, присвоив опричникам различные церковные звания, а себя назначив игуменом. Для историков это является одним из наиболее озадачивающих фактов, ибо такое кощунственное поведение им трудно увязать с не вызывающей никакого сомнения набожностью Ивана и с его очень серьезным отношением к религии и Священному писанию. Но как раз набожность и заставила Грозного создать свой псевдомонастырь. Ведь по самой сути своего проекта он должен был оставаться вне тела России, опричь России, а поскольку подлинная христианская Церковь находилась в России, составляя ядро ее мистического тела, то Иван автоматически ставил себя и опричь подлинной Церкви. Но будучи человеком глубоко верующим, он не мог обходиться без Церкви.

Иван Грозный, вероятно, сам того не сознавая, пародировал и нечто гораздо более значительное. Те отношения, в которые он вступил с Россией, были пародией на отношения Бога со вселенной.

Иван любил Россию, от которой удалился в опричную слободу, тосковал по ней, даже чувствовал себя вне ее изгнанником. Но тяжесть этой тоски он возложил на себя добровольно. Между собой и Россией он поставил как бы фильтр и разрешал себе вторгаться в деятельность земщины лишь через его поры. Вспомним хотя бы подставного государя Симеона Бекбулатовича. Иван старался представить все так, будто Россия имеет

автономию, развивается по своим собственным законам, а он лишь подправляет это развитие легкими касаниями. Разумеется, так не выходило, но идея была именно такова. Но ведь так же управляет нашим миром Бог. Он находится по ту сторону нашего мира, Он любит наш мир, даже, вероятно, тоскует по нему, но Он добровольно ограничивает свое вмешательство в дела нашего мира, предоставляя ему самостоятельность. Он не хочет нарушать действующих во вселенной законов. Такое совпадение не может быть случайным. Иван Грозный был *обезьяной Бога*, а это значит, что он был Князь Мира Сего.

Вспомним слова Бердяева: «Бог открывает себя миру, но Он не управляет этим миром. Этим миром управляет князь мира сего». Они относятся к Космосу, но относятся и к России. Я даже думаю, что Бердяев относил их в первую очередь именно к России. Он извлек эту философскую истину из опыта русской жизни конца XIX — начала XX века, из опыта произошедших при нем трех русских революций. Бог открылся когда-то России, но Он так и не управлял ею. И уже в середине XVI века Он мог бы сказать русским людям: «Уже немного Мне говорить с вами; ибо идет князь мира сего» (Ин. 14, 30).

Этим рассеивается очень серьезное недоразумение, которое обычно заводит в тупик дискуссии о прошлом России. Патриотически настроенные люди, так сказать, современные «славянофилы», всегда отстаивают мнение, что в России был когда-то золотой век, а их оппоненты доказывают, что его никогда не было, что у нас извечно царило невежество, пьянство и насилие. В таких спорах стороны говорят о двух несовпадающих между собою вещах, относят свои характеристики к разным объектам,

а поэтому не могут ни о чем договориться. Получается, что в некотором смысле обе стороны правы.

Христос действительно открылся когда-то России, одухотворил ее коллективную душу и образовал из нее мистическую данность высшего порядка. Это не только неоспоримый факт, но и коренной факт всей нашей истории. Вся последующая жизнь нашего национального организма есть лишь цепь следствий из этого факта, из этого главного события нашего бытия. Кто не понимает, что Христос в XV-XVI веках открылся России, тот не поймет ни Петра, ни Никона, ни пугачевщину, ни суть нашей светской культуры, ни революцию, ни Сталина. Тот будет слеп ко всему, что у нас происходило и что происходит сейчас. Но то обстоятельство, что Христос открылся России, не означает, что в России был золотой век в смысле социальной гармонии или, тем более, в смысле материального благополучия. Это даже не означает, что русским людям было тогда хорошо, что они достигли блаженства. Как очень точно отметил Михайлов, их радостное чувство было эсхатологическим — оно было ожиданием, чаянием, надеждой. Но здесь, на земле, им никогда не было вполне хорошо. Да, Христос жил в нашей коллективной душе и проникал из нее в индивидуальные души. Да, это давало тогдашним русским людям ощущение полноты бытия, в наше время никому уже не ведомое. Да, это определило в конечном счете всю нашу дальнейшую историю. Но было бы большой философской ошибкой отождествлять это с присутствием Христа в политических, административных или хозяйственных институтах России. Тут все гораздо тоньше.

Пока мы рассуждали о процессах физических или биологических, нам более или менее хватало той

приблизительной схемы мироустройства, которую мы шаг за шагом, тщательно анализируя факты, сумели начертать выше. Но при переходе к рассмотрению вселенской данности высочайшей степени сложности — человеческого общества — необходимо внести в нее еще одно важное уточнение.

Мы пришли к мысли, что Бог, находясь вне этого мира, следит за миром и осторожными действиями направляет его развитие к совершенствованию. Это вмешательство осуществляется не обязательно непосредственно Богом — в нем участвуют и более низкие инстанции царства духа. Могло показаться естественным, что все эти инстанции, находясь в той же части Бытия, где находится Бог, всецело подчинены Богу. Однако факты и размышления говорят о другом. Видно, в самом фундаменте Сущего заложена высочайшая нетривиальность, опровергающая любую человеческую схему. Как ни проводи границу между двумя царствами, она всегда оказывается условной и, строго говоря, неверной.

Символом «физики невидимого» могла бы служить наклейка на банке сухого молока, где изображен ребенок, держащий в руке такую же банку, а на той банке нарисован следующий ребенок, держащий банку с наклейкой и т.д. Такого рода многократные вложения осуществлены, как мы знаем, в принципах устройства живых существ, благодаря чему в них возникает повышенная чувствительность к потусторонним воздействиям. И по той же идее устроено и все Бытие, и отдельные его фрагменты, в частности, человеческое общество. Оно есть уменьшенная копия всего Бытия. Оно стремится к автономии и замкнутости. Из-за такого стремления, будучи частью Бытия и находясь в основном

в пределах той его половины, которая называется вселенной, общество образует как бы малое бытие, вложенное внутрь большого. В нем имеется, следовательно, своя «вселенная» и управляющая ею своя «потусторонняя онтология». Но необходимо теперь учесть, что обе части малого бытия лежат в одной и той же части большого Бытия — во вселенной, — а вселенная инверсна по отношению к Сущему. Поэтому содержание двух частей человеческого общества должно быть противоположно содержанию тех частей всего Бытия, которые ими имитируются. Так оно и получается. В онтологии большого Бытия есть место пребывания Бога, область, примыкающая к Царству Божьему, а вселенная есть сфера действия безликих и слепых законов. В малом бытии, т.е. в человеческом обществе, вселенная, т.е. мистическое народное тело, есть место пребывания Бога, а онтология, т.е. мирская власть, есть епархия безликого законодателя. Кто же этот законодатель — царь? И да, и нет — в зависимости от того, что понимать под словом «царь». Если понимать под этим словом реального телесного человека, как делаем мы сегодня, то его нельзя считать инстанцией, имитирующей законы природы.

Но раньше термин «царь» понимался гораздо шире и правильнее. Подразумевалось, что «царь» — это не сам человек, а *роль, место*, предначертанная судьбой должность. И тогда царь действительно становился аналогом алгоритмических вселенских законов. Это был агент, воздействующий на малую вселенную, на тело нации, но сам по себе бесплотный. Царь в теперешнем, редуцированном значении термина есть лишь проекция этого агента. Сам же этот агент значительно материальнее царя, лишь выполняющего его волю. Он бесплотен и безлик, он действует с помощью

формальных законов, он неумолим и безжалостен, он является внешним по отношению к воле и желаниям той части, где находится Бог, т.е. пребывает «во тьме внешней» (Мф. 25, 30). Но это — в точности черты того агента, который издавна называется *дьяволом*. Князь мира сего есть дьявол. И существует он не метафорически, а совершенно реально. Это — более или менее автономная онтологическая данность, образованная из фрагментов каких-то волновых функций и низших инстанций царства духа.

Только уяснив все сказанное, можно оценить истинные масштабы трагедии Ивана Грозного. Богобоязненный по своему складу, выдающийся христианин по воспитанию и образованию, он был назначен судьбой на роль *князя мира сего*. Неудивительно, что он долго сопротивлялся этому жребию. Есть вполне серьезные сведения о том, что он подумывал бежать в Англию. И, во всяком случае, чтобы приступить к исполнению своей миссии, он должен был в корне измениться. Он и изменился. Сам ли он переделал себя в добровольном заточении Александровской слободы, или ему помог дьявол — этого мы никогда не узнаем. Известно только, что когда в феврале 1565 года он вернулся в Москву, его трудно было узнать. Как пишет Ключевский, «его небольшие серые пронизательные глаза погасли, всегда оживленное и приветливое лицо осунулось и высматривало нелюдимо, на голове и в бороде от прежних волос уцелели только остатки. Очевидно, два месяца отсутствия царь провел в страшном душевном состоянии».

Ивану Грозному, знавшему Священное Писание наизусть, была, конечно, известна фраза Христа «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22, 21). Он прекрасно знал, что кесарь и Бог находятся по разные

стороны магической черты. С детства он мечтал быть на той стороне, где Бог. Но ему выпало стать кесарем. И он подчинился предназначению.

Трагедия Ивана — возможно, величайшая из всех трагедий, когда-либо происшедших на Руси, ибо она состояла в столкновении не личных, а сверхличных устремлений. Это было прямое столкновение Бога с дьяволом. В этом свете фигура Ивана Грозного вырастает до космических размеров. Любопытно, что народное сознание восприняло Грозного именно в космическом аспекте. Мало кто запечатлелся в нашей национальной памяти с такой силой, как он, — разве лишь Стенька Разин, да Петр Великий. Но эти жили много позже. Ивана же отделяет от нас четыреста лет, но даже тот из наших современников, кто никогда не читал учебников истории, ни исторических романов, ощущает его как своего личного знакомого. Мы все будто видели его воочию. Это чувство коренится в том, что образ Ивана олицетворяет для нас вечный конфликт, лежащий в основе всякой человеческой драмы вообще — конфликт света и тьмы.

Ну а как же последующие цари? Ведь они тоже должны были стоять перед дилеммой, которая терзала Ивана Грозного. Значит и они переживали такую же космическую драму?

Нет, в таком масштабе она уже не повторялась. Грозный был *первый* князь мира сего в России, а первому всегда труднее всех. После него и цари уже воспитывались по-иному — в понятиях, лежащих по ту сторону Христа, — и мистическое тело России все более теряло свою святость. Такого острого конфликта Бога и дьявола в одной душе уже не возникало. Тем не менее, шапка Монаха продолжала быть достаточно тяжелой

для каждого из наших монархов, так как каждый из них должен был проделать, в принципе, то же, что и Иван — создать какой-то свой вариант опричнины и вместе с нею стать вне России.

Исторический материал служит хорошей иллюстрацией к этому. Наследник Грозного, царь Федор Иванович, нашел вариант, который потом повторялся несколько раз. Он вообще не взял на себя управление Россией, оставшись таким образом на стороне Христа, а власть уступил Борису Годунову, своему шурину. У Годунова же, как у выскочки и человека низкой души, никаких нравственных проблем не возникало. Конечно, являясь фактически кесарем, он находился по ту сторону Христа, но назвать такую мелкую личность князем мира сего как-то не поворачивается язык. Это был не дьявол, а заурядный бес. Пушкин сильно преувеличил его масштаб в своей пьесе. Годунов-то и составлял «опричнину» царя Федора, но сам цард в нее не входил и ею не управлял. Та позиция, в которую он поставил себя по отношению к Годунову, хорошо передана в стихах А.К.Толстого:

Какой я царь? Меня во всех делах
И с толку сбить, и обмануть не трудно.
В одном лишь только я не обманусь:
Когда меж тем, что бело иль черно,
Избрать я должен — я не обманусь.

Конечно, такое дезертирство природного монарха от исполнения тяжелой роли князя мира сего имеет опасную сторону: открывает возможность узурпации трона и цареубийства. Гибель царевича Димитрия в Угличе подтверждает эту опасность.

После Годунова настало Смутное Время, а затем, в 1613 году, в России воцарилась новая династия. И при первых же ее представителях — Михаиле и особенно

Алексее — начал вырисовываться новый вариант опричнины, более мягкий, чем у Грозного, и поэтому более жизнеспособный. Тот управленческий штат, который по самой своей сути должен стоять вне народного тела, стал формироваться из призываемых с Запада иностранцев, а также из русских, проникнувшихся западным влиянием. Правда, в исторической перспективе этот вариант оказался самым опасным и разрушительным для России. Хотя западники, вроде князя В.В.Голицына, были гуманнее и культурнее Малюты Скуратова, но Малюта был вырван из соборного тела насильно и где-то в глубине души страдал от этого, а Голицын переходил магическую линию раздела охотно и с радостью. При чрезвычайных обстоятельствах, если бы России как христианской целостности угрожала гибель, еще неизвестно, как повел бы себя Малюта — возможно, он раскаялся бы и переметнулся обратно к Русскому Богу. Люди же, усваивавшие западное влияние, становились окончательно равнодушными к России. Алексей Михайлович и предположить не мог, что такие милые его царедворцы, как Ордын-Нащокин, являются первыми представителями будущего многочисленного племени, которое начнет производить над телом России различные эксперименты, как проводят их естествоиспытатели над лягушками, кромсая это тело так и сяк и с холодным любопытством наблюдая, что из этого выйдет. Еще менее он мог вообразить, что именно из этого племени появятся русские люди, у которых не дрогнет рука убить русского царя. И все же Алексей Михайлович инстинктивно старался ограничивать западное влияние и контролировать его, допуская только желательные его аспекты и отвергая нежелательные. Но уже его сын, Петр Первый,

снял все ограничения и создал из иностранцев и их русских выучеников опричнину такого масштаба, какая и не снилась Ивану Грозному.

Славянофилы начала прошлого века, имея возможность оглянуться на целое столетие, протекшее со времени смерти Петра, правильно поняли метафизическую сущность его деятельности. Константин Аксаков писал:

«Петр, скажут, возвеличил Россию. Точно, он много придал ей внешнего величия, но внутреннюю ее целостность он поразил растлением; он внес в ее жизнь семена разрушения, вражды. Да и все внешние славные дела совершил он и преемники его силами той России, которая возрастала и окрепла на древней почве, на других началах. Доселе солдаты наши берутся из народа, доселе еще не вовсе исчезли русские начала и в преобразованных русских людях, подверженных иностранному влиянию. Итак, петровское государство побеждает с силами еще допетровской России; но силы эти слабеют, ибо петровское влияние растет в народе, несмотря на то, что правительство стало говорить о русской национальности и даже требовать ее. Но для того, чтобы благое слово обратилось в благое дело, нужно поднять дух России и стать на русские начала, отверженные со времени Петра».

Дальше у Аксакова вырываются слова, которые нельзя назвать иначе, как криком души:

«Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах».

Сходство между Иваном Грозным и Петром Великим замечали многие. Кстати, среди апологетически фильмов, которыми наши подхалимы-режиссеры пытались заглушить возможные шевеления совести у

Сталина, был не только «Иван Грозный», но и «Петр Первый». Исторические миссии этих двух царей и вправду очень близки. Но между ними есть и коренное различие. Иван создал свою опричнину ради определенной цели: управления христианским телом России. Он не только понимал, что без наличия этого тела лишается всякого смысла опричнина, но и любил это тело, вне которого ему пришлось оказаться. Петр же сорвался со всех тормозов и потерял чувство реальности. Он стал растить свою колоссальную опричнину ради нее самой. Управление для него стало самоцелью. От него только и было слышно: *дело, дело*, надо делать дело. Но бесполезно было бы спрашивать у него, в чем суть этого дела и кто будет пользоваться его плодами. В сознании Петра угнездилась навязчивая идея: превратить когда-нибудь в опричнину весь русский народ. Это прекрасно выразил Аксаков в приведенном сейчас отрывке. В бешеном круговороте своих дел, большей частью бесплодных или вредных для государства, Петру некогда было присесть хотя бы на минуту и задать себе простой вопрос: по отношению к кому же вся нация может стоять в положенной «опричь»? А если бы он задал его и как следует над ним подумал, то понял бы, что ответ здесь может быть только один. Если всю Россию перетащить на ту сторону, где находится правительство и его институты, то она окажется в положении «опричь» по отношению к Богу, будет представлять собой нацию безбожников. И как раз эта безумная идея Петра восторжествовала в последующие столетия.

В.Н. ТРОСТНИКОВ

От редакции:

В напечатанном выше отрывке из работы «Мысли о России» мы не совсем согласны и отдельные выводы автора считаем несостоятельными, — ответственность за них, как и за необычную в ряде мест терминологию, остается на авторе. Например, его утверждение, что «Иван Грозный был князем мира сего» (противоречащее кстати признанию, что в то же время он был горячо верующим христианином) — не может быть приемлемо. Кесарь и дьявол — два разных понятия. И мысль, что земная власть от дьявола — неверна, нездорова и антигосударственна.

Выражения: «Россия стала телом Христа», «Христово тело России», «Мистическая сверхдуша» — это неоправданное приложение веками установившихся понятий к иным сущностям, что может смущать и даже оскорблять читателя.

Мы всё же поместили эту работу — считая ее ценной уже из-за постановки столь важных вопросов и глубокого и талантливого их анализа искренне заинтересованного в нахождении истины автора — видного ученого в Советском Союзе, по специальности (математика), далекой от богословия и истории. Мы рады, что в среде советских ученых, несмотря на все попытки ограничить их кругозор догмами материализма, находится всё больше тех, на кого эти попытки не оказали влияния и кто искренне, свободно и предвзято ищет путей к возрождению родины. Таким работам мы охотно даем место в журнале «Русское Возрождение», помещая их в порядке обсуждения, — как и многие другие статьи и очерки в нашем журнале, далеко от того, чтобы пытаться предлагать читателю изложение мнений в виде обязательных предписаний.

В.И.АЛЕКСЕЕВ и Феофан СТАВРУ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ОККУПИРОВАННОЙ НЕМЦАМИ ТЕРРИТОРИИ

II

Период: 1927-1939 гг.

Новая Экономическая Политика Советской власти, связанная с относительным либерализмом, к 1928 г. закончила свое существование. Сталин постепенно уничтожал оппозиционеров и готов был к новому этапу революции: к коллективизации сельского хозяйства и началу пятилеток. В этом контексте и надо рассматривать судьбу Православной Церкви в десятилетие, предшествовавшее Второй Мировой войне. Напомним еще раз, что юридическое положение, поколебленное уже законом 1918 г. об отделении Церкви от государства было катастрофическим, и только авторитет Патриарха Тихона объединял русское православие. С Патриархом Тихоном приходилось считаться и Советскому правительству. Именно поэтому после смерти Патриарха правительство не допустило выборов нового патриарха, и до 1943 г. место последнего занимал Патриарший Местоблюститель или даже Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. Эту обязанность вскоре после смерти Патриарха и ареста Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Петра исполнял Митрополит Сергей (Страгородский), одна из наиболее противоречивых фигур среди русского епископата. Это был епископ образованный, умевший лавировать не только в среде чисто церковной, но и в среде либеральной русской интеллигенции, так же как в среде, близкой к Распутину. Занятие Митрополитом Сергием положения Заместителя Патриаршего Местоблюстителя было полуслучайным. Советское

правительство просто арестовало трех кандидатов на этот пост, прежде чем очередь дошла до Митрополита Сергия. Все трое арестованных кандидата были намечены самим Патриархом Тихоном, и из них только третий по счету, Митрополит Петр (Полянский) управлял Церковью сразу после смерти Патриарха, и то всего несколько месяцев. Арестованный 10 декабря 1925 г., Митрополит Петр был выслан в Сибирь на остров Хей на реке Обь по ложному обвинению в контрреволюции. В изгнании Митрополит Петр провел десять лет, до своей смерти. В течение этого времени Митрополит Сергей носил титул Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Компромисс Сергия с Советской властью очаровал некоторых историков иностранцев и привел в замешательство и отчаяние большинство православно верующих в России. Его политика в целом описывается, например, Матвеем Спинка как необходимая капитуляция, хотя и скверно выглядящая, но единственно возможная для спасения Церкви. Ту же точку зрения разделяет и большинство историков иностранцев.²⁵

Митрополит Сергей определил свое отношение к власти двумя документами. Сначала письмом от 10 июня 1926 г., адресованным епископам и верующим Православной Церкви, в котором излагал свой взгляд на свои взаимоотношения с властью. Это был ясно написанный документ, напоминавший по духу послания Патриарха Тихона. Митрополит Сергей призывал к гражданской лояльности в отношении к власти, несмотря на неизбежные разногласия между Церковью и атеистическим государством. Идти далее этого он Церковь не призывал. Такая программа действий не устраивала Советскую власть. В декабре 1926 г. Митрополит Сергей был арестован и просидел три е

половиной месяца. Освобожден он был 30 марта 1927 г., очевидно за согласие на свою печально-знаменитую декларацию от 29 июля 1927 г. Декларация была опубликована в форме «Послания пастырям и пастве». Это была капитуляция перед атеистической властью. Митрополит Сергей шел много дальше гражданского подчинения. Церковь, возглавляемая Митрополитом Сергием, становилась активным коллаборантом атеистического гось, издав декларацию, Митрополит Сергей обратился к эмигрантскому духовенству с призывом пересмотреть отношение к советскому правительству, упрекая за прошлое отношение, которое помешало предшественникам Митрополита Сергия получить признание советского правительства.

«Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести».²⁶

Как и можно было ожидать, издав декларацию, Митрополит Сергей обратился к эмигрантскому духовенству с призывом пересмотреть отношение к советскому правительству, упрекая за прошлое отношение, которое помешало предшественникам Митрополита Сергия получить признание советского правительства. Было ясно, что советское правительство требует от эмигрантского духовенства, так же как от Сергия, официальной письменной декларации лояльности.

Послание Митрополита Сергия было подписано не

только им лично, но и заново подобранным Синодом, одним из членов которого был Архиепископ Алексей (Симанский), после смерти Сергия в 1944г. ставший Патриархом, наследником Сергия. В обмен на декларацию Митрополит Сергей получил возможность создать упомянутый Синод, начать выпускать Журнал Московской Патриархии и, самое главное, не был арестован снова, как почти все противники его декларации. Митрополиту Сергию даже разрешили переехать из Нижнего Новгорода (Горького) в Москву, чего не разрешали сделать раньше. Таким образом, официальное «перемирие» между советским правительством и Московской Патриархией привело к систематическим преследованиям не принявших декларации и медленному, но тоже систематическому, удушению тех, кто декларацию принял, включая самого Митрополита Сергия, которого использовали для официальных интервью, утверждавших наличие свободы совести в СССР, но церковную деятельность которого сводили на нет.

С канонической точки зрения, декларация Митрополита Сергия должна была бы быть санкционирована собором Русской Православной Церкви, но власть не давала разрешения на собор в течение шестнадцати лет, до 1943 г., когда большинство противников Сергия были уже в могиле, а религиозный подъем на оккупированной немцами территории заставил советское правительство на время умерить проведение атеистической политики. На Соборе 1943 г. были представлены одни архиереи, в количестве всего девятнадцати человек, включая самого Митрополита Сергия, из числа тех, кто как-то пережил предвоенные гонения и заранее принимал декларацию 1927 г. Но и тут формального принятия Собором последней не было.

Возвращаясь к 1927 году, скажем, что очень значительная часть духовенства и верующих сумела уйти в подполье и создать Катакомбную Церковь. Живая Церковь не выиграла от нового раскола, а у Митрополита Сергия теперь оказалась оппозиция и справа. В Ленинграде главой радикально отрицающих декларацию Митрополита Сергия стал Митрополит Иосиф, открыто отделившийся от Сергия со многими приходами. Митрополит Петр, продолжавший в ссылке носить титул Патриаршего Местоблюстителя, но признававший до декларации Митрополита Сергия своим заместителем, не принял декларации, чем еще более подорвал каноническое положение Сергия.²⁷

Возможно, наиболее яркое осуждение позиции Митрополита Сергия было получено последним из Соловков (27 сентября 1927 г.) от находившихся там в заключении епископов. Они особенно возражали против таких безответственных фраз, как «радости и успехи» Советского Союза (« — наши радости и успехи»), что фактически значило, что успехи атеистического государства в разрушении Церкви являются радостью последней.²⁸

Помимо прямых преследований Церкви, советское правительство все время усиливало антирелигиозную пропаганду, особенно после 1928 г. — начала проведения пятилеток и коллективизации. В Конституции РСФСР было ясно сказано, что верующим дается свобода вероисповедания, но не религиозной пропаганды. Право пропаганды Конституция давала только атеизму. XIV Съезд советов объявил пропаганду религии уголовным преступлением. В школах антирелигиозная пропаганда заменила преподавание Закона Божия, а апрельский закон 1929 г., определяя положение Церкви,

ограничивал ее права правом на богослужения, и только. Церкви не могли служить местом собрания молодежи или взрослых людей для работы религиозных кружков или просто для преподавания Закона Божия. К 1933 г. половина церквей была закрыта. Антирелигиозная пропаганда росла и совершенствовалась. Во многих городах были открыты антирелигиозные музеи, самые большие в Москве и Ленинграде. В Ленинграде под антирелигиозный музей взяли Казанский собор. Антирелигиозной работой руководил Емельян Ярославский, известный своим желанием ослабить и потом уничтожить влияние религии. С начала 1925 г. он руководил Союзом воинствующих безбожников и за 7 лет, к 1932 году, набрал пять с половиной миллионов членов этой организации. Значение этой цифры, впрочем, не следует преувеличивать. Многие были завербованы в Союз механически и держались пассивно, но было много и фанатиков, таких, каких встретил Казантзакис при посещении редакции журнала «Безбожник» (см. начало настоящей главы). К 1931 г. тираж «Безбожника» достиг полумиллиона экземпляров, а более научный журнал «Атеист» — до 60.000 экземпляров.²⁹ Одновременно преследование Церкви все усиливалось.

Ярославский, удовлетворенный результатами своей антирелигиозной пропаганды, в 1935 г. преждевременно заявил о смерти религии. Личное положение Митрополита Сергия несколько укрепилось в 1936 г. После смерти Митрополита Петра Митрополит Сергей формально стал Патриаршим Местоблюстителем. Конституция 1936 г. немного облегчила положение духовенства. Как было отмечено выше, «служители культа» в СССР официально считались гражданами второго сорта. Они были лишены права участвовать в

выборах и считались «нетрудовым элементом», что автоматически лишало их ряда прав. Конституция 1936 г. дала духовенству и их семьям равные с другими гражданские права. Например, после пяти лет «продуктивной и социально полезной работы» бывший священник мог получить право голоса, что связывалось с необходимостью доказать лояльность режиму.

Если даже допустить, что у Митрополита Сергия в 1927 г. не оставалось выбора, последующие события показали, что власть при помощи Сергия, расправившись с оппозицией справа, продолжала удушать и тех, кто принял декларацию. Только вторая Мировая война и религиозный подъем на оккупированной немцами территории вынудили коммунистов несколько смягчить отношение к религии и Церкви.

Подводя итог первому двадцатилетию взаимоотношенстической власти и Церкви в России, можно сделать два вывода. Власть не смогла уничтожить Русскую Православную Церковь и, что еще важнее, атеизму не удалось убить религиозное чувство в сердцах русских людей. То, что это было действительно так, показывает результат переписи 1937 г., включавший вопрос о религиозной принадлежности. Официально перепись была аннулирована, и результаты ее не опубликованы, но, по признанию самого Емельяна Ярославского, конечно, знавшего результаты переписи, две трети крестьянского и одна треть городского населения России старше 18 лет объявили себя верующими, а это должно было составить 57% всего взрослого населения тогдашнего Советского Союза.³⁰

Из приведенных цифр видно, что народ, в своем большинстве, сохранил веру. Иерархия Московской патриархии не воспользовалась этой народной

поддержкой, оставалась пассивной и даже помогала Советской власти. Беспощадные преследования Катакомбной Церкви тоже не смогли ее уничтожить. Еще в середине рассматриваемого нами периода, в 1927 г., Сталин заявил американской рабочей делегации, что меры по уничтожению религии оказались недостаточно эффективными, и удалось только подавить реакционное духовенство. Выдержала натиск и русская культура, созданная на основе православия. Даже многие гонители религии сохранили на себе следы его влияния на всю жизнь, о чем свидетельствуют хотя бы тайные крещения детей коммунистов, примеры чему будут приведены в последующих главах. Особенно важно, что Катакомбная Церковь сохранилась до настоящего времени. В начале об этом писали авторы эмигранты, теперь начали писать и историки Русской Православной Церкви иностранцы.³¹ Сведения о Катакомбной Церкви подтверждаются даже некоторыми сторонниками Местоблюстителя Сергия и Московской патриархии. Такое подтверждение находим в меморандуме, поданном немецким властям в 1941 г. Экзархом Московской Патриархии в прибалтийских республиках Митрополитом Сергием (Воскресенским), иногда называемым Сергием молодым в отличие от Митрополита Сергия (Страгородского), Местоблюстителя Патриаршего Престола. Сергей (Воскресенский) был личным другом, ближайшим помощником и фактическим заместителем Местоблюстителя. Карьера Экзарха очень интересна. Выдвинулся он после декларации 1927 г. и к 1939 г. стал фактически вторым лицом Патриархии, а официально вторым из возможных кандидатов в наследники Местоблюстителя. Именно он ведал сношениями Патриархии с представителями Советской власти. Таким образом Сергей молодой хорошо знал реальное положение Патриархии. В 1940 г.

он был назначен Экзархом Православной Церкви в трех прибалтийских республиках — в Латвии, Литве и Эстонии, захваченных Сталиным вследствие советско-германского договора. Когда Гитлер атаковал Советский Союз, три республики были заняты немецкими войсками в первые же недели войны. Экзарх уклонился от эвакуации, был сначала арестован немцами, быстро освобожден и вскоре обратился к оккупационным властям с упомянутым выше меморандумом. Конечно, надо учитывать, что меморандум был написан специально для немцев, но, тем не менее, историческая ценность этого документа весьма значительна. В меморандуме Экзарх прямо признает существование в России Катакомбной Церкви и ее психологическое давление на атеистическое государство. Самое интересное, что Экзарх, объясняя немцам положение Московской Патриархии и причину продолжения ее существования, прямо говорит о решающей роли в этом Катакомбной Церкви. Вот что писал Экзарх:

...Следует заметить, что насильственный роспуск общественно признанного руководства Патриархата вызвал бы только в жизнь тайное руководство Патриархатом, что значительно бы затруднило слежку за ним со стороны полиции. Вообще же существовала в России очень живая тайная религиозная жизнь (тайные священники и монахи; тайные молитвенные места; тайные богослужения; крестины; исповеди; причастия; свадьбы; тайные теологические занятия; тайное хранение Священного Писания, литургической утвари, икон, священных книг; тайные сношения между общинами, епископствами и руководством Патриархата, и т.д.). Если бы захотели также уничтожить и тайное руководство Патриархатом, то должны были бы казнить и всех епископов, — среди них и тайных, которые в такой нужде были созданы один за другим. И если мы посчитаем невероятным, что когда-то все же

удастся совершенно уничтожить церковную иерархию, то религия все же остается здесь, а атеистическая пропаганда не сделала ни шагу вперед. Советское правительство поняло это, и поэтому предпочло, чтобы руководство Патриархатом существовало.³²

Подлинность меморандума не вызывает сомнений. Он был найден В.И.Алексеевым в Еврейском архиве в Нью-Йорке вместе с рядом других важнейших документов, касающихся истории Экзархата в Прибалтике во время оккупации. В приведенной цитате Экзарх Сергей не упомянул, что начало Катакомбной Церкви в России связано с непринятием декларации Местоблюстителя Сергея и неподчинением руководимой им Патриархии, т.е. в этом пункте Экзарх подтасовывает факты с целью защитить Патриархию, но факт наличия катакомбного православия и его прямое давление на атеистическую власть обрисован конкретно и ярко.

Таким образом, сама собой рождается несколько парадоксальная схема выживания Московской патриархии в атеистическом государстве. Декларация Митрополита Сергея с 1927 г. оттолкнула от него часть православных, ушедших в катакомбы, с одной стороны, и Русскую Церковь за рубежом, с другой, не принявших этой капитуляции. Но именно факт нового раскола и заставил атеистическую власть сохранять, вернее, не уничтожать полностью Патриархию как наименьшее зло по сравнению с совершенно неконтролируемыми Катакомбной Церковью в России и Зарубежной Церковью вне России.

Некоторые иностранные авторы приводили иные, как нам кажется, менее убедительные соображения, объясняющие выживание Московской Патриархии, например, учет властью дисциплинирующего влияния.

Церкви в повышении морали населения, с того момента, когда в тридцатых годах сама власть начала бороться с развалом семьи, разводами и половой распущенностью. К сожалению, несмотря на признание даже Емельяна Ярославского, что воинствующие безбожники не сумели предложить народу моральные стандарты жизни, коммунисты старались и стараются основывать эти стандарты на учении Маркса, Энгельса, Ленина и на партийной дисциплине, а не на Евангелии и Церкви.³³

Приведенные выше факты, конечно, надо учитывать, но не следует и преувеличивать их значение. Гонения на Церковь к концу тридцатых годов усилились, и отдельные мнения советских авторов мало влияли на действия атеистического правительства. Решающую роль во взаимоотношении Церкви и государства играл основной факт способности религиозной веры не зависеть ни от времени, ни от места. История христианства знает достаточно и других примеров расцвета веры при самых страшных гонениях. Православные верующие показали, что, несмотря на небывалые систематические гонения, они не откажутся от своей веры.

Размах гонений на Церковь за первые двадцать лет коммунистической власти легко можно иллюстрировать цифрами. По советским данным, в России в 1917 г. было 46.487 православных церквей, 50.960 православных священников и 130 епископов. В 1941 г. оставалось 4.225 церквей, 5.665 православных священников и 28 епископов.³⁴ По мнению Поля Андерсена, из книги которого заимствованы эти данные, приведенная выше статистика включает церкви, священников и епископов всех направлений, включая и Живую Церковь, у которой было мало прихожан, но сравнительно много епископов.

Таким образом, приведенные выше цифры для Московской Патриархии должны быть еще значительно уменьшены. Например, известно, что в распоряжении Митрополита Сергия к 1939 г. оставалось всего 3 епископа (помимо его самого), которых условно можно было назвать правящими, а к 1941 г. число их только немного увеличилось за счет православных епископов, оказавшихся на территории бывшей Польши и в Прибалтике, а также и нескольких хиротоний. То же можно сказать и в отношении открытых еще церквей в 1941 г. На территории Польши было около 1200 православных церквей, в Прибалтике около 300, т.е. на долю Советского Союза в границах 1939 г. остается менее 3.000. Можно приблизительно считать, что к 1939 г. в России оставалось не более 6% дореволюционного количества церквей, при этом надо еще учитывать, что приведенная выше цифра дореволюционных церквей, повидимому, не включает церкви при учебных заведениях, монастырские и так называемые домашние, и потому она преуменьшена.

Несмотря на такое внешнее физическое уменьшение, расколы и другие трудности, Русская Православная Церковь выжила как институция, а дух православия бесспорно выжил в народе и даже расцвел в Катакомбной Церкви. Жизненная сила православия выявила себя вскоре в грандиозном религиозном возрождении во время второй Мировой войны на оккупированной немецкой армией территории.

(Продолжение следует)

Глава 2

СЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

В течение двадцати лет Русская Православная Церковь в Советском Союзе находилась в осаде. Церковное руководство было дезорганизовано. К 1939 г. можно было говорить только о четырех епископах Московской Патриархии, как имеющих епархии. Помимо самого Митрополита Местоблюстителя Сергия (Страгородского) в это число входили Алексей (Симанский), Митрополит Ленинградский и Новгородский, будущий Патриарх, Архиепископ Николай (Ярушевич), Новгородский и Псковский, позднее Митрополит Киевский и Галицкий, прославившийся своей деятельностью во время второй Мировой войны, и Сергей (Воскресенский), Архиепископ Дмитровский, вскоре, как мы знаем, посланный в Прибалтику. Помимо этих четырех, очевидно, не существовало никакой высшей иерархии Московской Патриархии. Конечно, было живо неизмеримо больше епископов, находившихся в тюрьмах, концлагерях, ссылках и «на покое», т.е. не у дел после ссылок и концлагерей. Даже выжившие епископы были отрезаны от паствы и от связи с религиозными лидерами за границей. 1930-е годы надо считать особенно трудными для Церкви. Три пятилетних плана и принудительная коллективизация перенапрягли силы нации, а духовенство и верующих поставили в невыносимое положение. Церковных деятелей продолжали обвинять в таких преступлениях, как саботаж, шпионаж, связь с врагами за границей, в неспособности

производить социально полезную работу и в других преступлениях, не имеющих отношения к религии. Антирелигиозная пропаганда в то же время усовершенствовалась.

Положение Церкви все время ухудшалось. Особенно это бросалось в глаза посторонним наблюдателям. Когда уже упоминавшийся выше Поль Андерсон, возможно наиболее близкий наблюдатель жизни Православной Церкви в СССР (он постоянно приезжал в СССР в качестве переводчика с представителями Епископальной Церкви США), как-то в середине 30-х годов спросил одного из священников Московской Патриархии о будущем Православной Церкви в СССР, то получил ответ: «В России нет будущего для религии».³⁵ Ответ, близкий к мнению Казантзакиса, приведенному нами в начале первой главы. Можно гадать, каково было бы будущее религии в России, не начнись вторая Мировая война, — война принесла для верующих и Церкви несомненную передышку. Существует мнение, что это произошло потому, что война дала возможность Московской патриархии показать свою лояльность, но лояльность была показана уже в 1927 г. в известной нам декларации.

Дело было, конечно, в очередном кризисе системы. Другая демонстрация потрясла ее основы. Все знали о советском лозунге — если случится война, она будет вестись на чужой территории, и вдруг целые советские армии начали отступать и сдаваться в плен. Коммунистическая диктатура явно растерялась и показала свою слабость. Армия явно не хотела умирать за коммунизм.

Надо отдать должное Сталину: он в какой-то степени предвидел эту возможность. Так или иначе, интернацио-

нально-коммунистические установки советского правительства стали исподволь заменяться национально-коммунистическими, еще с момента прихода к власти Гитлера в Германии. Гитлер стал канцлером в 1932 г., и уже в 1934 г. школа ведущего коммунистического историка-интернационалиста М.М.Покровского была осуждена как ошибочная и заменена более национальной школой Грекова. В 1936 г. ведущий поэт-антирелигиозник Демьян Бедный попал в опалу за антипатриотичность пьесы, высмеивающей русских богатырей. В 1938 г. был поставлен известный фильм «Александр Невский», прославивший одного из действительных русских богатырей, святого князя Александра Невского, мощи которого были кощунственно выставлены в двадцатых годах в антирелигиозном музее в Москве. Правда, фильм о святом князе, поставленный режиссером Сергеем Эйзенштейном, совершенно игнорировал глубокую религиозность героя и подретушировал его под советского маршала Клима Ворошилова.

Первое облегчение, скорее не религии в целом, а Московской Патриархии, как учреждению, принес раздел Польши Сталиным и Гитлером. К Советскому Союзу отошли значительные части Западной Украины и Белоруссии, а вскоре за ними и три прибалтийские республики — Литва, Латвия и Эстония. Только от бывшей Польши к СССР перешла территория с четырьмя миллионами населения, 1200 православными церквями, духовной семинарией в г.Кременце и 4-мя епископами. Это сразу удвоило количество правящих епископов Московской Патриархии, увеличило количество открытых церквей приблизительно на 40% и снова поставило вопрос об отношении власти к религиозному образованию.

Обычно советские пограничные зоны коммунизировались особенно тщательно. Церкви там закрывались. Когда часть Польши стала советской территорией и пограничной зоной, советская власть была вынуждена пересмотреть свою обычную политику. Начинать большие религиозные гонения и вызывать недовольство населения при наличии немецкой армии по другую сторону границы было слишком рискованно. Надо было учитывать и благоприятный в создавшихся условиях для советской власти факт дискриминации польскими властями Православной Церкви. Перед началом второй Мировой войны поляки закрыли сотни православных церквей на своей территории на том основании, что царское правительство в 1875 г. возвратило эти церкви из унии в православие.³⁶ Польское правительство считало возвращение униатов в православие актом насилия и по своему восстанавливало справедливость путем насилия же, что, кстати сказать, вызвало протесты даже со стороны католической и униатской церквей.

Результаты этих мероприятий польского правительства были таковы, что, например, в районе Холмщины из 393 православных церквей, существовавших в 1914 г., к 1938 г. оставалось 227, к 1939 г. — 176 церквей, а к началу войны — всего 53. Особенно возмутительно было то, что из отобранных у православных культовых зданий 130 церквей, 10 молитвенных домов и 2 монастыря были просто разрушены.³⁷ Естественно, что подобные мероприятия вызвали недовольство православного населения Польши и создали благоприятную почву для коммунистической пропаганды и роста симпатий к СССР. В этих условиях советскому правительству в 1939 г. было особенно трудно начинать сразу большие гонения и закрывать еще не закрытые поляками

православные церкви. Оно предпочло более осторожную политику: подчинение православной иерархии и православных приходов бывшей Польши Московской Патриархии, хорошо контролируемой правительством. Другими словами, это был первый случай, когда советское государство использовало Московскую Патриархию для распространения своего влияния на вновь приобретенную территорию. Таким образом, Сталину в это время стало невыгодно полное удушение Московской Патриархии.

Приобретая новые приходы, Московская Патриархия послала на вновь занятую территорию для возглавления местного духовенства двух из четырех своих епископов. Одним из них был известный читателю Архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский), ближайший помощник Местоблюстителя, с 1939 г. глава канцелярии Московской Патриархии. Сперва он был послан на бывшую польскую территорию, а затем оттуда переведен в Ригу как Экзарх трех прибалтийских республик. Другим был Николай (Ярушевич), в тот момент Архиепископ Новгородский и Псковский. В 1940 г. он заменил Сергея (Воскресенского) в Западной Украине и Белоруссии. С этого начался быстрый подъём Николая (Ярушевича) по иерархической лестнице Московской Патриархии.³⁸ Ещё раз подчеркнем, что Московская Патриархия, имевшая всего 4-х епископов на приблизительно 3000 приходских церквей, сразу послала половину этих епископов на вновь занятые территории, при наличии там собственных епископов и, примерно, 1500 приходов, т.е. половины количества приходов, уцелевших на старой территории СССР. Осторожность в развертывании религиозных преследований на бывшей польской территории не помешала

национализации церковной собственности, объявленной уже 29 октября 1939 г. На духовенство, по примеру СССР, были наложены высокие налоги, а семинарию в Кременце закрыли. По данным Др. Хейера, до 22 июня 1941 г. на бывшей польской территории было арестовано 53 священника, 10 из них позднее освобождены, 37 пропали и 6 умерли или были расстреляны. Число монахов в Почаевской лавре было уменьшено с 300 до 80. В школах прекратилось преподавание Закона Божия, и начал действовать Союз воинствующих безбожников. Вместе с тем было посвящено 4 епископа, опять для вновь присоединенных территорий, что ещё раз подчеркнуло разницу с положением на старой территории СССР. Естественно напрашивается вывод, что епископы, посвящённые вновь по выбору Московской Патриархии, должны были заменить епископов, оказавшихся на захваченной территории. Из бывших польских епископов архиепископ Пинский Александр (Иноземцев) ушёл на покой по собственному желанию. Архиепископ Кременецкий Алексей (Громадский) был арестован.³⁹ Одновременно в Почаевскую лавру были присланы два новых монаха со старой территории СССР: Архимандрит Панкратий, как наместник, и Нектарий, как помощник наместника лавры.

Положение в прибалтийских республиках в то же время было ещё более сложным. Благодаря уже цитированному меморандуму Экзарха Сергия (Воскресенского) мы можем представить достаточно полную картину этого положения. До революции 1917 г. в Литве, Латвии и Эстонии не было отдельных православных церквей. После создания трёх независимых прибалтийских республик, так же, как и в Польше, встал вопрос о

продолжении подчинения православного населения этих стран Русской Православной Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁵ См. книги Флетчера и Спинка. «Церковь в сов. России».

²⁶ «Патриарх Сергей и его духовное наследство» (Москва, изд. Моск. Патриархии, 1947).

²⁷ М.Польский, «Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и за границей» (Джорданвилль, 1948).

²⁸ И.Андреев, «Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней» (Джорданвилль, 1951).

²⁹ Данные об антирел. пропаганде и ее влиянии на церковное управление Митроп. Сергия есть у Тимашева — «Религия в Сов.России» и в др.

³⁰ М.Спинка, «Церковь в сов. России» и у Тимашева.

³¹ А.Густафсон, «Катакомбная церковь» (Штуттгарт, 1954) и Флетчер, «Русская православная церковь в подполье», 1917-1970.

³² Офиц.копия «Заметки о положении православной церкви в Остланд» (Прибалтика). В конце напечатано: подписано Митрополит Сергей, 12 ноября 1941 г. Рига.

³³ Тимашев, «Религия в сов. России».

³⁴ Поль Андерсон, «Церковь и государство в советской России» (Париж, 1946)

³⁵ Поль Андерсон. Будущее религии в России, Лондон, 1935.

³⁶ Униатская церковь была создана в конце 16 века из находившихся тогда на польской территории православных епархий при активном участии польского правительства.

³⁷ Фридрих Хайер. Православная церковь на Украине с 1917 по 1945 годы (Кёльн, 1935).

³⁸ Уже в марте 1941 г. он стал митрополитом, а после окончания войны представителем Московской Патриархии в «кампании борьбы за мир».

³⁹ Фридрих Хайер. Православная Церковь на Украине...
(Продолжение следует)

В.И.Алексеев и Ф.Ставрү

ДОБРОТОЛЮБИЕ

Добротолубием называются избранные отрывки из аскетических творений Св. Отцов Православной Церкви. Словом «Добротолубие» переведено греческое понятие, означающее любовь к прекрасному, возвышенному, доброму — ближайшим образом оно содержит в себе истолкование сокровенной, в Господе Иисусе Христе, жизни. Как путешественник, отправляющийся в неизведанные страны, нуждается в описаниях их, так еще более потребно Христианину иметь наставления и указания для прохождения пути своего спасения.

Святые Отцы наши, опытно изучившие борьбу со страстями и стяжавшие венцы святости, являются лучшими нашими наставниками и учителями в деле христианского совершенствования. Их боговдохновенные писания необходимы не только инокам, для которых, главным образом, и писали св. Отцы, но и каждому христианину, следящему за своей внутренней жизнью.

Эта потребность постоянно иметь под рукой творения св. Отцов вызвала появление многочисленных сборников избранных отрывков из святоотеческих наставлений, составленных, в свою очередь старцами, опытными в духовной жизни. Наше Добротолубие в русском переводе состоит из 5-ти томов, содержащих в себе творения 38 св. Отцов Церкви, живших от IV до XIV века. Писания русских подвижников не вошли в эти сборники. Изданы они Русским Св. Пантелеймоновским Монастырем на Афоне.

Последнее издание Добротолюбия было выпущено в 1963 году Св. Троицким монастырем (Джорданвилль, США). Оно представляет собой переиздание прежнего Афонского текста, с некоторыми дополнениями.

I. Поучения Св. Антония Великого

Св. Антоний Великий, живший в IV веке, положил начало уединенно-пустынному подвижничеству. Он, по справедливости, считается отцом монашества. Происходя из благочестивой семьи, он с ранних лет своих отличался благочестием. По смерти же родителей он ушел в пустыню и провел в ней долгие годы, подвергаясь искушениям и мужественно перенося всевозможные лишения. Достигнув, наконец, вершины бесстрастия и получив от Бога многочисленные благодатные дары: дар чудотворения, дар власти над бесами, природой и животными, дар прозрения и видения и, наконец, дар слова, он выступил на апостольское служение людям.

Св. Афанасий, описывая это время, пишет, что Бог дал св. Антонию слово сильное, проходящее до глубин сердечных. И он умел с такой силой говорить на пользу каждому, что многие знатные лица (военные и гражданские), люди с большим достатком, слагали с себя тяготы житейские и делались монахами. Да и кто, говорит св. Афанасий, приходя к нему печальным, возвращался необвеселенным? Кто, приходя к нему проливающим слезы об умерших, не оставлял тотчас своего плача? Кто, приходя гневным, не переменял гнева на кротость? Какой впадавший в нерадение монах, побывав у него, не делался снова ревностным и крепким в подвигах? Какой юноша, увидев св. Антония и послушав

его, не отрекался от утех и начинал любить целомудрие? Сколько дев, имевших уже женихов, издали только повидав св. Антония, перешло в чин невест Христовых?

Антоний оставил после себя и целый ряд писаний, из которых многие вошли в Добротолюбие. Подробное житие его, написанное св. Афанасием Великим, помещено в Четьи-Минях под 17 января.

1) Взирая на мир, не будем думать, будто отреклись мы от великого чего, ибо и вся эта земля очень мала пред целым небом. Поэтому, если бы и над всею землею были бы мы господами и отреклись от всей земли, то и в этом опять не было бы ничего равноценного царству небесному. Ибо, как тот, кто бросает одну драхму меди, чтоб приобрести сто драхм золота, так и тот, кто, будучи господином всей земли, отрекается от нее, оставляет немного, а получает во сто крат более. Если же вся земля равноценна небесам, то оставляющий несколько десятин как бы ничего не оставляет. Хотя бы оставил он притом и дом, и много золота, и тогда не должен хвалиться или малодушествовать. С другой стороны надо подумать, что если бы не оставили мы (что имеем) ради добродетели, всячески после (умирая), оставили бы то, как оставляем часто даже тем, кому не хотели бы, как упомянул о сем еще Екклезиаст (Еккл. 4,8). Почему же не оставить нам сего ради добродетели, чтобы наследовать зато царство (небесное)?

2) Из останавливающихся в гостиницах, некоторые получают постели, а другие, не имея постели, на полу ложатся и засыпают так же крепко, как и те, кои спят на постелях. Дождавшись конца ночи, утром те и другие оставляют постели и равно все выходят из гостиницы, неся с собою только свое собственное. Таким же образом и все шествующие путем жизни сей,— и те, кои жили в

умеренном состоянии, и те, кои прожили в славе и богатстве,— выходят из жизни сей, как из гостиницы, не беря с собою ничего из сластей житейских и богатства, а одни только собственные дела свои, сделанные ими в жизни сей,— добрые ли то, или злые.

3) Образом Божиим бывает человек, когда живет право и богоугодно, а этому быть невозможно, если не отстанет человек от всего страстного. У кого ум боголюбив, тот искусен во всем, что спасительно для души, и во всяком благоговеинстве, требуемом от него. Боголюбивый муж не укоряет никого другого, потому что знает, что и сам согрешает, и это есть признак души спасающейся.

4) Если хочешь, можешь быть рабом страстей, и если хочешь, можешь остаться свободным, не подклоняясь под иго страстей: ибо Бог создал тебя самовластным. Побеждающий страсти плотские венчается нетлением. Если б не было страстей, не было бы и добродетелей, ни венцов, даруемых от Бога, людям достойным.

5) Людям надобно или совсем не приобретать ничего излишнего, или, имея это, быть твердо уверенными, что все житейское по естеству тленно, может быть разрушено и что поэтому, когда случится что, не должно малодушествовать.

II. Поучения Святого Макария Великого

Ближайшим преемником учительного дара св. Антония был св. Макарий Великий. Известно, что он приходил к святому Антонию и в беседах с ним проводил целые ночи. Св. Макарий прославился глубиной своего смирения, и оно было той лестницей, по которой св. Макарий взошел на вершины своего бесстрастия.

Творения св. Макария раскрывают и описывают, главным образом, основную цель христианского делания — освещение падшей души действием благодати св. Духа. Св. Макарий указывает конечную задачу подвижничества, как и каждой христианской жизни — уподобление души Богу — ради которой и создан человек, а вне которой не имеет смысла человеческое существование.

1) Нет иной такой близости и взаимности, какая есть у души с Богом и у Бога с душою. Бог сотворил разные твари; сотворил небо и землю, солнце и луну, воды, древа плодоносные, всякие роды животных. Но ни в одной из сих тварей не почивает Господь. Всякая тварь во власти его; однако же не утвердил он в них престола, не установил с ним общения; благоволил же о едином человеке, с ним вступив в общение и в нем почивая. Видишь ли в этом сродство Бога с человеком и человека с Богом?

2) Высоко достоинство человека. Смотри, каковы небо, земля, солнце и луна: и не в них благоволил успокоиться Господь, а только в человеке. Поэтому человек драгоценнее всех тварей, даже, осмелюсь сказать, не только видимых, но и невидимых, т.е. служебных духов. Ибо об Архангелах Михаиле и Гаврииле не сказал Бог: *Сотворим по образу и подобию Нашему* (Быт.1, 26), но сказал об умной человеческой сущности: разумею бессмертную душу. Написано: Ангельские ополчения *окрест боящихся Его* (Псал. 33, 8).

3) Как из материнского чрева выходит человек, так из тела душа выходит голою, и бывает иная чиста и светла, иная запятнана падениями, а иная черна от многих прегрешений. Почему умная и боголюбивая душа,

поминая и рассуждая о бедах и крайностях послесмертных, живет благочесиво, чтоб не быть осужденною и не подвергнуться им. А неверующие не чувствуют и грешат, презирая имеющее быть там, безумные душою.

4) Как, исшедши из чрева, не помнишь того, что было в чреве, так, исшедши из тела, не помнишь того, что было в теле.

5) Как из чрева исшедши, стал ты лучше и больше телом, так, исшедши из тела чистым и нескверным, будешь лучшим и нетленным, пребывая на небесах.

6) Как телу, когда оно совершенно разовьется во чреве, необходимо родиться; так душе, когда она достигнет положенного Богом предела ее жизни в теле, необходимо выйти из тела.

7) Как ты будешь относиться к душе, пока она в теле, так и она отнесется к тебе, вышедши из тела. Хорошо послуживший здесь телу своему, доставляя ему всякие утехи, худую сам себе оказал услугу по смерти (как известно из притчи о богатом Лазаре), ибо подверг осуждению душу свою, как безрассудный.

8) Как тело, вышедшее из материнской утробы несовершенным, не может жить, так душа, исшедшая из тела, не достигнув боговидения чрез доброе житие, спастися или быть в общении с Богом не может.

9) Тело, соединяясь с душой, выходит на свет из мрака чрева, а душа, сединаясь с телом, заключается во мраке тела. Посему надобно не жалеть, а обуздывать тело, как врага и противоборца души; ибо множество яств и сласти возбуждают страсти в людях, воздержанное же чрево усмиряет страсти и спасает душу.

10) Зло приражается к естеству, как ржавчина к меди

и грязь к телу. Но как не медник произвел ржавчину и не родители грязь, так не Бог произвел зло. Он даровал человеку совесть и разум, чтобы он избегал зла, зная, что оно вредно для него и готовит ему муку. Смотри же внимательно, увидев какого-нибудь счастливца в силе и богатстве, ни под каким видом не ублажай его, прельщен будучи демоном. Но тотчас смерть да будет у тебя перед глазами; и никогда не возжелаешь ты ничего худого.

11) Истинное основание молитвы таково — быть внимательным к помыслам и совершать молитву в великом безмолвии и мире. Человеку молящемуся надобно все усилие свое обращать на помыслы, и что служит пищей лукавым помыслам, то отсекасть, а устремляться мыслию к Богу и хотения помыслов не исполнять, но кружащиеся помыслы собирать отовсюду воедино, различая естественные помыслы от лукавых. Душа под грехом уподобляется как бы большому лесу на горе или тростнику в реке, или какой-нибудь чаще терний и дерев; посему намеревающиеся проходить сим местом должны протягивать вперед руки и с усилием и с трудом раздвигать перед собою ветви. Так и душу окружает целый лес помыслов, внушаемых противною силой; почему потребны великая рачительность и внимательность ума, чтобы человеку отличать чужие помыслы, внушаемые противной силой. Внимательные к помыслам весь подвиг в молитвах совершают внутренно. Таковые своим разумением и рассудительностью могут преуспевать, отражать восстающие помыслы и ходить по воле Господней.

Мы привели несколько слов, дошедших до нас из глубокой древности. Если помнить, что они были сказаны строгими аскетами для таких же, как они сами, подвижников пустыни, то мы почувствуем в их образе

мышления и форме его выражения сдержанную радость о подлинной жизни. Они, как суровый цветок пустыни, таят в себе нежно-розовый, полный аромата цвет, который расцветает для каждого с жаждой богопознания к нему приближающегося. К учениям святых пустынников раннего христианства вполне приложимы слова выдающегося литературоведа наших дней академика Д.С.Лихачева, который писал, что — «новое истолкование мира — художественное, научное и религиозное — освещает мир в связях и значениях, которые ранее ускользали и которые теперь до глубины души удивляют человека. И это удивление перед тем, что окружающее подчиняется новому мировоззрению, всегда бывает радостным».*

Потому-то сборник творений святых отцов и называется Добротолубием — книгой о любви к прекрасному, возвышенному, доброму, которое раскрывается при ее помощи душе христианской.

* Средневековая Русь, изд. «Наука», Москва 1976, стр. 131.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

1380-1980

Историософский опыт

Что же, в свете историческом, представляет собой «Поле Куликово» или «Мамаево побоище»? Что оно — только ли крупнейшее сражение XIV века? Или это историческое событие — только поворотный момент в развитии Русского государства? Или это событие, кроме его военного и исторического значения, еще и крупнейший знак, веха на пути нашего народа к решению задач, заданных ему свыше?

«... Духовное всегда присутствует в материальном, и настоящий реализм — это такой, который ощущает жизнь, явления и вещи так, что наличие другого мира ощущается столь же явственно, как и этого», — пишет современный нам писатель К. Померанцев.

Способность видеть за видимыми вещами их невидимую сущность, как бы оборотную, судьбоносную их сторону — это величайший дар человеку. Возьмите, как литературный пример, раненого князя Андрея Болконского, лежащего на поле сражения, когда он увидел над собой — «это высокое небо, которое он не знал до сих пор» и почувствовал, что ничего нет важнее этого неба.

Какой же вехой на нашем историческом пути было Поле Куликово, какое небо открылось тогда народному сознанию?

Историк Ключевский писал:

«Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу». («Церковь и Россия», стр. 45)

Именно таким событием, определяющим на долгие века наш исторический путь, была битва на Поле Куликовом в день Рождества Пресв. Богородицы, 8 сентября 1380 года.

Этот наш путь, как некая заданность, продолжается и через нашу эпоху ведет в историческое завтра.

Об этом пророчествовал Александр Блок:

Я не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

I

Сначала я позволю себе остановиться на чисто фактических особенностях события. Хотя оно всем нам более или менее известно, в нем так много интересных и важных подробностей, что умолчать о них просто невозможно.

Нужно помнить, что Куликову Полю, т.е. сражению, давшему победу русским над татарами, предшествовало завоевание почти всей России ханом Батыем, совершившееся примерно за 140 лет до Поля Куликова.

За эти 140 лет, не считая набегов, носивших местный характер, Россия подвергалась четырем нашествиям

порядка опустошительных завоеваний всероссийского охвата. Мамаево же нашествие в 1380 году, встретившее отпор Великого Князя Дмитрия, грозило стать самым большим. Пришедшее с Мамаем войско было огромным. Данные о числе войска расходятся и колеблются между 250 тыс. и 400 тыс. человек у татар. С нашей стороны было от 150 до 300 тыс. Следовательно, в побоище участвовало от 400 до 700 тыс. человек. Сравним: Наполеон в 1812 г. пришел на Неман с армией в 420 тысяч. В Бородинском бою участвовало 250 тыс. человек русских и французов, т.е. на половину меньше, чем в сражении на Поле Куликовом. Это было самым многолюдным сражением не только в Европе XIV века, но и за всю эпоху средних веков.

Сколь страшным событием для русского народа было татарское иго, эти 140 лет, от первого нашествия до Поля Куликова, нам рассказывает историк Ключевский:

«Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала ребенка лихим татаринцом; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать, сами не зная куда. Беда грозила превратиться во внутренний недуг; панический ужас мог развиться в народную робость, в черту национального характера» (Ключевский, там же, стр. 44).

Однако уже вскоре после первого татарского разгрома начинает создаваться и крепнуть спокойный уголок между Окой и верхним течением Волги — молодое Московское княжество. Начинает собираться, главным образом трудами князя Ивана Калиты, Русь.

О том, что представляли собой эти огромные лесные пространства междуречья, можно судить по словам летописи о построении преп. Сергием монастыря во имя Святыя и Живоначальныя Троицы. Как известно, Троице-Сергиевская Лавра находится в 70 верстах от Москвы. Вот что говорит летопись: «Было место сие лес, чаща, пустыня, идеже живаху зайцы, лисицы, волцы, медведи...»

Вот в этих-то глухих, а потому и спасающих, необъятных лесных просторах не только происходило физическое соби́рание народов новой Руси, но и его духовное исцеление. Там-то и произошло чудо, как говорил Ключевский:

«... народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там навалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями» (Ц. и Р. с.54).

Как же произошло это историческое чудо?

Тот же Ключевский приписывает его заслугу, главным образом, трем историческим личностям: Св. Митрополиту Алексию, великому церковному и государственному мужу, Св. Стефану Пермскому — просветителю северных необъятных пространств и больше всего — Преп. Сергию Радонежскому, говоря что «делу нравственного воспитания народа и посвятил свою жизнь преп. Сергей» (стр. 49 «Ц. и Р.»).

Живя в дремучем лесу, преп. Сергей жил в нем *так*, что жизнь его не могла не производить впечатление на современников. Ключевский пишет в том же труде:

«Первое смутное ощущение нравственного мужества, первый проблеск духовного пробуждения — вот в чем состояло это впечатление».

«Примером своей жизни, высотой своего духа преп. Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее».

При имени преп. Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и задерживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады преп. Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание».

«Винючник впечатления давно ушел, исчезла и обстановка его деятельности... а впечатление все живет, переливаясь свежей струей из поколения в поколение, и ни народные бедствия, ни нравственные переломы в обществе доселе не могли сгладить его» (стр. 57, 58, 59)...

Было бы ошибкой думать, что эти слова Ключевского не оправдались в свете событий 20-го столетия. Это было бы поспешным заключением. Мы имеем много оснований думать, что события наших дней скорей подтверждают мнение Ключевского, чем позволяют сомневаться в его правоте.

Вернемся к междуречью, где между Окой и Волгой, как сердце между ребрами, росла и собиралась Русь. Этот отдаленный, с позволения сказать, «медвежий угол», чрезвычайно быстро растет в духовном, культурном, экономическом и политическом смысле, превращаясь в великое княжество Московское: строятся села и города, скупаются земли, присоединяются измельчавшие княжеские уделы... Растет Русь.

Именно здесь, в годы перед Полем Куликовым, закладывались основы того замечательного русского искусства, которое в XV веке найдет свое выражение в творениях знаменитого иконописца Андрея Рублева.

Именно в эти годы у нас опять возникает повышенный интерес к умозрительным проблемам: к философии, к нравственной глубине в нас самих, к смыслу жизни человека и его месту во вселенной... Восстанавливаются и крепнут связи с центром культурного мира — с Византией.

Сюда, в молодую Москву, задолго до того, как она стала государственно-политическим центром, мудростью Святого Митрополита Петра переносится церковный центр, как бы сердце России. Тут крепнет то самосознание, которое определилось еще при Св. Александре Невском: наше направление на восток, а не на запад, подобно Галицкому княжеству.

Сознание нашей преемственности от павшего византийского православного царства, сознание, которое обрели наши предки в середине XV века (Флорентийская уния), выращивалось именно тут, в предкуликовскую пору.

К 1380 г. Москва — крупнейший центр, оплот новой русской государственности, самый большой город России, не считая Великого Новгорода. Но не нужно забывать, что на Поле Куликово вышла и победила не вся Россия, а только несколько больше ее половины. Это говорит о силе тогдашней Москвы, но и о незаконченности собирания Российского государства. Что особенно важно: важно психологически, что победу, как свою общерусскую победу, ощущал *вся* русский народ, бывший и не бывший на Поле Куликовом.

Итак, события начались. В поэтизированной форме это выражено так: «На Москве кони ржут, звенит слава русская по всей земле русской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют на Серпухове, стоят стязи у Дону

у великого на брези» (Слово Сафрония рязанца», стр. 379).

Войско великого князя Дмитрия Ивановича пошло навстречу татарам, стоявшим у Дона на реке Красивая Меча. Дойдя до верховий Дона, русские остановились, не зная переходить ли Дон.

Может, и нам здесь остановиться и откровенно спросить себя: да знаем ли, помним ли мы, где находятся эти верховья Дона, да Непрядва, да Красивая Меча?

Может быть, был прав Шмелев, когда писал:

«Куликово Поле... кто же о нем не слышал! А многие ли знают, где это Куликово Поле? Где-то в верховьях Днепра? в Тульской губернии, кажется?

Да: на стыке ее с Рязанской, от Москвы 300 с небольшим верст, недалеко от станции Астапово, где трагически умер Толстой, в Тургеневских местах, известных по «Запискам Охотника».

А кто удосужился побывать, ощупать, где, по урочищам между верховьями Дона и Непрядвы, совершилось великое событие? Из тысячи не наберется и десятка... я сам, прожив 5 лет по той же Рязанско-Уральской линии, в 117 верстах от станции «Куликово Поле»... так и не удосужился побывать, воздухом давним подышать, к священной земле припасть, напитанной русской кровью, душу собрать в тиши, под кустиком полежать — подумать... как я корю себя... что мало знал свою родину, не изъездил, не исходил!»...

Итак: дошли наши до Дона и не знали, переходить его или не переходить. Почему?

С одной стороны, это, наверное, последняя капля робости: ведь река — прекрасная защитительная позиция. С другой стороны, перейти реку значило создать себе защиту с тыла. Это очень важное

соображение, учитывая соседство с рязанским Олегом, перекинувшимся на татарскую сторону.

«Для того и перешли русские Дон, чтобы Доном оштитить свою спину от своих же, от рязанцев: не ударили бы православные», — пишет Солженицын («Захар Калита»).

Теперь мы с Вами подошли к моменту, когда должно сказать о провиденциальности события. Должно напомнить о том подлинном реализме, о котором мы упомянули в начале, том, который заключается в умении ощущать присутствие *другого мира* столь же явственно как и этого. Этим даром, этой святостью обладал преп. Сергей, который *именно в этот момент* прислал вел. князю вторичное свое благословение, просфору и грамоту: «Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь» (Ключевский, стр. 54).

В это же время подошло ополчение «донских казаков» с образом Божьей Матери, впоследствии вошедшем в нашу историю, как чудотворный образ Донской Божьей Матери. Этот образ, в виде хоругви, войско несло с собою в битву.

В канун Рождества Пресвятой Богородицы, 7-го сентября, повелел вел. князь Димитрий Иванович броды искать и мосты ставить для переправы через Дон.

«С полуночи тучей возносилась Княжеская рать...» — пишет об этой переправе Блок и продолжает, передавая скорбь Матери-Родины за сынов своих, которым девяти из десяти суждено было сложить свои головы на Поле Куликовом:

«И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать...»

Под прикрытием густого тумана наши перешли Дон.
И еще Блок:

«Орлий клекот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой...»

Поутру, когда рассеялся туман, русская рать предстала перед татарами и вынудила их принять бой. Татары уже три недели простояли тут в ожидании своего союзника кн. Ягайла Литовского с его многочисленным войском.

Кто из русских тогда об этом знал, кроме преп. Сергия, сказавшего: «иди без промедления». Кто знал, что литовцы в тот день находились на расстоянии односуточного перехода от Куликовского Поля?

Еще в Коломне, где в успенский пост собрались все ополчения, т.е. на полпути до Дона, были сделаны все назначения на главные командные посты. Войска для сражения были распределены так: передовой полк, «большой полк», т.е. главная сила, занимающая центральное положение; полк «правой руки» — правый фланг, полк «левой руки» — левый фланг. Не могу здесь не упомянуть, что мои далекие предки — князья Ярославские, Василий, Глеб и Роман — были поставлены, вместе с некоторыми другими князьями и воеводами, во главе «полка левой руки», где двое из них, Глеб и Роман, и сложили свои головы. Наконец резерв и засадный полк, спрятанный, что было очень важной стратегической удачей великого князя.

Когда в ночь с 7 на 8 сентября войска перешли Дон, ими и были заняты позиции согласно изложенному распорядку, фронт которого растянулся на 13 верст.

«Великий же князь (читаем мы в летописи) сел на своего любимого коня и ездил по полкам и говорил в

великой горести сердца своего, а слезы, как река, текли из его очей: «Отцы и братья мои, сражайтесь ради Господа и ради Святой Церкви и ради веры христианской; ведь такая смерть для нас не смерть, но жизнь вечная». Укрепив полки, великий князь возвратился к своему знамени. Он сменил свою одежду на одежду простого воина, а свою возложил на любимого воеводу Бренка. Оставив его на своем месте под знаменем, он поехал в передовой полк. Возбронявшим ему идти в самое опасное место сказал: «Если умру, то с вами, если спасусь, то с вами же».

Грозно сошлись два великих войска. Был велик треск и шум от ломающихся копий и от ударов мечей. «В один час, в одно мгновение, сколько погибло душ человеческих — созданий Божьих!» — восклицает летопись и продолжает: «И третий, и четвертый, и пятый, и шестой час крепко, неослабно бьются христиане с погаными татарами... когда же наступил седьмой час дня, Божиим попущением, наших ради грехов, начали поганые одолевать». («Повесть о куликовской битве», стр. 270).

Как полк левой руки теснится татарами к реке, и мы ложимся, как скошенный хлеб, и гибнем под копытами коней и под ударами татарских сабель — невыносимо смотреть на это, на их гибель тем, кто в засадном полку... и наконец: словами летописи — «В час девятый посмотрел Господь милостивым взором на род христианский» (там же, стр. 369) — засадный полк вступает в дело и решает сражение в нашу пользу!

Татары, теперь в свою очередь, бегут и гибнут под русскими мечами. Татар преследуют на десятки верст. «Так закончилось, — говорит историк М.Н.Тихомиров, — крупнейшее военное предприятие».

О тех девяти (из десяти) наших предках, которые не вернулись с Поля Куликова, Русь сохранила вечную память. Вспомним хотя бы только Дмитриевскую поминальную субботу, сохранившуюся в церковной практике и народной памяти доныне,— и можно понять, каким великим событием было для русского народа сражение на Поле Куликовом. Народ пережил не только победу на бранном поле, не только начало полного освобождения от татарского ига, но и явление близости Божией и милости Его к нам.

Было видение двух юношей с обнаженными мечами, одетых в светлые одежды, лица которых сияли подобно солнцу. Они сказали начальникам татарским: «Кто вам позволил уничтожить отечество наше, которое нам даровал Господь»? И начали они посекать татар мечами... («Повесть», стр. 266).

Это ощущение потусторонней помощи, сознание себя в общем деле с предками, которые не только *когда-то* жили тем же, чем живут теперь их потомки, ощущение, что это правое дело есть общее дело как предков, так и потомков,— это сознание есть сознание величайшей важности для будущего, для христианского уразумения жизни.

Последняя молитва великого князя в Москве, когда войска уже выходили из города в поход, была обращена к прародителям. Об этом мы читаем в летописи следующее:

«Князь же вел. Дмитрий Иванович с братом своим с кн. Владимиром Андреевичем, пошел в церковь небесного воеводы архистратига Михаила и преклоняется пред Св. Образом его. И потом пришел к гробам православных князей, прародителей своих, и так говорил со слезами: «Истинные хранители, русские князья, поборники православной веры христианской, прародители наши!

Если имеете смелость просить Христа, то ныне помолитесь о нашем унынии, потому что ныне приключилось великое нашествие на нас, детей ваших. И ныне сражайтесь вместе с нами». И так сказав, вышел из Церкви». (Повесть о Кул. битве. стр. 254).

Результатом этой молитвы и было явление двух светозарных юношей, св. страстотерпцев Бориса и Глеба, сказавших татарам «кто вам позволил уничтожать отечество наше?»

II

Рассмотрев по преимуществу историческую сторону события, теперь постараемся понять его историческое значение. Постараемся усмотреть *смысл* нашей отечественной истории, в частности Поля Куликова. Каково его провиденциальное, т.е. Богом заданное значение? Каков тот подлинный реализм, которым мы должны обладать, чтобы за исторической реальностью не просмотреть реальность того «*другого мира*»? Того, в котором *раскрывается* смысл событий внешних и познается их истинное значение.

Это прекрасно выражено Вл.Соловьевым:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами.

У Бердяева (в его книге «Смысл Истории», стр. 22) читаем, что «философия — это один из путей к познанию духовной действительности. Это есть наука о духе, приобщающая нас к тайнам духовной жизни».

Но, может быть, никто так глубоко не усмотрел сокровенный смысл Поля Куликова, как это сделал наш гениальный поэт Александр Блок. Как известно, он

написал семь отдельных стихотворений под общим названием «На Поле Куликовом».

Прежде всего: «Кто такие «мы»? «Наш путь»... «Нам только снится».

Согласно «Повести временных лет» мы — потомки Иафета, сына Ноя. «От него же родилась Русь православная».

Вот где наши корни, вот куда восходит наше Отечество! К сыну, не превозносящемуся над отцом, а покрывающему отеческий грех, восстанавливающему отеческий авторитет.

Наш путь есть служение *такому* делу отцов, каким было дело Иафета. Пусть это есть борьба с делами Хамовыми (помните: брат Иафета, Хам, посмеявшийся над обнаженным отцом).

В этой борьбе, на этом пути тот нам друг и брат, кто словами Блока говорит:

«И к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Вот кто «мы». Вот каков «наш» путь!

А кто «Ты»?

«Слышал я твой голос сердцем вещим
В криках лебедей».

Или:

«В темном поле были мы с Тобою»...
«Был в щите Твой лик нерукотворный...»

«Ты» — Светлое начало, заповедь-заданность, замысел Божий о России, ее, России, просветленный, идеальный облик, который должен быть *достигнут* в результате исторического пути.

События на Поле Куликовом воспринимаются Блоком как борьба двух начал: светлого (православного) и темного, татарского:

«в степном дыму
блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...»

Между светлым и темным началом вечная борьба — «вечный бой». Процесс этой борьбы — «долгий путь»... Хотя история не медлит и как «степная кобылица, несется вскачь», но все же туда, к завершительной победе добра нужно «домчаться»... «домчимся, озарим кострами степную даль». Это связано с долгой борьбой: «и вечный бой» или «покой нам только снится»...

Нам не дается успокоительных прогнозов на будущее. Наоборот, говорится, что «долго будет родина больна»...

Каждый должен быть бойцом за святое дело ее оздоровления. — «Я не первый воин, не последний», — и *каждый* такой воин не забыт просветленным обликом России, и память о нем возносится к престолу Божию.

«...помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена»...

Об этой светлой жене — Ты, Тобою, Твой — Блок пишет с большой буквы, что позволяет связывать то светлое начало, за господство которого в русской душе, в русской жизни, против начала темного, мы боремся, непосредственно с обликом Божией Матери, чья Св. Икона сопровождала нашей борьбе на поле Куликовом.

Блок предельно реализует присутствие этого светлого, этого божественного начала с русскими, с вел. кн. Дмитрием Ивановичем на бранном Куликовом поле:

...И с туманом над Непрядвой спящей
Прямо на меня
Ты сошла в одежде, свет струящей,
Не спугнув коня...

«Близость милости Божией к нам перед битвой ощущалась во всем,— пишет Блок,— в тумане, зарницах, в блеске волны; птицы, сердце человеческое — все вещало о присутствии Его милости. И это присутствие было реальным: — «освежила пыльную кольчугу на моем плече». Оно, это Присутствие, через Куликово Поле, сделало и нас с Вами воинами за осуществление замысла Божия о России, *«на всегда!»*

«...Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел на всегда».

В стихотворениях цикла «На Поле Куликовом» Блок рассказывает вечную борьбу зла с добром. Это борьба не только двух народов, не только историческое сражение, но борьба двух природ, живущих в нашей душе.

Эта борьба за замысел Божий о душе русского человека продолжается столетиями. Зло деятельно, неустанно. Лик зла принимает разные бытовые и политические и общественные облики и соблазны, но, по существу, это всегда все то же темное начало.

Мы с вами, пережившие страшные за всю историю России 60 лет, являемся свидетелями правды пророческого Блока, рассказавшего о будущем торжестве «темного начала», которое мы пережили в новом обликии, в обликии «партии Ленина-Сталина».

Это злое, кровожадное, насильническое начало, в форме «татарского» обликии с изумительной силой изображено в седьмом стихотворении Блока из цикла «На Поле Куликовом»...

После нашего 60-летнего опыта многим казалось что, говоря словами М.Волошина, «с Россией кончено». Или словами Блока: «пусты поля» и «дрожит земля», и не будет конца ни опустошению, ни дрожи.

Но не все приходили в такое уныние. Были и те, которые не только верили в ее восстание, но и чувствовали, параллельно с внешней, скрытую, подспудную жизнь России. К таким нужно отнести, например, поэта Георгия Иванова, который написал:

«Россия тридцать лет живет в тюрьме,
На Соловках или на Колыме.
И лишь на Колыме и Соловках
Россия та, что будет жить в веках».

«Сибирские лагеря — родина солженицынских романов и повестей,— пишет К.Померанцев. — Там зарождались они среди страданий и унижений. Там жила и продолжалась великая русская литература, которая на сталинской (и на послесталинской!) воле жить не могла. Там в лагерях хранилось великое и вечное России».

В предпоследнем стихотворении Блока из цикла «На поле Куликовом» поэт изображает (как я себе представляю) идеальный облик России. Можно воскликнуть: о, когда же *этот* облик восторгается! Когда Россия с окольных и обманных дорог встанет на путь прямой, на *путь своего* предназначения? Когда же это будет:

«Ах, когда на призывы мои
Он вернется из дальней дали?»

Когда мы, блудные сыны своей собственной истории, услышим, наконец, призыв и придем к богоданному, просветленному своему облику? Когда?

А пока:

...мелькают версты, кручи...

Останови!

Идут, идут испуганные тучи,

Закат в крови!

Не это ли завтрашний день, уже не в переносном, а в прямом смысле? Не Китай ли это? Не третья ли мировая война, гибель всего человечества!

«Покая нет! степная кобылица несется вскачь!»

Но что такое покой? В плане исторических свершений, в плане заданности человеку творчества — покой есть отступление, если хотите — измена и предательство.

Покой только «по ту сторону» исторической действительности становится совершенным достижением.

Сейчас же даже Божество — совершеннейший и вечный Покой — повернут к нашей исторической действительности как «Отец Мой доныне *делает*, и *Аз делаю*».

Покая нет. И не надо! Ибо покой губителен для души, не выполнившей еще своего светлого предназначения.

«Не может сердце жить покоем» — ибо это смерть для сердца! Это бескрылость! Это мещанство, довольное собой, «своим обедом и женой». Скажем словами А.К.Толстого:

«И выгжи ржавчину покоя,

и прах бездействия смети»—

Сколько бы ни отступали мы от своего прямого пути и сколько бы каждый из нас и народ наш в целом ни погружался в тину безрадостных будней, жизни серой и унылой, не знающей *Кем* и для чего дана жизнь,— пока

есть животворящая идея жизни, сохраняющаяся хотя бы в нескольких людях, до той поры не оскудела до конца к нам милость Божия!

В XIX столетии такой «закваской» были Святой Алексей-митрополит, святые Стефан Пермский и Сергей Радонежский. Но вряд ли были *только* они одни!

А в XX столетии — в наши дни — какое небывалое великое множество праведников и мучеников — как Солженицын, как Осипов, Огурцов, как батюшки о. Дмитрий и о. Глеб. И сколько таких стойких и верных как те, о ком сказано:

Мы шли этапом. И не раз
Колонне крикнув «Стой!»
Садиться наземь, в снег и грязь
Приказывал конвой.
И равнодушны и немые,
Как бессловесный скот,
На корточках сидели мы
До окрика «вперед!»
Что пересылок нам пройти
Пришлось за этот срок!
И люди новые в пути
Вливались в наш поток.
И раз случился среди нас,
Пригнувшихся опять,
Один, кто выслушал приказ
И продолжал стоять.
И хоть он тоже знал устав,
В пути зачтенный нам,—
Стоял он, будто не слыхав,
Все так же прост и прям.
Спокоен, прям и очень прост
Среди склоненных всех

Стоял мужчина в полный рост,
Над нами глядя вверх.
Минуя нижние ряды,
конвойный взял прицел.
«Садись!» — он крикнул. — Слышишь, ты?
Садись!» Но тот не сел.
Так тихо было, что слышать
Могли мы сердца ход.
И вдруг конвойный крикнул: «Встать!
Колонна! Марш! Вперед!»
И мы опять месили грязь,
Не ведая куда.
Кто с облегчением смеясь.
Кто — бледный от стыда.
По лагерям, — куда кого
Нас растолкали врозь.
И даже имени его
Узнать мне не пришлось.
Но мне высокий и прямой
Запомнился навек
Над нашей согнутой толпой
Стоящий человек.

Один Господь знает, каким созвездием новомучеников Он украсил землю нашу!

Но даже если бы их, этих стойких, были только единицы, то ведь — опять вспомним Ключевского:

«...и в тесто не нужно много вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически. На это указал Сам Христос, сказав: «Царство Божие подобно закваске». Украдкой западая в массы, это влияние вызывает брожение и незаметно изменяет направление умов, перестраивает весь нравственный строй души». (Ключевский, Ц. и Р.).

Итак, к каким же выводам, рассмотрев исторические события, можно прийти? Прежде всего, к тому, что в народе нашем неистребим тот идеальный образ, которым Бог почтил нашу землю, который зреет, который в великих муках прорастает в России.

Не за Россию бояться надо, а за себя: чтобы не оказаться нам с князем Олегом Рязанским в стане изменников, боязливых и ленивых, но в стане бойцов вместе с великим князем Димитрием Донским.

В заключение вернусь к рассказу Шмелева о том, как найденный на Поле Куликовом нательный крест (событие это происходит в 20-х годах нашего столетия) был вручен отцу и дочери *собственноручно* преп. Сергием Радонежским. Это глубочайшая проблема о вечной, продолжающейся и всеобъемлющей жизни. Проблема того подлинного реализма, «который ощущает жизнь, явления и вещи так, что наличие *другого мира* ощущается столь же явственно, как и этого». Вот переживания девушки после такого *реального* явления преп. Сергия в их семье.

«Она лежала и плакала неслышно. Эти слезы были для нее — радостными и светлыми. Ей открылось, что *все живое, все есть*: будто пропало время, не стало *прошлого*, а все — есть! Для нее стало явным, что покойная мама — с нею, и Шура, мичман, утопленный в море в Гельсингфорсе, единственный брат у ней — жив, и — с нею; и все, что было в ее жизни, и все, что она помнила из книг, из прошлого, далекого — все родное наше — *есть*, и с нею, и Куликово Поле, откуда явился Крест — *здесь*, и в — ней! Не отсвет его истории, а сама его живая сущность, живая явь. Она страшилась, что сейчас забудет это чудесное чувство, что это «дано на миг», боялась шевелиться, испугать мысли... но все это становилось ярче... светилось, жило»... («Куликово Поле», И.Шмелев. стр. 61)

Поле Куликово — не только историческое прошлое, а столь же событие настоящего времени. Оно и *сейчас* происходит:

«Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар»

А ты? Ты — участник этой сечи? Этого *продолжительного* исторического дела? Для русского человека, воспринявшего Поле Куликово на его историософской глубине, ответ может быть дан только словами А.Толстого, воспринятыми как молитва, как покаяние, как обет:

...и вняв карающим словам,
как камень под ударом плота,
огонь таинственный издали!

И Блок:

Не может сердце жить покоем.
Недаром тучи собрались.
Доспех, твой час настал. — Молись!

И заключаем строкой Блока:

«На пути — горячий белый камень,
За рекой — поганая орда».

О белом камне читаем в Священном Писании:

«Побеждающему дам... белый камень, и на камне написано новое имя, которое никто не знает».

Прот.Александр КИСЕЛЕВ

Владимир САМАРИН

НЕПРЕХОДЯЩИЕ ЦЕННОСТИ

(Сборник «Надежда»)

I

Это сборники материалов Самиздата, близкие нам, русским эмигрантам.

В подпольной России сборники «Надежда» распространяются Самиздатом, за границей выходят в издательстве «Посев». В 1977 году вышел первый сборник, в 1980 — третий.

Небольшого формата, на прекрасной бумаге отпечатанные, сборники снова возвращаются в подпольную Россию — разными путями. Распространяются, конечно, и за границей.

В сборниках разные материалы: и написанное в наше время в подпольной России и в эмиграции, и извлеченное из редких дореволюционных изданий, и слово Отцов Церкви, так необходимое верующим.

Одним из предшественников сборников «Надежда» был сборник «Христианское чтение», издававшийся с 1821 по 1917 год при Санктпетербургской Духовной Академии.

Интересно уже само предисловие к сборникам, помещенное в сборнике первом и определяющее их направление.

«Заблудшее, порченное слово,— читаем в этом предисловии,— разрушает плоть мира, безбожные идеи умерщвляют природу человека, нации — в каких бы культурных формах ни воплощались эти идеи. Это запечатлено в нашем трагическом, Голгофском, смертном опыте. И этот опыт учит нас, что только

нравственный, христианский максимализм может быть спасителен в современных условиях, только в присутствии Бога и можно узнать о правах человека, ибо нет прав человека, если нет у него обязанностей перед Богом и ближними. И нет свободы человека, если он убил Бога в своем сознании, похоронив память о Нем».

О сборниках «Надежда» нельзя писать, как пишем мы о сборниках и журналах литературных, устанавливая степень их художественного достоинства.

Как можно подходить с литературными критериями, например, к Слову Иоанна Златоуста (первый сборник), где каждое слово — на вес золота?

Семнадцать страниц его проповеди укрепят дух верующего, помогут утвердиться в вере сомневающемуся, поколеблют материалистические «основы» неверующего.

Во втором сборнике — слово Григория Паламы.

В третьем — главы из книги Преп. Симеона Нового Богослова.

В третьем сборнике ценнейшее для верующих описание Св. Чудотворных икон Пресвятой Богородицы: Владимирской, Казанской, Смоленской-Одигитрии, «Всех скорбящих радости», «Нечаянной Радости».

2

Среди материалов подпольной России — «Записки епископа», принадлежащие перу митрополита Вениамина (сборник первый).

В «Записках» светлый облик отца Ионы Атаманского, которого митрополит Вениамин называет вторым Иоанном Кронштадтским. Отец Иона служил в одесском Успенском соборе, вел огромную просветительскую деятельность, творил чудеса — и до

революции, и в первые годы после нее. Умер в 1924 году. Похороны его вылились в грандиозную народную демонстрацию.

Исполнились предсказания отца Ионы, предрекшего и разорения церквей, и гонения на верующих. Прозорливый взгляд его, как и прозорливый взгляд отца Иоанна Кронштадтского, Святого нашего, видел еще задолго до октябрьской катастрофы неисчислимыя беды, ею принесенные.

В третьем сборнике ценны «Мемуары» Архиепископа Луки, продиктованные им секретарю в 1958 году, в Симферополе.

Талантливый хирург, профессор, автор известного в научном мире труда «Очерки гнойной хирургии», архиепископ Лука (в миру Валерий Войно-Ясенецкий) был известен верующим как истинный подвижник.

Много лет провел архиепископ Лука в тюрьмах и концлагерях. Три раза был в ссылке. Здоровье его было подорвано, к концу жизни он полностью ослеп, и поэтому не писал, а диктовал свои мемуары.

Немощный телом, до конца своих дней сохранил архиепископ Лука неугасимый дух. Большую ценность представляют его мемуары.

В том же третьем сборнике помещены записи и письма, относящиеся к жизни и пастырской деятельности священника о. Сергия Мансурова.

Его пастырская деятельность протекала в годы ожесточенных гонений на веру, на Церковь, и всё, что собрано под общим заголовком «Из архива одной семьи» — еще одно историческое свидетельство тех испытаний, которые выпали на долю истинных пастырей.

Второй сборник заканчивается статьей «Возвращение блудного сына». В ней интересна мысль, касающаяся судеб наций.

«Повидимому,— пишет автор статьи,— личность — человек и личность — нация есть процесс, путь, движение».

«Значит, нация может стать личностью (но может и не стать ею), должна стать личностью, более того, это единственный путь ее сохранения».

Каким образом может осуществиться это движение нации в истории к ее личностному бытию?

Только в Церкви нация может осознать себя личностью и собрать себя в личность».

3

В сборниках «Надежда» находим материалы, полученные из-за границы, наши, эмигрантские. Среди них (в первом сборнике) рассказ-очерк писателя-эмигранта В.Никифорова-Волгина «Дорожный посох».

В.Никифоров-Волгин жил до войны в Эстонии. Потомственный рабочий, он и работал простым рабочим, нуждался. Не успел бежать перед захватом Прибалтики красной армией. В ноябре 1940 года, в переполненном ресторане, произнес горячую антикоммунистическую речь. И тут же был арестован. В январе 1941 года старику-отцу, жившему в Нарве, прислали сверток одежды расстрелянного сына.

Два сборника рассказов Никифорова-Волгина вышли в 30-х годах. Сборник «Земля-именинница» был переиздан в начале 60-х годов в издательстве Св. Троицкого монастыря.

В.Никифорова-Волгина ценил тоже очень русский писатель Иван Шмелев, а вот эмигрантская либеральная

и либеральствующая критика замалчивала.

Тем знаменательнее, тем отраднее факт появления его на родной земле, в подпольной России.

В сборниках «Надежда» есть и стихи поэтов подпольной России.

В первом сборнике стихотворение М.Проматова, посвященное родине нашей, России, и в нем заключительная строфа:

Одета в жалкое тряпье,
И руки заломив сухие,
Там вечно молится Россия
За всех, утративших ее.

Во втором сборнике стихи Н. Марьина из книги «Звездная светлынь», а в них строки надежды:

Бессмертный дух неодолимо свят...
В себя приходят россияне.

В третьем сборнике снова стихи о России, полные боли за нее:

Меня твои тревожат дни,
Я в жизнь пришел твоей дорогой,
Страна, проклятая людьми
И возвеличенная Богом.

Эти проклятья звучат все громче. Проклинают Россию враги ее. И проклиная Россию, они ни слова не говорят о проклятом режиме, ее поработившем, ни слова не говорят о преступлениях режима, о страданиях народа.

Сборники «Надежда», утверждающие национально-религиозные ценности, на которых стояла Россия историческая,— достойный ответ ее врагам, большая поддержка ее верным сынам.

Г.АНДРЕЕВ

В СЛЕДЫ ПРОШЛОГО

Записки эмигранта

Мы так и не удосужились написать хотя бы краткую историю эмиграции, и очень многим уже теперь ничего не говорят такие, например, слова, как Галлиполи, Кондаковский институт или нансеновский паспорт, «Руль» и многие подобные им. Не найти и сведений о том, как принимали наших эмигрантов в тех или иных странах, с какими трудностями встречались они там.

В конце 50-х годов возникло было намерение написать историю эмиграции,— оно почему-то свихнуло в сторону и превратилось в попытку составить описание «вклада русской эмиграции в мировую культуру». Вот ведь незадача: если о делах наших, то непременно «вклад», да еще в культуру и еще мировую — на меньшее не согласны! Хотя эмиграция, в лице и видных, и малых ее представителей, никогда такой «вклад» долгом своим не считала. И то сказать: родина тонет в пучине большевизма, а мы, видите, какие великие задачи решаем!

Словом, сведения о «вкладе» у нас есть,— спасибо и на том. А пройдут еще годы, и кто-то в Москве, Рязани, Ростове или Барнауле спросит: а что это было такое — русская эмиграция, где и как она существовала, как ей приходилось? И окажется, что ответ искать негде.

И теперь не редкость, если вместо вразумительного ответа вы услышите незабываемое, наверно, вечное, по Грибоедову, стенание: ах, Франция, нет в мире лучше края! Как хорошо там было нам! — хотя это

легкомысленное щебетание правды и не касается. В 20-30-е годы Франция была страной, где нашим эмигрантам приходилось совсем не легко и где им нередко приходилось слышать ходкое французское выражение «саль этранже» (грязный иностранец).

Когда-то, в начале своей эмиграции, в первые послевоенные годы, я расспрашивал встречавшихся из первой эмиграции, из разных стран, об условиях там, — в один голос говорили, как трудно было во Франции получить «карт д'идантите» (удостоверение личности), дающую право на жительство. Надо было получить еще и разрешение на работу, его тоже давали не легко, а без него могли выставить вон. И это в союзной по войне совсем недавно стране, когда, помогая ей в критический для нее момент, мы пожертвовали для этого в Восточной Пруссии целой армией.

А во вражеской Германии было легче: разгромленная и обедневшая, она, как говорили мне, почти не делала разницы между своими гражданами и нашими эмигрантами. Разрешение на жительство требовали не везде, как и разрешение на работу. С самого начала немцы стали выдавать нашим эмигрантам пособия по безработице наравне со своими жителями. И надо было крупно им насолить, чтобы услышать — «ферфлюхте ауслендер» («проклятый иностранец», аналог французского «грязного иностранца»).

После второй мировой войны тем более: подавленные и сокрушительным поражением-разгромом, и оккупацией, немцы к нам, их вчерашним бесправным рабам, относились почти с заискиванием. Я без труда получил разрешение на жительство в переполненном беженцами Гамбурге, куда и немцев не хотели больше пускать, а разрешение на работу и не пытался получать:

можно было обойтись без него. Прописка автоматически давала право на получение продуктовых карточек.

Жили мы среди немцев (я с самого начала решил, что лагерей в моей жизни было достаточно, и в лагеря ДиПи не ходил, потому и не пользовался благами УНРРА), и жили скудно, как жили тогда и немцы, но не голодали. Увидели сразу, что на Западе не голодают и тем более от голода не умирают даже в самые трудные времена: здесь ведь «рай для трудящихся» еще не начинали строить. И, может быть, равенство положения сделало так, что мне, например, не пришлось испытывать никаких трудностей, чтобы прижиться к новой обстановке. На «тоску по родине», понятно, не было и намека: мы ведь старались не попасть в лапы смершевских «охотников за черепами», — как же могли бы мы по ним тосковать? Мы нисколько не чувствовали себя в Европе чужими. И когда, спустя много лет, были у нас в Нью-Йорке однажды Белинковы, он, больной может быть и оттого, что не мог прижиться здесь, спросил, как чувствовали мы себя в Европе, я коротко сказал, чтобы не вдаваться в подробности: «как дома», что произвело на него, по моему, большое впечатление.

Не чувствовали мы себя в Европе чужими и потому, что знали ее, еще будучи дома. Знали, понятно, по литературе. И сразу пришлось убеждаться, как неточны, иногда и превратны эти наши знания, — литература наша большой точностью в данном случае не отличалась. Да и сведения ее, главным образом, из прошлого века, сильно устарели.

В Германии давно не было Гретхен и Маргарит «прежнего издания». В стране великих философов мысль примолкла, с Гете и Шиллером сравниться тоже было некому, — впрочем, и у нас люди давно были не прежние.

Нам не надо было смотреть на окружающих снизу вверх, или с завистью, или как иначе: они были вполне нам «по плечу». А во Франции наши сотоварищи, — натуры, разумеется, широчайшие, — быстро раскусили своих окружающих и не затруднились назвать их «сантимниками», о чем, впрочем, мы догадывались еще в плену, наблюдая иногда французских военнопленных, если они оказывались по соседству.

Поправки в цепкие представления, созданные литературой, пришлось вносить сразу. Через месяц после капитуляции Германии ехали мы с моим спутником, астраханским казаком, из Австрии на Кильский канал, на благоприобретенных венгерских лошадях и такой же бричке. Ехали еще через Тюрингию: тогда не знали, что ее «уступили» коммунистам и что западные союзники ее вскоре очистят. Что въехали в английскую зону, узнали только по изменившейся форме военных. Англичане, впрочем, нисколько не интересовались экзотическими путешественниками на конной тяге, как перед тем и американцы, и мы мирно продвигались к нашей цели.

Вместе с тем мы испытывали нечто вроде беспокойства. Не мираж ли это? Разве это англичане? По нашим представлениям (литературным) они должны быть, как на подбор, рослые, худощавые, стройные, — а эти ничем не отличались от малорослой теперь нашей пехтуры. Типичная «пехота не пыли», не видная и совсем не воинственная. И англичанин — опять-таки по литературе — должен быть исполнен чувства собственного достоинства, это благородная, наделенная всем положительным личность, свободная: у них же сколько веков «великая хартия вольностей», самый старый парламент. А у этой мелкоты ни капли от всей этой выси не заметно. И выше, как скоро узнаем, выдавая

наших на смерть, английские офицеры и высоких рангов давали «честное слово английского офицера», что собирают наших не для выдачи,— они заведомо для самих себя лгали, и слово их стоило ни на полущку больше, чем слово самого презренного лондонского воришки.

Мой спутник, до революции студент Казанского университета, даже ругнулся:

— И это англичане? Да таких два десятка на дюжину, и то мало. Чего же нам врать?

Кто, спрашивается, врал? Кто подсунул нам неверное представление, давно ставшее у нас стандартным? В дороге делать нечего, самый раз думать. С XVII века стали часто ездить от нас в чужие страны, ездившие и привезли эти представления. Ездили дворяне, общавшиеся на Западе с подобными себе или со средним слоем и с низами не соприкасавшиеся, видевшие их лишь в отелях и ресторанах в качестве уборщиц и официантов. Англomаны и составили наше представление об англичанах.

Опять грех наших завзятых западников, огулом превозносивших Запад и огульно хуливших свое: они основывались лишь на своих выборочных (и не обязательно лучших), неполных представлениях, выдавали их за общие, распространяя на весь Запад и старались оторвать нас от нашей почвы, без которой мы лишаемся крепости и устойчивости. Оставаясь на своем, мы без опаски могли заимствовать чужое и, заимствуя, превращали его в свое, обогащая этим всех, а не только себя. Искусные итальянцы возвели по нашим заказам Кремль с его соборами — получились они русскими, с первого дня и до наших дней, и без них мир был бы хоть чуточку беднее. А когда бросились перенимать без

разбора, лишь бы перенимать, глотая наспех, без усвоения — вышло всё-таки иноземное, как Петербург: и наше, и словно не наше, то ли призрак, то ли мираж. Освоили, сделали своим, а всё блажит, как туманом чувство застит «странный город Петербург».

Гоняясь часто совсем бездумно за чужим, как-то вроде бы и не заметили, что на пяточке Западной Европы всегда было легче и лучше жить, устроеннее, удобнее, свободнее и защищеннее — потому уже, что пяточок, а не махина. Поди, устрой нашу машину на такой же лад. В Германии от крайней точки на севере до крайней на юге — десять часов езды на поезде, во Франции и Англии — вряд ли больше. А у нас от Москвы в любом направлении до концов даже только в европейской части страны за два-три дня не доскачешь. Да полгода трескучей зимы, тысячи километров лесных чащоб — продерись сквозь них. Но как-то продирались и устраивали свою жизнь на свой лад, и по большей части не так уж плохо. Как же можно было так безмерно настаивать на чужом и отбрасывать свое? Зачем было срываться со своих корней и стараться переделываться в немцев ли, французов или англичан? Шестьдесят с лишним лет занимаются этим коммунисты, «по заветам Ильича», в житейских делах бывшего самым дремучим мещанином, считавшим идеалом для всех среднего зажиточного швейцарца или немца...

Обживаясь на Западе, ходили мы в музеи и картинные галереи, смотрели знаменитые соборы, не пропускали и замки,— не кичливые, поставленные как на показ на Луаре, во Франции,— я предпочитал им средневековые рыцарские, часто полуразрушенные, в Германии, Австрии, Италии, Швейцарии, в камнях которых ощущается не подкрашенная, а подлинная суровая

история, истоки западной жизни. В каждом таком замке на первом плане (для туристов) по-немецки — «фольтер-каммер», пыточные камеры. Вглядываясь в них, осматривая орудия пыток, я думал: ничего не скажешь, разнообразно придумано, и с большим умением. Вроде бы и с горячей любовью. А мы-то не устаем ужасаться, что у нас в Москве пытали, на дыбу вздергивали, плетями жгли, ноздри рвали — и уж не знали мы, как нам еще каяться в этих смертных грехах. На весь мир трезвонили, какие мы скверные, жестокие — звери, не люди! А на самом деле — мы же приголовишками были, куда нам до западных мастеров пыточных дел! Ни дев железных у нас не было, ни вот этой простенькой катушки, как у связистов: взрезали у пытаемого живот, вытаскивали кишку и потихоньку наматывали на эту невинную с виду катушку. И никто при этом волосы на себе не рвал, в грудь себя кулаком не бил и не кричал в голос: какие мы жестокие, скверные, грешные! Наверно, есть некие специальные исследования, позднего времени, для науки, для хладной истории, но не для раскаяния.

«Фольтер-камеры» живо напоминали об обратной стороне славного западного рыцарства: о разбойничьей, грабительской, непомерно жестокой, — о том, о чем у нас не принято было помнить. На Западе в пытках и утонченных массовых казнях (загляните в лондонский Тауэр) не каялись и не ужасались им: их принимали как должное, — а мы за свое давнее прошлое готовы каяться, видимо, до скончания веков. Несем эти грехи, как стопудовую ношу, и распрямиться под ней не можем. Или не хотим? И не по лени ли? Ведь выпрямиться — надо разные трудности преодолевать, достойные пути искать. А так — всё равно грешны, неизбежно, чего же искать.

В московском письме, о котором я упоминал в прошлом номере журнала, тоже звучит эта нота. Письмо начинается с давно набившего оскомину стенания: ах, не было рыцарства на Руси (эти стенания я слышал от наших западников еще полвека назад, на Соловах), и потому у нас всеобщее раболепие, ложь, унижение, которые были так характерны для деспотического строя Московского государства. Ах, рыцарство! Так и представляется: пышность турниров, круглый стол короля Артура, трубадуры и менестрели, миннезингеры, — школа воспитания чести и достоинства личности. А «фольтер-каммер» куда отнести? Ту простенькую, невидную катушку? Мы до нее все же не сумели додуматься. И сколько ни казнили, ни пытали, никогда в этом Запад не превзошли.

Так почему же надо чувствовать себя вроде бы ниже, будто бы виноватыми? Перед кем? У нас нет никаких оснований ощущать себя бедными родственниками: ни одолжаться ни у кого, ни каяться ни перед кем у нас причин нет.

Наша история в этом отношении в действительности была мягче. Мы, например, не искореняли покоренные народы, как западные страны искореняли индейцев Южной и Северной Америк, чёрные народы Африки, как с невиданной еще тогда жестокостью покорили Индию и с меньшим блеском показали себя в других местах. Мы никогда не занимались работорговлей, — нас, забирая в плен, продавали в рабство, иногда даже с участием в этом просвещенных западных стран. Не дошли мы и до того, чтобы давать разрешение на морской разбой, как делали это короли гордой Англии, выговаривая себе долю в награбленном добре. Западники наши, к сожалению, видеть всё это не желали и не хотели, чтобы видели мы.

Они предпочитали удовлетворяться пышной внешностью, красочной романтикой, хотя ни пышность, ни будто бы прочные гуманистические принципы не спасли Запад ни от газовых камер нацистов, ни от сдачи коммунистам на истребление целых народов, уже в наши дни (практика сдачи отдельных людей и целых народов коммунистам на гибель прочно вошла в обиход прославленного западного либерализма).

Не желая видеть горькую правду, западники и создали мнение о будто бы непревзойденной жестокости московского государства, о нашем раболепии, унижении, лжи, «возведенной в систему», как говорится в московском письме, — тогда как всего этого с избытком было и есть и на Западе, если смотреть на него без снисходительной предвзятости. Автор письма пишет, что неприязнь к московской государственности укрепилась у него под влиянием книги графа А.А.Салтыкова «Две России» (1922), достаточно посредственной и потому давно забытой. Салтыков, говорится в письме (как будто бы и Г.П.Федотов, хотя не помню, где бы он так писал), считал, что Москва была «воплощением зловещего и непобежденного в нашей истории этнического начала». Но откуда оно взялось? И почему не проявлялось прежде, в Киевский период, в Новгороде? Тут явная натяжка. Причина суровости режима Москвы между тем известна всем.

К середине XIII века вся русская равнина до Новгорода на северо-западе, пережила невероятный еще для Руси разгром и лежала опустошенной. Города и села были разграблены дотла, выжжены, а население вырезано и во множестве уведено в рабство, немногие оставшиеся, поверженные в отчаяние, обложены тяжелой данью. Бедствие было такого масштаба, которого Русь

не испытывала ни до этого, ни после, — до катастрофы, в которую ввергли страну уже в XX веке коммунисты (марксо-ленинскую «революцию» не случайно в первые годы приравнивали к татаро-монгольскому разгрому). И теперь, через семь столетий, можно, пожалуй, удивляться, как быстро тогда наши пращуры пришли к верной мысли: чтобы выжить, а потом и освободиться, необходимо собраться в единую семью, копить силы, держаться теснее друг к другу. И Русь приступила к созданию единого централизованного Московского государства, — к выполнению в тех условиях разобщенности, обнищания и беспросветного насилия орды грандиозной по сложности задачи.

Опять-таки можно удивляться, как быстро была преодолена удельная разобщенность: уже через сто с небольшим лет поверженная Русь на Куликовом поле доказала и врагу, и самой себе свою жизнеспособность и тягу к самостоятельному государственному существованию. Молодое государство однако было настолько слабым, что потребовалось еще сто лет, чтобы оно вполне окрепло и в 1480 году отказалось признавать власть бывших всесильных победителей.

Больше двух веков потребовалось для освобождения от чужой жестокой власти. Эти века были заполнены борьбой, интригами, войнами между князьями и княжествами, обманами, насилием, казнями: надо было и выжить, и победить жесточайшего врага. И развившиеся тогда проявления деспотизма были вовсе не следствием неизвестно откуда взявшегося «зловещего этнического начала»: они сопутствовали выполнению грандиозной задачи освобождения и сохранения себя, как великого народа.

История создания Московского государства общеизвестна — и непонятно, как могли игнорировать ее наши завзятые западники, которым оказалось невдомек, почему режим этого государства был суровым. Может быть, им, старавшимся многое видеть в розовом свете, и освобождение из-под власти орды казалось легким делом, протекающем в русле любезных им компромиссов (с кем? с Мамаем? С Тохтамышем?), не способных отозваться глубоко ни в нравах, ни в практике государства. Для объяснения самим себе непонятного, они и придумали «зловещее этническое начало».

Петербургский период нашей истории западники, напротив, превозносят, что тоже давно набило оскомину. И в московском письме он восхваляется так, словно «зловещего начала» и не было, хотя петербургский период наследовал московскому, без которого появиться не мог. В то же время петербургский мог прийти и без Петра Первого, беспощадно изломавшего уклад Московской Руси, со всем не только плохим, но и хорошим в нем: петербургский период был заложен в тех ростках новой осторожной связи с Западом, которая началась в процессе создания Московского государства, задолго до Петра.

Поклонники только петербургского периода обычно говорят (так заявляется и в московском письме), что жестокость коммунистического режима проистекает от нравов и практики Московской Руси. Но тут явное смешение того, что смешиванию не подлежит. Свирепость и лживость ленинско-сталинского, теперь и брежневского режима обусловлена тем, что коммунисты взвалили на наши народы надуманную и невыполнимую, перемалывающую силы народов задачу по коренной перестройке отношений в мире в соответствии

с марксистскими догмами. Настоящего согласия с этой утопической задачей у наших народов никогда не возникнет, поэтому коммунисты никогда не смогут отказаться от насилия — от террора и лжи всёёдушающей пропаганды, ибо без этого они не сохранят свою власть. В то же время тяжелая задача, выпавшая нам в московском периоде, вытекла из органического развития истории, в ней не было ничего надуманного, искусственного. Там была суровая реальность и необходимость — здесь свирепая ложь утопии, проводимая малой кучкой «вождей», — факты несравнимые. Несмотря на суровость, московский режим принимался народом добровольно, тогда как коммунистический режим и добровольность — понятия взаимоисключающие.

Коммунистический разбой в мире, в любых видах и программах (как и поверженный национал-социализм) — следствие бушующего во взбаламученном море народов духовного кризиса, опасной болезни духа, и практику этого разбоя с прошлой историей сравнивать не приходится. Там была практика государственная — здесь лишь узко партийная. Какое же может быть сравнение?

Пересмотр стандарных, навязанных нам западниками (романтиками или, напротив, весьма трезвыми дельцами типа Ленина) взглядов и представлений должен быть подчинен выполнению всё той же, не отменяемой задачи, возникшей еще в 1917 году. Для лечения не только России, но и всего мира власть «партии Ленина», навязанная насилием и обманом, должна быть устранена. Вваленная на нашу страну нелепая ноша «мировой революции» должна быть сброшена, — только тогда сможет прийти лечение и переход к нормальной

правовой государственности, обеспечивающей мирное существование всем. Задача эта необычайной сложности и трудности,— рано или поздно она всё равно будет решена. Тогда и Москва, и Петербург с их славной историей смогут опять занять свои заслуженно высокие места.

К жизни или смерти?

Прошедшие в ноябре этого года в США выборы были не просто очередными: для демократической партии и питаемых ею традиционно-либеральных представлений они оказались сокрушительным разгромом. Победили не только республиканцы и их кандидат в президенты Р.Рейген: победил прежде всего здравый смысл избирателей, убедившихся в идейной и политической несостоятельности правления президента Картера и его партии.

Поражение демократической партии и представлений американских либералов, идейных вдохновителей этой партии, выявило разные стороны их несостоятельности. По давней привычке веря в легкую возможность внушения массе желаемого, они не жалели сил и средств на пропаганду,— прием этот не помог. Может быть, явна была демагогичность и пустота людей, которые сами видели непригодность своих кандидатов и всё же старались навязать их избирателям, обнаруживая этим свою идейную и моральную «невзыскательность» и опустошенность, как и отсутствие у либералов крупных деятелей.

Четыре года назад в их среде вдруг появился никому, в сущности, неведомый человек с обворожительной улыбкой и неутомимой речью. Он не уставал обещать

всем всё, что им хотелось бы и вздумалось. На удивление и самих демократов, он быстро обогнал других кандидатов их партии и принудил ее поддержать себя. И партии без весомого идейного багажа и без более надежных кандидатов осталось лишь спасовать перед натиском напористого добровольца в президенты.

В условиях, когда американские либералы, привычно играя на понижение, постарались, раздув невероятно случай с Вотергейтом, принизить верховную власть своей страны, снизить необходимый ей авторитет, масса избирателей, сбита с толку, могла вообразить, что перед ней, в лице Джимми Картера, предстал деятель нового типа — не обычный политик, а простой «наш парень», — он и старался изображать «первого парня на деревне». Массе он будто бы подошел: выбрав его, избиратели как бы подтвердили мнение о своей неразборчивости и легковёрности.

Как мы помним, Картер не уставал обещать. Рост бюрократизма? Это я сокращу. Инфляция, бюджетный дефицит? — мигом исправим. Обещания расточались с такой легкостью, будто он маг и волшебник. И многим это импонировало, тем более, что либералы давно уверили всех, что предвыборные обещания не стоят ломаного гроша. Действовал артистизм мага, его цирковая ловкость.

Наблюдая тогда эту бездумную ловкость, невольно думалось: а есть ли за ней что-либо дельное? Я тогда решил, что на высший пост в США попал, по прежним русским понятиям, помещик средней руки, — разве справится он с труднейшими своими обязанностями? Потом, узнав, что его считали хорошим фермером, приблизил его характеристику к американским условиям и современной фразеологии, говоря, что в его лице

высший пост в стране занял выдающийся фермер, что ничего хорошего сулить не могло. Это вскоре и подтвердилось.

Можно, полагаю, утверждать, что основной чертой картеровского правления, его стилем было — идти по линии наименьшего сопротивления с помощью преимущественно уступок. Продолжать щедро сыпать обещания, склоняя на свою сторону те или иные группы или страны подачками, не скупясь на обещания еще более щедрых подачек и расточая попутно комплименты, — глядишь, так пройдут первые четыре года, а там, по установившейся привычке, не слишком умный в массе своей избиратель выберет и еще на четыре. Картер, по всей видимости, твердо надеялся на второй срок: у него достаточно самоуверенности, а для трезвой оценки своей деятельности не хватало ни опыта, ни умения, ни компетентности. Отсутствие у него компетентности для поста президента отметили даже некоторые поддерживавшие его демократы.

Его правление практически профанировало самый высокий пост в стране. Оно было слишком слабым, нерешительным, неуверенным и потому неспособным оказывать требующееся стране и миру влияние на волнения и бури современности. Оно отдавало провинциализмом, отсталостью и было недостойным великой страны, быстро терявшей при Картере прежние влияния и престиж, что отлично заметили избиратели, по мнению либералов, будто бы удовлетворяющиеся лишь, в первую очередь, материальным благополучием. И только при такой потере престижа Брежнев мог почти требовать от Запада не мешать коммунистам идти по всему миру с их марксо-ленинской революцией.

Ноябрьское поражение демократической партии в США — еще одно подтверждение глубокого кризиса западного либерализма, словно бы не видящего колоссальных перемен повсюду в мире в XX веке и продолжающего действовать без учета новой обстановки. У либерализма много заслуг: огромные достижения в науке и технике, совершенствование общественных отношений, необычайно высокий материальный уровень жизни в промышленных демократических странах — это всё в значительной степени результат следования идеям либерализма. Но либералы видимо «почили на успехах», полагая, что и в новых условиях они могут действовать со своими старыми, полутора- и двухвековыми идеями и лозунгами, давно истрепавшимися и более не пригодными. Им придется или серьезно взяться за пересмотр своего обветшавшего идейного багажа и методов работы,— либо готовиться к уходу со сцены.

Г.АНДРЕЕВ

ФОТОКОМПЬЮТЕРНАЯ ТИПОГРАФИЯ
НОВЕЙШИЙ КОМПЬЮТЕРНЫЙ НАБОР И ДОБРОКАЧЕСТВЕННАЯ
ОФСЕТНАЯ ПЕЧАТЬ КНИГ, ЖУРНАЛОВ, ГАЗЕТ, БРОШЮР, АФИШ.
БОЛЬШОЙ ВЫБОР МОДЕРНЫХ РУССКИХ ШРИФТОВ (свыше 200).
ГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ — БЕСПЛАТНАЯ КОРРЕКТУРА
ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ПЕЧАТИ — низкие цены
ДЛЯ НОВЫХ ЗАКАЗЧИКОВ — ОСОБАЯ СКИДКА
Писать или звонить Борису Бересту: (212) 445-2836

LITERARY FRONTIERS

P.O. Box 54101, Linden Hill Station, New York 11354

Вяч.ЗАВАЛИШИН

ЛУЧШИЙ ИКОНОПИСЕЦ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

(К пятилетию со дня кончины Пимена Софронова)

В 1979 году на международной выставке произведений изобразительного искусства в ньюйоркском Колизее (Экспо-79) обратила на себя внимание группа иконописцев из Болгарии. Из их слов выяснилось, что в Софии и в других болгарских городах существуют и теперь, пусть в несколько суженном виде, иконописные школы имени Пимена Софронова.

Кто же он, Пимен Софронов? Имя его стало легендой. Но реальный, живой Пимен Софронов был моим добрым знакомым, а потом и лучшим другом.

Он скончался пять лет назад в городе Мелвиле (штат Нью Джерси) в Соединённых Штатах. Болгарским иконописцам на выставке Экспо-79 было трудно поверить, что это тот самый Софронов, память которого они так чтут.

Сказанное относится и к иконописцам современной Югославии. Имя Софронова многое говорит специалистам по древнерусскому искусству. Заслуженный профессор Кембриджского университета в Англии Николай Ефремович Андреев в статье, опубликованной в «Новом Русском Слове», назвал Пимена Максимовича «знаменитым иконописцем». А ещё раньше о Софронове, как о крупнейшем хранителе традиций византийской и древнерусской иконописи, говорил заслуженный деятель науки СССР, доктор филологических наук Владимир Иванович Малышев, скончавшийся в опале в Ленинграде.

Исключительно высокого мнения о Софронове был епископ Парфений Болгарский, высоко и разносторонне образованный человек.

Восхищался творчеством Софронова писатель и эссеист Крымов, сам из староверов.

Вот почему я считаю своим долгом рассказать о своей дружбе и долгих беседах со скончавшимся пять лет назад Пименом Максимовичем Софроновым.

В 1947 году, находясь тогда в Мюнхене, я получил из Рима из института Руссикум в Ватикане письмо, подписанное реставратором института Пименом Софроновым. Оказывается, он прочитал мою заметку в редактировавшемся покойным С.П. Мельгуновым парижском журнале. В этой заметке я писал о судьбе замечательного иконописца С.И. Земскова. Земсков, старообрядец, поповец, ещё задолго до революции молодым монахом участвовал в реставрации настенных росписей двух новгородских церквей: церкви Феодора Стратилата на Ручье и храма Спаса на Ильинской улице. Реставрационные работы вёл крупнейший знаток византийской и древнерусской иконописи Александр Иванович Анисимов. Если хорошо известная в эмиграции профессор Шефер была одной из самых ранних его учеников, то я принадлежал к группе самых поздних учеников Александра Ивановича, арестованного в годы ежовщины и погибшего в сталинском застенке.

Проф. А.И. Анисимов установил, что настенные росписи в обоих этих храмах принадлежат гениальному иконописцу Феофану Греку, учителю Андрея Рублёва.

Земсков играл самую незначительную роль в расчистке этих настенных росписей. Но я обязан ему тем, что он до мельчайших подробностей разъяснил мне, как велись работы. Не будь моих встреч и бесед с Земсковым,

я вряд ли познал бы сокровенный смысл древнерусской иконописи. А кроме того, если бы я не сообщил Пимену Максимовичу того, что мне было известно о Земскове, вряд ли у меня бы налачился перешедший позднее в дружбу контакт со знаменитым иконописцем.

Я писал Софронову, что после закрытия Сковородского монастыря под Новгородом (это случилось ещё в двадцатых годах) Земсков перестал ходить в рясе и скуфейке. На нём была пролетарская кепка, пиджак и сапоги. Но Земсков говорил мне, что в душе он на всю жизнь остался монахом. Он очень почитал новгородского архиепископа, а позднее митрополита Арсения, который наряду с митрополитом Тихоном и митрополитом Антонием был кандидатом в патриархи после революции.

В середине двадцатых годов Земсков работал в экспериментальной лаборатории при живописном цехе фарфорово-фаянсовой фабрики «Красный пролетарий» (бывшей Кузнецовской) в Бронницах Мстинских (от Новгорода до Бронниц примерно полтора часа на пароходе).

Тогда Земсков работал над светской тематикой: расписывал сервизы на темы былин о Садко и Ваське Буслаеве. Был у него и сервиз, где он иллюстрировал пушкинский эпос о Вадиме Новгородском. Земсков оставался неизменно верен художественным методам и эстетике древнерусской иконописи и при переходе к светской тематике, которая во всех случаях становилась тематикой древнерусского эпоса.

Земскова собирались чествовать, так же как в своё время чествовали старика Баканова — крупного палехского мастера, которому присвоили звание заслуженного деятеля искусств. Но Земсков умер

накануне чествования, которое его мало привлекало. У меня сложилось впечатление, что он стеснялся сулимым ему официальных почестей.

Когда я спросил Пимена Софронова, почему он так заинтересовался личностью и творчеством Земскова, Софронов ответил, что он слышал о Земскове от своего учителя Фролова.

Имя Фролова мне было тоже известно со слов Земскова. Фролов начал работать в Новгороде, но оттуда подался в Псков, уповая на старообрядческие селения на Чудском озере.

Беспоповец Фролов был гораздо более фанатичным старовером, чем Земсков, шедший на компромиссы с епархией архиепископа новгородского и старорусского Арсения.

После революции Фролов, проникшийся любовью к иконам и фрескам Печорского монастыря, оказался территориально отторгнутым от России в Эстонии.

В старообрядческом селе Раюши, неподалеку от Чудского озера, Фролов основал иконописную школу. Самым способным учеником Фролова оказался Пима Софронов из соседней деревни Тихотка.

Софронов много и упорно занимался самообразованием. Его стали отмечать в Риге, где была старообрядческая интеллигенция во главе с талантливым и высокоэрудированным историком древнерусской культуры Иваном Никифоровичем Заволоко.

Пимен Софронов был на диво работоспособным и любознательным. Он из года в год совершенствовался и рос в своём мастерстве. Его стали признавать в Европе и Америке.

В начале тридцатых годов Пимена Софронова приглашают в Ватикан для реставрации старинных икон и для написания новых в византийском и древнерусском стиле. Контакт с институтом Руссикум в Ватикане Пимен Максимович сохранил до самых последних дней своей жизни. Ему писали письма профессор Аммон и кардинал Тиссеран, начальник канцелярии папы Пия XII.

Общество «Русская икона» пригласило Пимена Максимовича в Париж и другие города Франции, где у него появились признательные ученики. Как иконописец, мастер настенных росписей и реставратор, Пимен Софронов годами работал в Болгарии и Югославии.

Он был ещё и умным занимательным рассказчиком. Часами можно было слушать, как он рассказывал о фресках Дечанского монастыря в Югославии, о фресках Кахрие Джамии в Турции, об Афоне, о староболгарском религиозном искусстве.

В начале 50-х годов, в полном расцвете творческих сил, Пимен Софронов переезжает в Канаду, а затем в Соединённые Штаты. Ему принадлежат настенные росписи Троицкого собора в Бруклине, а также настенные росписи православных церквей в Ансонии, в Трентоне и других городах.

Кроме того, Софроновым написано и отреставрировано множество икон для славянских православных церквей: русских, украинских, болгарских, сербских, греческих. В пределах сжатого очерка не представляется возможным дать ретроспективный анализ религиозной живописи Пимена Софронова, но несомненно одно: он — лучший, достойнейший иконописец современного славянского мира. Уверен, что со мной согласятся ценители и почитатели этого древнего и прекрасного искусства.

Софронов стал как бы посредником между религиозной живописью России, Сербии, Болгарии. Он как бы скрещивал многовековые традиции религиозного искусства этих народов, поставив себе целью возрождение византийских и старославянских традиций в новых временах. И этой цели Софронов достиг.

Верность канонам, многовековым традициям, преклонение перед силой предания — отличительная особенность византийской, древнерусской, старославянской иконописи. Но Софронов указывал неоднократно, что современный иконописец не ограничивает своё служение религиозному искусству непрерывным составлением «изводов», то есть копий с некоторыми канонически приемлемыми отклонениями от них. И теперь, как и в незапамятную старину, иконописец, не нарушая главных принципов многовековых традиций, может быть творцом или, точнее, сотворцом индивидуального художественного произведения, которое называется иконой. Таково было твёрдое убеждение Пимена Максимовича.

Как он понимал понятие «сотворец»? Приведу три примера.

Есть Белозерская Богоматерь, написанная древним мастером травниковым (то есть зелёным) цветом. Не травяным, а именно травниковым, ибо в старину иконописцы называли «травнем весенним» или «травнем пресветлым» зелёную краску. Сходный цвет Пимен Софронов применил, созидая образ Николая Чудотворца, взяв за образец икону Миколы Липиего, покровителя ильменских и ладожских рыбаков, написанную в XIII веке искусным Алексой Петровым. Вот в таком использовании травней Пимен Софронов и становился сотворцом.

Так же было, когда он расширял архитектурный пейзаж первозданного образца или превращал орнаменталистику басмы (серебряной или из какого-либо другого металла окаемки старинной иконы) в цветовой фон собственных настенных росписей.

Пимен Софронов не был согласен с тем, что дух византийской культуры — исключительно строгий, суровый, автократический. Надо обязательно различать две унаследованные Русью стороны византийской религиозной культуры: пантократическую (пантократор в переводе на русский — вседержитель) и благостную.

Так Христу в куполе Св. Софии в Киеве и древнерусскому «Спасу ярое око» противостоят Владимирская Богоматерь («перехожая», то есть привезённая в Россию византийская икона XII века) и рублёвский «Златокрылатый Спас» из звенигородского чина...

Я привел лишь частицу моих бесед с Пименом Максимовичем Софроновым. Полное описание этих бесед потребовало бы целой книги.

Пимен Софронов скончался, не дожив несколько месяцев до чествования в связи с семидесятипятилетием. О его смерти и судьбе его наследства ходило и ходит множество слухов. Как друг покойного, я свидетельствую и мог бы подтвердить это под присягой, что смерть Пимена Максимовича не была насильственной. Сердце знаменитого иконописца не выдержало двух несчастных случаев, которые с ним произошли чуть ли не на моих глазах.

Когда Пимен Максимович расписывал Троицкий собор в Бруклине, неожиданно рухнули подпорки лесов. Иконописец долго держался руками за перекладину,

чтобы не упасть с большой высоты на пол и не разбиться. Хорошо, что вовремя прибыли пожарные и спасли мастера с помощью раздвижной лестницы. Пимен Максимович был уже тогда на волосок от гибели. Я прибыл в госпиталь и навестил больного на другой день после этого случая.

Второй случай был ещё трагичнее и едва не стоил Пимену Софронову жизни. Это было как раз тогда, когда я гостил у Пимена Максимовича в Ансонии (штат Коннектикут). Там он, расписывая церковь, упал с лесов и сильно расшибся. Врачи опасались за его жизнь. Так что о якобы насильственной смерти Пимена Софронова не может быть и речи.

Ходили и ходят также слухи, что Пимен Софонов составил завешание в пользу Мелвильской старообрядческой общины (у иконописца был дом в Мелвиле) под большим нажимом. И здесь я утверждаю и опять-таки готов подтвердить это под присягой, что никакого нажима на Пимена Максимовича оказано не было. В последние месяцы своей жизни он не раз говорил мне, что его иконами, книгами и другими ценностями будет после его смерти распоряжаться мелвильская старообрядческая община. Так что завешание было сделано иконописцем добровольно, и на этот счёт двух мнений быть не может. Наследие Пимена Софронова тщательно оберегается и по сей день.

Единственное, с чем следует согласиться, это что руководители мелвильской старообрядческой общины лишь в одном, но очень важном, на мой взгляд, пункте предсмертной воли покойного не выполнили. Речь идёт о юбилейном сборнике к семидесятипятилетию знаменитого иконописца, который подготавливал сам Пимен Максимович. Я был приглашён Софоновым редактиро-

вать этот сборник, и нами совместно был составлен его подробный план. Пимен Максимович был необыкновенно обрадован согласием профессора Кембриджского университета Н.Е.Андреева дать статью для сборника. Очень хотел Софронов, чтобы в сборнике приняли участие проф. Зеньковский, проф. Б.Г.Унбегаун и молодой историк старообрядчества Антон Беляев. Мы договорились, что для планируемого сборника следует использовать отрывки из писем и посланий Рябушинского, Крымова, кардинала Тиссерана, будущего папы Иоанна XXIII (когда он был ещё посланцем Ватикана в Хорватии), митрополита Леонтия, архиепископа Иоанна (Максимовича) и других.

В юбилейном сборнике согласились принять участие выдающиеся австрийские, немецкие, датские искусствоведы. Пимен Максимович очень уважал и ценил их авторитет, но его очень беспокоило то, что они инославные (включая проф. Унбегауна). Я его убеждал, что, во-первых, они крупные учёные, во-вторых, — что ещё важнее — они искренне любят византийскую и древнерусскую иконопись. Боюсь, что не всегда и не во всём мне удавалось в этом смысле переубедить Пимена Максимовича. Но всё-таки я не терял надежды, что в конце концов можно будет найти какой-то компромиссный выход.

Пимен Максимович был горд тем, что его уважали и считали крупнейшим мастером религиозной живописи. Заслуженный деятель науки СССР, доктор филологических наук Владимир Иванович Малышев и историк старообрядчества Иван Никифорович Заволоко, один из немногих «насельников Воркуты», кто был не посмертно, а при жизни реабилитирован после смерти Сталина.

Я доказывал Пимену Максимовичу, что поскольку суждения Заволоко и Малышева касались исключительно проблем истории византийского и древнерусского искусства, то не следует принимать во внимание их отношение к политическим событиям в Советском Союзе. И эта проблема оказалась окончательно не решенной нами.

Но о чём мы договорились и что воодушевило Пимена Максимовича, так это два вопроса, имевшие прямое и непосредственное отношение к нему лично: во-первых, он живо и увлекательно рассказывал о своём впечатлении от фресок и икон Печорского монастыря, о Дечанских фресках в Югославии, о старинных древнерусских, древнеболгарских, древнегреческих иконах, которые он видел в своё время на Афоне. Я убеждал Пимена Максимовича зафиксировать свои впечатления на магнитофонную ленту, с тем, чтобы позднее перепечатать текст на машинке и отредактировать, тем более, что у Пимена Максимовича был несколько устарелый и тяжеловатый русский язык — за его плечами была многовековая языковая стихия его предков-старообрядцев. Может быть, это было самым главным, что привлекало в Пимене Софронове профессора Б.Г.Унбегауна.

Меньше усилий потребовалось мне, чтобы утвердить и поддержать давнюю мечту самого Пимена Максимовича: создать религиозные композиции на темы жития протопопа Аввакума и жития инока Епифания. Кое-какие опыты в этом направлении были знаменитым иконописцем предприняты.

Однако скоропостижная смерть иконописца помешала выпустить юбилейный сборник в честь семидесятилетия Пимена Софронова. Приглашён-

ный знаменитым иконописцем редактировать этот сборник, я твёрдо договорился с юбиляром, что сборник будет приведён в полный порядок не до юбилея, а после него с тем, чтобы включить в него материалы предстоящего торжества. Не беда, если сборник будет выпущен через полгода или даже через год после юбилея. Вот тут-то я и встретил всестороннее и полное одобрение Пимена Максимовича, который незадолго до смерти сказал мне: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Гоп сказать можно и с опозданием».

Это мне сказал Пимен Софронов за две недели до своей преждевременной смерти. Тем обиднее, что руководители мелвильской старообрядческой общины предсмертной воли покойного в этом единственном пункте не выполнили.

В заключение одно деловое предложение: в Америке (в частности в Нью-Йорке), проводятся недели славянской культуры; почему бы одну из недель не посвятить светлой памяти Пимена Максимовича Софронова, которого одинаково чтут и в русском зарубежье, и в Советском Союзе, и в Сербии, и в Болгарии — словом, во всём православном мире.

Пимен Максимович Софронов, повторяю,— самый выдающийся иконописец современного славянского мира.

Вяч.Завалишин

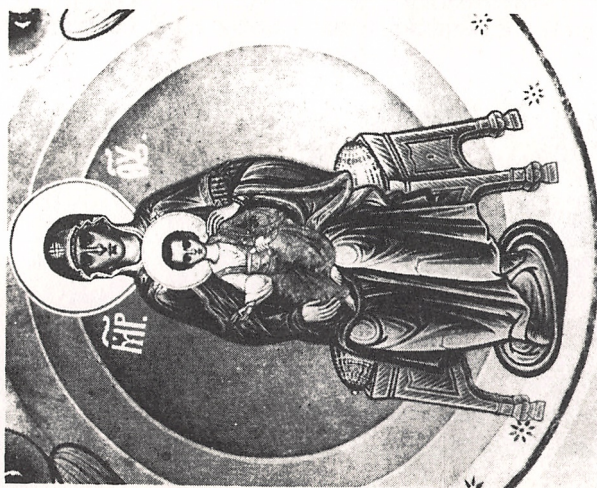
**ЧАСТЬ РАБОТ ПО РОСПИСИ СВ.
ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ В БРУКЛИНЕ,
НЬЮ-ЙОРК**

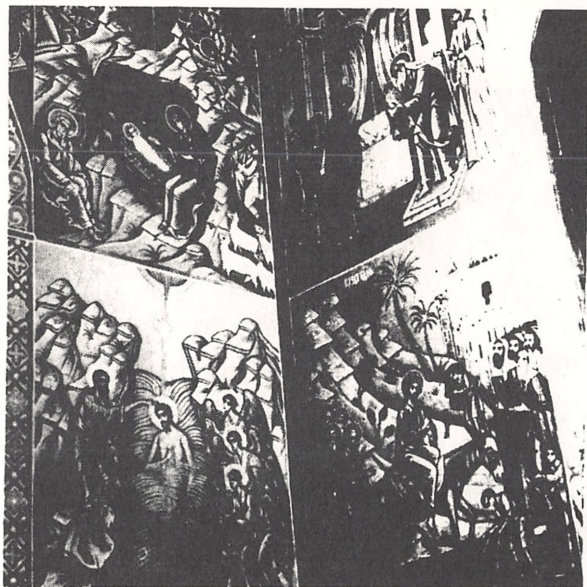
Вознесение (роспись в куполе)

Крестный путь

Богородица с Сыном

Слева внизу: Крещение, справа внизу: Вход Господень в Иерусалим

П.М.Софронов за работой

Прот. Александр Киселев

ОБЛИК ГЕНЕРАЛА А.А.ВЛАСОВА

(Записки военного священника)

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

227 страниц, фотографии. Цена \$8.-

Заказы по адресу:

St. Seraphim Foundation

322 W 108 St., New York. N.Y. 10025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Солженицын. Иметь мужество видеть</i>	5
<i>А. Климов. Обзор полемических откликов</i>	32
<i>Л. Тимофеев. Технология чёрного рынка</i>	43
<i>В. Тростников. Трагедия Ивана Грозного</i>	90
<i>В. Алексеев и Ф. Ставрү. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории</i>	108
<i>Добротолубие</i>	127
<i>Прот. А. Киселев. Поле Куликово</i>	135
<i>В. Самарин. Непреходящие ценности</i>	156
<i>Г. Андреев. В следы прошлого</i>	161
<i>В. Завалишин. Лучший иконописец нашего времени</i> .	177
<i>П. Софронов. Часть работ по росписи Св. Троицкой церкви в Бруклине, Нью-Йорк</i>	188

« РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Подписка на 4 номера	США, Канада	Другие
	Австралия	страны
Рассылка журнала :	из Нью-Йорка	из Парижа
I. Подписка с пересылкой обыкновенной почтой	19 ам. долл.	75 фр. фр.
II. Подписка с пересылкой воздушной почтой	29 ам. долл.	100 фр. фр.
III. Цена в розничной продаже	5 ам. долл.	25 фр. фр.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличивать подписную плату насколько кто может.

Подписную плату следует посылать (чеками или почтовыми переводами)

« 1000 Anniversary Committee », 322 W. 108 St.,
New York, N.Y., 10025, USA

в Европе чеки посылать секретарю редакции:
Melle Nathalie Semenoff 1, rue Delaporte,
94700 Maisons-Alfort, France.

Компьютерный набор, вёрстка и печать:
ТИПОГРАФИЯ «ЛИТЕРАТУРНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ»

P.O. Box 54101, Linden Hill Sta, New York 11354, Tel. (212) 445-2836